ФБГУН Институт археологии РАН
Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Археология: история и перспективы

Восьмая межрегиональная конференция

Сборник статей

Ярославль
2018

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии Российской академии наук
Ученым советом Ярославского государственного
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЛЕГИЯ:
А. Е. Леонтьев, д-р ист. наук, отв. редактор
А. В. Энговатова, канд. ист. наук
Н. В. Артемьева
О. М. Стадник

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
В. Ю. Коваль, кандидат исторических наук
П. Д. Малыгин, кандидат исторических наук

А87 Археология: история и перспективы: Восьмая межрегиональная конференция: сб. статей / под ред. А. Е. Леонтьева. — Ярославль: ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»; ООО «Академия 76», 2018. — 232 с.; ил.

ISBN 978-5-906040-66-4

Книга представляет собой сборник статей участников VIII Межрегиональной конференции «Археология: история и перспективы», которая состоялась в Ярославле 6–7 октября 2016 г. Сборник посвящен изучению Ярославского края и близлежащих регионов в археологическом отношении.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов и всех, интересующихся историей.

УДК 902/904
ББК 63.4

© Авторы статей, 2018
© ООО «Академия 76», 2018
© ФБГУН Институт археологии РАН
© ГАУК Ярославской области «Ярославский государственный историкоархитектурный и художественный музей-заповедник», 2018

Содержание

Памяти Константина Ивановича Комарова
Кашкин А. В., Леонтьев А. Е., Нефёдов В. С., Самойлович Н. Г. 5

Альквист А. Локсимерь 10

Вишневский В. И. Поселения поздней бронзы — раннего железа Акуловское и Устьинское на р. Устье Борисоглебского района Ярославской области 28

Гайдуков П. Г., Энговатова А. В. Новая вислая актовая печать из раскопок в Ярославле 40

Кашкин А. В. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье. Географический аспект 44

Клещенко Е. А. К вопросу о реконструкции элементов погребального убора в кремации (по материалам могильников Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.) 51

Леонтьев А. Е., Кашкин А. В., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г. Археологические памятники у с. Филимоново на р. Саре. Результаты исследований 2015 г. 58

Орфинская О. В. Изучение древнерусских текстильных изделий (историографический очерк) 73

Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Новые находки подвесок на памятнике Усть-Шексна 103

Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И., Пискунова Е. В. Охрана памятников археологии и ее социальная функция на примере деятельности Рыбинской археологической экспедиции 113

Рязанцев Н. П. Становление законодательства об охране археологических памятников в России в XVIII — начале XX вв. ... 120

Седых В. Н., Зозуля С. С. Раскопки Иоганна Аспелина в Тимерёво в 1872 году 133

Спиридонова Е. В., Праздников В. В. Поселение Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области: раскопки 2010–2016 гг. .. 150

Травкин П. Н. Строительная жертва в основании крепостного вала Алабужского городища 161

Фролов И. В. Археологическое изучение Борисоглебского района: история и перспективы 174

Щербаков В. Л. Технология изготовления ножей в Костромском Поволжье в XII–XIII вв. (по материалам погребальных памятников) 189

Энговатова А. В., Васильева Е. Е. Археологические исследования в Ярославле в 2017 году (предварительные результаты) 196

Энговатова А. В., Кадиева Е. К. Характеристика керамических комплексов из девяти массовых захоронений на территории древнего кремля г. Ярославля 204

Яганов А. В. К исторической топографии Углича: Богоявленский девичий монастырь 218

Список сокращений 230

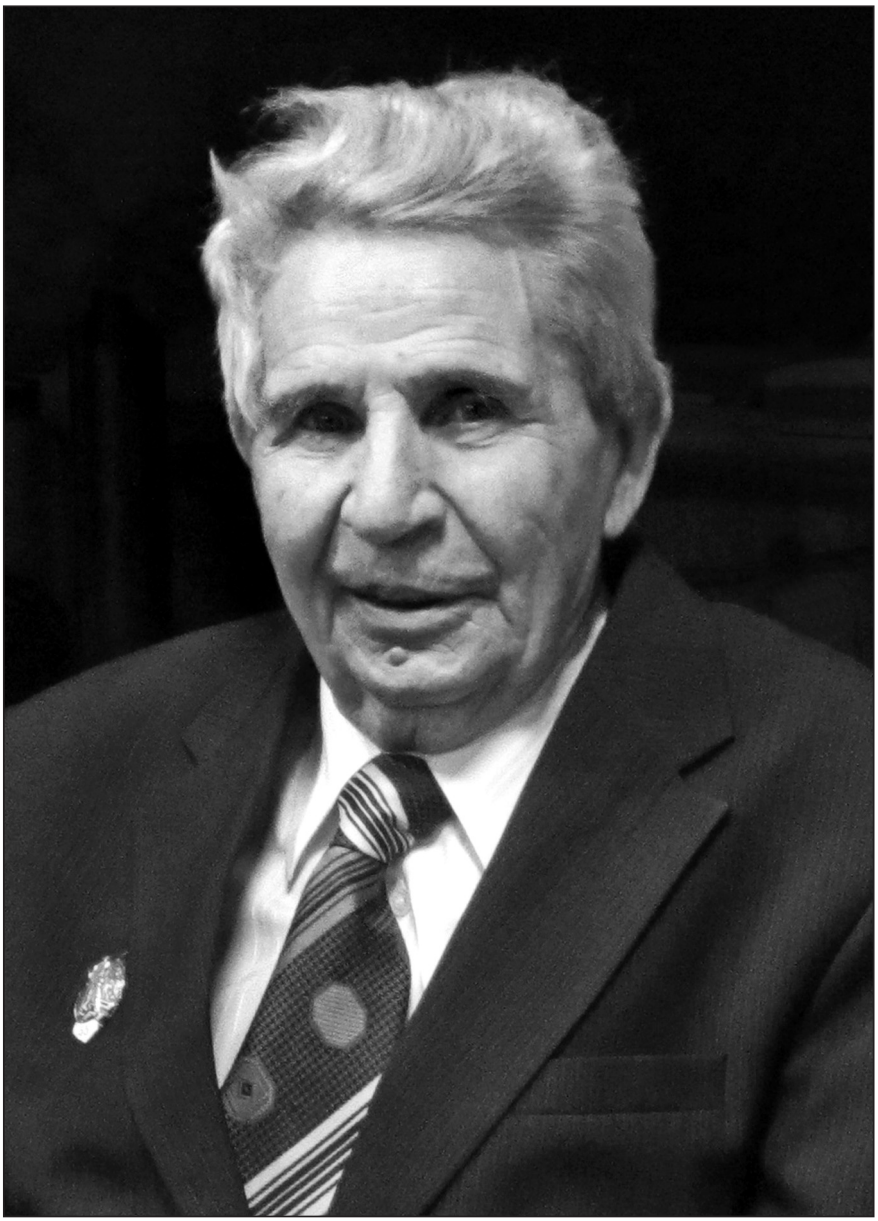
Памяти Константина Ивановича Комарова

24 мая 2018 г. ушел из жизни последний представитель старшего поколения исследователей Верхневолжья, известный археолог и старейший сотрудник Института археологии РАН Константин Иванович Комаров. Незадолго до смерти он планировал закончить статью в этот сборник и обдумывал доклад для осенней конференции 2018 года в Ярославле. Не случилось... С горечью приходится писать слова памяти.

Жизненный путь Константина Ивановича отразил все перипетии советской истории XX века. Нетрадиционным оказался и его путь в науке. В археологию он пришел в том возрасте, когда многие коллеги-сверстники уже защитили кандидатские диссертации и успешно писали докторские. Однако это некоторое отставание было блестяще компенсировано величайшей энергией, настоящим интересом к древностям, стремлением реализовать себя в науке.

К. И. Комаров родился 20 ноября 1926 г. в крестьянской семье в с. Кипчаково Кораблинского района Рязанской области. В школу пошел рано, по собственному желанию, с шести лет. В начале 1930-х гг. семья, следуя призывам того времени и в надежде на лучшую жизнь, перебралась на Дальний Восток. В войну, в ноябре 1943 г. в свои 17 лет Константин Комаров был призван в Красную Армию. Была служба рядовым, обучение в школе снайперов, затем в школе младших командиров. На фронт он попал в августе 1945 г., принял участие в войне с Японией на полях Манчжурии, освобождал Харбин.

После войны последовала служба в разных войсковых частях Дальневосточного военного округа, в том числе и в военно-топографическом отряде. Он тогда и не подозревал, что геодезические навыки съемки мест-



Константин Иванович Комаров
(20.11.1926 – 24.05.2018)

ности так пригодятся ему в будущей профессии. В 1947 г. К. И. Комарову было присвоено офицерское звание.

Армейская карьера закончилась в марте 1955 г. В ходе знаменитого хрущевского сокращения личного состава Советской Армии К. И. Комаров был демобилизован, не имея фактически никакой гражданской специальности. Были разные варианты устройства дальнейшей жизни. Но главной еще с юности оставалась мечта о высшем образовании. Последовал переезд в Москву. Жизнь пришлось строить заново, а школьное образование заканчивать в вечерней школе.

В феврале 1958 г. случайное стечение обстоятельств привело Константина Ивановича в Институт истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт Археологии РАН), где он был зачислен на должность заведующего вещевым складом. Так нетрадиционно состоялось первое знакомство с археологией и археологами. В 1961 г. он поступает на вечернее отделение исторического факультета МГУ и в 1966 г. под научным руководством академика Б. А. Рыбакова успешно защищает диплом на кафедре археологии.

По-настоящему научной деятельностью Константин Иванович смог заняться только с 1969 г., возглавив Славянский отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН), которой на протяжении почти 30 лет руководил известный археолог, доктор исторических наук Д. А. Крайнов. Совместная работа и дружба с Дмитрием Александровичем многое дала для становления К. И. Комарова как научного исследователя. Начинать пришлось с «чистого листа». Средневековая тематика впервые появилась в научной программе экспедиции, работа которой изначально была связана с изучением археологии ранних эпох. Сложился ежегодный, ставший на десятилетия привычным порядок работы с обязательным полевым сезоном — разведками, реже раскопками.

Много сил и времени было потрачено на архивные изыскания, на установление точного местонахождения и описание современного состояния ранее известных курганных могильников и селищ, некоторые из которых считались уже полностью разрушенными. Работая в этом направлении, Константин Иванович одним из первых тщательно изучил дневники А. С. Уварова и П. С. Савельева знаменитых раскопок Владимирских курганов 1851–1854 гг., хранящиеся в отделе письменных источников ГИМ, и частично восстановил вещевые комплексы из раскопанных курганов по коллекциям отдела археологических памятников ГИМ. В результате им была создана обширная картотека, каждая карточка которой содержит краткое и емкое описание отдельного погребения по единой системе, что впервые сделало материалы давних исследований полноценным археологическим источником. Эта рукописная база данных по погребальным

комплексам и материалам многослойного поселения Александрова гора района Плещеева озера до сих пор сохраняет важное научное значение[1].

Проведенные в разные годы под руководством К. И. Комарова раскопки курганных могильников существенно пополнили фонд источников по археологии средневековья, значительно расширили современные представления об истории и культуре древнерусского населения Верхнего Поволжья, позволили уточнить динамику процесса освоения региона в XI–XII вв. Результаты этих исследований неоднократно публиковались, а монографическая публикация материалов раскопок курганного могильника Плешково 1 в Тверской области стала, на наш взгляд, эталонной для курганных древностей Северо-Восточной Руси[2].

Большая часть научной жизни К. И. Комарова была связана с Отделом археологических сводов и карт Института археологии РАН. Именно в этом отделе раскрылись основные особенности таланта Константина Ивановича как разведчика археологических памятников. Работая по проекту Свода памятников истории и культуры, а с 1990 г. – по Археологической карте России, К. И. Комаров провел широкомасштабные разведочные работы на территории четырех российских областей Верхнего Поволжья. Им были обследованы многие сотни археологических объектов, проведена паспортизация памятников. В ходе многолетних полевых работ, К. И. Комаров проявил себя неутомимым и талантливым разведчиком. Им было обследовано около тысячи памятников археологии в верхневолжском регионе, значительная часть которых была выявлена впервые. Вот тогда-то и пригодились практические навыки военного топографа, заложенная природой и долгой армейской выучкой выносливость и неприхотливость. Рабочие сезоны – с апреля по ноябрь!

Итогом многолетней работы стали подготовленные К. И. Комаровым книги серии «Археологическая карта России». В 1993 г. выходит том, посвященный памятникам археологии Ивановской области, в 1998 г. — Костромской области, в 2005 г. — Ярославской области, в 2010 и 2012 гг. — Тверской области[3].

---

[1] *Комаров К. И.* К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль, 1995. С. 137–172; *Комаров К. И.* Курганы ростовской округи по раскопкам П. С. Савельева // Археология: история и перспективы: Четвертая межрегиональная конференция. Ярославль, 2010. С. 129–141; *Он же*. Городище Александрова гора – памятник археологии Vв. до н. э. – XVIIв. н.э. // РА. 2014. № 3.

[2] *Комаров К. И.* Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002. С. 141–189.

[3] *Комаров К. И.* Археологическая карта России. Ивановская область. М.: ИА РАН, 1994. 224 с.; *Комаров К. И.* 1999. Археологическая карта России. Костромская область. М.: Восточная литература РАН, 1999. 368 с.; *Комаров К. И.* Археологическая карта России. Ярославская область. М.: ИА РАН, 2005. 408 с.; *Кашкин А. В., Комаров К. И. и др.*

В 1999 г. К. И. Комаров успешно защитил кандидатскую диссертацию. По сути, Константином Ивановичем была создана энциклопедия археологического наследия Верхневолжского региона. Полевая деятельность Константина Ивановича продолжалась в Волго-Окской экспедиции практически до его 90-летия, что представляется уникальным явлением[4].

В последние годы Константин Иванович закономерно обратился к широким научным обобщениям. В их числе был вопрос о ходе, условиях и обстоятельствах татаро-монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг.[5] Казалось бы, это крупнейшее в древнерусской истории событие изучено практически досконально. Однако К. И. Комарову удалось найти новые подходы, аргументировано опровергнуть некоторые ошибочные трактовки и распространенные заблуждения. В основе его исследования лежит не только глубокое знание археологических и письменных источников по истории Северо-Восточной Руси, но и непосредственное знакомство с историко-географическим регионом, топографическими реалиями таких значимых территорий как, например, местность битвы на р. Сить в 1238 г.[6] Здесь Константин Иванович в полной мере использовал свои знания и опыт не только кабинетного ученого, но и полевого археолога.

Подводя итоги своей жизни и многолетней археологической деятельности Константин Иванович опубликовал мемуары, проявив себя как блистательный рассказчик[7]. В книгу наряду с воспоминаниями о жизни, войне, вошли яркие эпизоды истории Института археологии, рассказы о коллегах.

Светлая память о замечательном человеке Константине Ивановиче Комарове сохранится у всех, его знавших.

А. В. Кашкин, А. Е. Леонтьев,
В. С. Нефёдов, Н. Г. Самойлович
Москва

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2010. 312 с.; *Исланова И. В., Комаров К. И. и др.* Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 2012. 484 с.

4 *Комаров К. И.* К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль, 1995. С. 137–172; *Кашкин А. В., Комаров К. И.* Некоторые итоги мониторинга памятников археологии Ярославской области // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция; Сб. статей. Ярославль, 2012. С. 70–75.

5 *Комаров К. И.* Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1237–1238 гг.) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006. С. 16–39; *Комаров К. И.* О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь 1237–1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 87–96.

6 *Комаров К. И.* К вопросу о месте битвы 1238 г. на Сити // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 209–218.

7 *Комаров К. И.* Жизня. Рассказы о минувших летах. М., 2014. 328 с.

А. Аалквист

Хельсинки

Локсимерь

В лесной глубинке Ярославской области, на севере Борисоглебского района, тихо течет река *Локсимерь*, впадающая в р. Могза под д. Клинцево. Это сказочное, непривычное речное имя привлекало немалое внимание языковедов, историков и краеведов.

Народная этимология объясняет древнее наименование *Локсимерь* от слов «локтями мерить» (д. Турово, Боровской район). Среди «научных» объяснений традиционным стало истолкование топонима как «долинные черемисы». Так предполагал, в том числе, почтенный славист М. Фасмер, согласно которому детерминант потамонима *Локсомерь* мог бы представлять племенное название *меря* или даже *мари*, а основа – марийское *laks*Ə «дол, долина»[1]. При этом Фасмер отвергал гипотезу Т. С. Семенова, связывающему основу топонима *Локсомерь* (при р. *Локсамери*) с марийским *лу́ксы* или *лы́ксы* «в углу», в каком случае речь шла бы об «угольной, крайней, дальней мери», об «украинских черемисах» [sic! – А.А.][2].

---

[1] *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. BandI. Herausgegeben von Herbert Bräuer / Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Band 38. Berlin, 1971. [Переиздание с 1935 г.] С. 390–391. См. подробнее марийские лексемы *ла́ке* «яма; ямка, впадина; углубление в земле и пр.», *ла́ксак* «ямка; воронка; небольшое углубление». Словарь марийского языка / Марий мутер. Т. III. Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола, 1994. С. 296, 298. (В дальнейшем использованные словари указываются лишь по необходимости).

[2] *Семенов Т.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887. Т. II. М., 1891. С. 238. В связи с данной гипотезой явнейшее препятствие вызывает этимология марийского *лу́к* «угол, уголок; дальный конец, край; отдаленная местность; изгиб, излучина (реки, озера) и пр.»;

Гипотеза была поддержана историком С. К. Кузнецовым, объясняющим наименование как «захолустные [мери]»[3].

Ссылаясь на М. Фасмера, топонимист А. К. Матвеев рассматривал как удачное сопоставление компонента *-мерь* с этнонимом *меря* в названии реки *Локсомерь*, утверждая лишь, что «название это бесспорно финно-угорское». Для подтверждения этимологии Фасмер предусматривал существование ойконима **Локсомерь*, которого он так и не обнаружил, но А. Матвеев правильно отметил, что в старинных документах речь идет о местности (см. ниже), и на данной основе выводил, что первоначально *Локсомерь* – это «Локсинская меря», «Меря на Локсе»[4]. Гипотеза об этнотопонимическом характере названия привлекла впоследствие внимание историков А. Ю. Данилова и А. Л. Каретникова[5].

Горки да холмы

Однако традиционные попытки причислить субстратные географические наименования, подобные названию *Локсимерь,* к этнотопонимам, принципиально невозможны, поскольку противоречат рациональным принципам топонимического формообразования. Географические и лингвистические реалии однозначно говорят в пользу иного истолкования. В качестве детерминанта служит не этноним *меря*, а субстратный ландшафтный термин *мар*(*ь*), *-мара*, *-мер*(*ь*), *-мор*(*а*) и пр. с обозначением «гора, горка, холм». Следовательно, речь идет об одном из оронимических суффиксальных компонентов субстратного происхождения, выступающем часто также в старинных названиях селений, расположенных на горе или на подъемном берегу (изначального) водоема. Истолкование вызвано первичностью оронима по отношению к гидрониму.

лу́кысо «угловой и пр.» Словарь марийского языка... Т. III. С. 414–416, 425. Ср. русское *лука́* «изгиб и пр.» со славянскими соответствиями. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Изд. третье. Т. II. М., 1996. С. 531–532.

3 *Кузнецов С. К.* Русская историческая география: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. Вып. I (меря, мещера, мурома, весь). М., 1910. С. 52.

4 *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 17. Ср. *Vasmer M.* Merja und Tscheremissen... С. 390.

5 *Данилов А. Ю., Каретников А. Л.* Ойконимы ростовской мери // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 386; *Альквист А.* Флора и фауна в древней топонимии Ярославского края // Четвертые Алмазовские чтения. Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. Материалы международной научной конференции. Ярославль, 2006 [2007]. С. 15, 18.

Субстратный ландшафтный термин сопоставим с аналогией в волжско-финских языках, а именно с мордовским *мар* «бугор, (могильный) холм, курган и т. д.»[6]. К примеру, мордовский топоним *Мары* выводится Д. В. Цыганкиным от слова *мар* «бугор; (небольшая) возвышенность». В целом ареал топонимии с *мар* выходит далеко за пределы Мордовии. Высказано предположение, что *мар* в значении населенного пункта, деревни было свойственно многим языкам древнего периода — языку муромы, мери, мещеры и древнемордовскому[7].

В современном марийском языке географического термина вроде **мар(ь)* не имеется. Марийские ойконимы на *-марий* принято переводить, как правило, исходя из этнонима *марий*, что было бы естественно в случае, когда компонент выступает в качестве определения. Возникновение проблематичного объяснения обусловлено народной этимологией, что вполне понятно и даже ожидаемо вследствие созвучия лексем.

Особое внимание требуется при выделении морфемной границы и этимологизации тополексем, учитывая не только их формальное звуковое совпадение, но и смысловое содержание с учетом внеязыковой реальности, то есть ландшафтных и иных фактических реалий, лежащих на основе номинации. В данном случае это крайне важно для того, чтобы не принять компонент *-мар(ь)*, *-мара* «гора, горка» за похожий по своему окончанию озерный суффикс[8]. По внешним маркерам казалось бы, что, к примеру, название притока р. Локсимерь — *Шу́морка/Шу́марка* — носит вариант того же детерминанта *-мерь*. Однако в данном случае речь идет об озерном суффиксе *-ерке*, *-орка*, *-арка* и т. п., находящим ближайшие соответствия в мордовских языках в виде (эрзя) *эрьке* «озеро, озерко» и т. п.[9] *Шум*(*V*)- же представляет один из многочисленных вариантов древней и распространенной прилагательной основы со значением «черный». Мотивировка наименования может объясняться не только фактом темной болотной воды, но и мифологическим содержанием отрицательного характера. Этимология повторяется в русском названии смежной речки, вытекающей из этого же болотного пространства, а именно р. *Черну́ха*. Упоминается также *Чёрный руче́й*, являющийся, по всей видимости, вариантом названия.

При полевой работе зафиксированы следующие основные формы наименования: *Ло́ксимерь* [род. (*у*) *Ло́ксимери*]/*Ло́ксимер* [род. (*из*) *Ло́ксимера*,

---

[6] *Альквист А.* Флора и фауна... С. 17; *Мордовский словарь Х. Паасонена* / отв. ред. М. Кахла, сост. КайноХейккиля. Т. II / LexicaSocietatisFenno-Ugricae XXIII, 2; Kotimaistenkieltentutkimuskeskuksenjulkaisuja, 59. Helsinki, 1992. С. 1175.

[7] См.: Лексикология современных мордовских языков: Учебное пособие / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1983. С. 167–168, 173.

[8] См. *Альквист А.* Меряне, не меряне... (I) // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 28.

[9] См. также: *Попов А. И.* К вопросу о мордовской топонимике // Советское Финноугроведение. Т. II: Филологические доклады конференции по вопросам финноугорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Саранск, 1948. С. 203, 221–223.

дат. (*по*) *Ло́ксимеру*, однажды: (*по*) *Локсиме́ру,* предл. (*в*) *Ло́ксимере*]. Отдельные индивидуальные формы произношения сложно признавать исконными, поскольку по архивным упоминаниям им никакой поддержки не предоставляется[10]. На современной карте потамоним приводится в той же форме *Локсимер*[11], а на карте 1902 г. — как рч. *Лаксомерь*[12], в какой форме можно предположить влияние русского произношения с возможным переходом ударения на вторую часть топонима.

Как уже отмечалось, М. Фасмер указывает на топоним в форме *Локсомерь,* хорошо известной по архивным упоминаниям: например, *Локъсомерь*, 1473 г.[13]; (на рч.) *Локсомери/Локсомере/Локсомерке/Локсомейке,* 1629–1631 гг.[14] Неясным остается истолкование картографического варианта названия реки как *Лоскамерь* [?][15]. Приводится также интересный вариант *Локшимер*, источник которого, однако, не указывается[16]. По всей видимости, этот же топоним подразумевается под формой *Ласкомерь* [(*на*) *Ласкомери*][17].

Исторически *Локсомерь* — это ойконим, административная единица, волость или стан Ростовского уезда, упоминаемая еще в 1446–1447 гг.[18] По всей видимости, центром волости являлось село Никульское, именуемое изредка до сих пор *Нику́льска-Ло́ксино*. Со строительством на данной местности церкви связана легенда, согласно которой на горе в Никульском стали строить церковь, основу сделали, выкопали фундамент, но утром его нет, ночью «она вся ушла в Андрейцево», на другой берег р. Локсимерь.

---

[10] От одного информанта мною записана форма *Ло́ксимель* [род. (*у*) *Ло́ксимели,* дат. *(по) Ло́ксимели*], которая должна отражать первоначальное неправильное восприятие уроженки д. Лодыгино, Бор. р-н, произношения речного названия. К тому же, от того же самого информанта мною записаны формы вроде *с диле́ктором* вместо *с дире́ктором, из про́луби* вместо *из про́руби*.
Соответствующая форма, а именно *Локсемель* [без указания на ударение — А.А.] записана в 1959 г. в с. Вёска, Бор. р-н. См.: История села Вёска // Ярославский педагогический институт: Материалы. Хранятся на кафедре русского языка Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского.

[11] См.: Атлас Ярославской области. Масштаб 1: 100 000. М., 2002. С. 88–89.

[12] Карта Угличского уезда Ярославской губернии. Масштаб: 2 версты в английском дюйме. [Ярославль], 1902.

[13] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / отв. ред. С. В. Бахрушин. М.–Л., 1950. С. 243, 542.

[14] *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.–СПб., 2009. С. 31 и след.

[15] РсФ ГАЯО. Ф.76. Оп.1. Д. 12. План участка земли из дачи пустоши Лещиха.

[16] *Данилов А. Ю., Каретников А. Л.* Ойконимы ростовской... С. 386.

[17] Каретников А. Л. Населенные пункты ростовской вотчины Троице-Сергиева монастыря в 1646 г. Историко-географический комментарий // ИКРЗ. 2008. Ростов, 2009. С. 108.

[18] См., напр.: Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537 / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2007. С. 28, 499; *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 31 и след.

Рис. 1. Вид на церковь д. Андрейцево с берегов р. Локсимерь. Борисоглебский район, Ярославская область. 2014 г.

Действительно церковь стоит не в с. Никульское, а в д. Андрейцево[19], где она воздвигнута в 1796 г.[20] Возле церкви расположена кладбище (рис. 1).

Ландшафтный термин *-мар(ь)*, *-мара*, *-мер(ь)*, *-мор(а)* и пр. имеет достаточно широкую общую распространенность, включая земли летописных среднероссийских племен. На исследуемом регионе речь идет о сотнях географических названиях этой топонимической модели, отчасти исторических. На исторической земле мери известны такие названия возвышенностей, местечек и населенных пунктов, как *Йхмарь/Йхмар* с вариантами вроде *Йхмарскагора́, Ихмари́ная гора́* в Ростовском, *Ку́хмарь/Ку́хмар* и пр. – в Переславском, *Унимерь* – в Гаврилов-Ямском районе[21].

В обсуждаемом микрорегионе фигурируют такие топонимы как *Сто́мерово/Сто́мерево* – гора (*Сто́меровская гора́*), поле (*Сто́меровское по́ле*), *Ма́йморы* – лес, с. Давыдово, Бор. р-н, выступающие в исторических

[19] Именно Никульское является селом, а Андрейцево – деревней. См.: Атлас Ярославской области. Масштаб 1: 100 000. М., 2002. С. 88–89; Ярославская область: Административно-территориальное деление (на 1 января 1986 года): Справочник / под ред. Т. В. Чупина. Ярославль, 1986. С. 36.

[20] Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской Епархии / сост. Аполлинарий Крылов. Ярославль, 1861. С. 335–336.

[21] О проблематике подробнее *Ahlqvist A.*Ihmaŕ jaKuhmaŕ // MémoiresdelaSociété Finno-Ougrienne, 215. FestschriftfürRaijaBartenszum 25.10.1993. Helsinki, 1993. С. 1–19.

документах в ряде вариантов[22] и которым на окружных территориях найдется ряд топонимических параллелей. В качестве примера о разнообразии фонетических изменений служит ойконим *Бечме́рово,* Бор. р-н, выступающий в архивных документах 1629–1631 гг. как *Бесмерово*, *Безсмерцово* – пуст., Рост.у., *Бецмерово, Безмерцово* — д., Рост.у.[23] Ойконим *Бечмерево* С. К. Кузнецов истолковал как «пять черемис»[24]. Однако, подобно сказанному выше, это наименование этнотопонимом не является: детерминантом в нем служит *-мер*(*V*) «гора, горка», и топооснова представляет собой фонетический вариант субстратной лексемы *Печ*(*V*)-, *Пич*(*V*) со звонким инициальным взрывным (ср. морд. *Пиче* «сосна; сосновый»), то есть речь идет о «сосновой горе»[25]. Аналогичная модель наименования встречается в русской микротопонимии региона: ср. *Сосно́вая гора́* – гора, с. Матвеевское, Рост. р-н. В одном сельском совете с д. Бечмерово, Высоковском, расположена д. *Сосновка*[26].

Река Локсимерь берет начало в болотистой местности, окруженной возвышенностями, из которых самая высокая точка превышает уровень реки почти на сорок метров. Известно, что «место пригористое», «по *Ло́ксимеру* одни горы», и речная долина представляет собой ложбину между возвышенностями. Все три бывших селения верхнего течения р. Локсимерь, а именно: с. Никульское, дд. Андрейцево и Поповка, стоят на горках. Считается, что в Андреевском «крутая гора». С точки зрения этимологизации второго компонента топонима *Локсимерь*, а именно *-мер*, *мерь,* факт гористости никаких сомнений не вызывает.

На основе вышесказанного однозначной является изначальная принадлежность топонима *Локсимерь* к субстратной оронимической модели на *мар*(*ь*), *-мара*, *-мер*(*ь*), *-мор*(*а*) и пр. с указанием расположения местности на горе, горке, холму, высоком берегу одноименной речки. Но с чем же связана топооснова оронима, о какой горе может идти речь? Решение вопроса требует обсуждения, но автор склонен сближать основу старинного наименования с созвучными мордовскими словами *локсей*, *локсий* и пр. в значении «лебедь; (лебединый, лебяжий)», переведя его как «Лебединая гора».

Подлоксинские лебеди

В субстратной топонимии Центра России обнаруживается целый ряд компонентов, указывающих на тех или других водоплавающих птиц. Топонимическая мотивировка может восходить как к глубокой мифоло-

---

[22] См.: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 33, 36, 247, 347, 355.
[23] См. также: *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 236.
[24] *Кузнецов С. К.* Русская историческая география... С. 61.
[25] *Альквист А.* Флора и фауна... С. 9, 17.
[26] Ярославская область: Административно-территориальное деление... С. 34.

гической значимости водоплавающих птиц у древнего населения региона, финских племен и народов в целом, так и к конкретному присутствию орнитофауны в бытовой жизни жителей, давших по своим наблюдениям подходящие описательные наименования тем или другим географическим объектам. Чаще всего и мифологическая мотивировка невероятна без естественной основы номинации.

Вкратце следует обратить внимание на встречаемость водоплавающих птиц на территории исследования. Известны определенные, хотя и сравнительно недавние, исторические сведения о бытовании водоплавающих птиц в центральных частях России. Согласно данным конца XVIII столетия, в пределах Ярославской губернии водятся лебеди (*Cygnus*), журавли, гуси, утки[27]. В XIX веке лебедь перечисляется в числе пернатых Ярославской губернии[28], а еще в конце столетия водяная дичь, включая лебедей, встречалась в Средней России местами в заметном количестве[29]. Согласно сообщению В. А. Варенцова, лебеди бывали в Переславском уезде на пролете, причем осенью держались довольно продолжительное время на озерах (от двух недель до месяца). Указывается также на гнездование их в незначительном числе среди больших болот в «крепях»[30].

В течении XX века южная граница ареала лебедя-кликуна отступила к северу, вид перестал гнездиться в центре Европейской России и в настоящее время относится к пролетным видам[31].

Согласно сведениям местных жителей, в наше время лебеди встречаются в Ярославской области, но редко и только пролетом. В исследуемом микрорегионе отдельные лебеди встречались на смежной с р. Локсимерь реке *Я́ксура* (*Яксу́ра*). Некоторые информанты видели их, отдыхающих, в с. Вощажниково, д. Глазково, д. Деревеньки на пруде, Бор. р-н. На р. *Алма́зиха* они все время останавливались. Информант из д. Клинцево видел зимовавших по р. Могзе молодых лебедей. Помнится и год 1975-ый, когда лебедей на этой местности было на перелетах несколько сотен (рис. 2).

В языке земли Центра России отражены места гнездования или регулярных остановок лебедей. Имеется целый ряд русских географических названий вроде *Лебединое*, *Лебяжье*, *Лебяжья* и пр.[32] В местной русской

---

[27] ГАЯО. Топографическое описание Ярославской губернии. 1799. Л. 4.

[28] Путеводитель по Ярославской губернии / сост. А. П. Бутурлин. Ярославль, 1859. С. 118.

[29] См. подробнее: Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова. Т. I: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. С.-Пб., 1899. С. 64.

[30] *Варенцов В. А.* Некоторые сведения о фауне позвоночных Переславского уезда // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Вып. VII. 1919. [Переиздание подготовлено Переславской Краеведческой Инициативой. М., 2003.] С. 10.

[31] *Кулемин А. А.* Животный мир. (Фауна позвоночных) // Природа и хозяйство Ярославской области. Часть I: Природа / отв. ред. А. Б. Дитмар. Ярославль, 1959. С. 340, 348.

[32] См., напр.: Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Band III... С. 25–31.

Рис. 2. Лебеди весенним перелетом над домом автора. Финляндия. 2016 г.

топонимии лебеди оставили определенные следы. Так, к Ярославскому уезду относятся исторические ойконимы *Лебедевы верхи*, *Лебедуха* с одноименным названием ручья и *Лебедево*[33]. В Угличском районе упоминается как название болота *Лебеди́ный пруд*, так и пруд под названием *Журавлиный*[34]. В географически близком Переславском районе зафиксирован микротопоним *Лебя́дня* – лес, подходящий к р. Шаха, и поле, именуемое *Лебя́жье*.

В субстратной топонимии финно-угорского происхождения крупная и видная птица лебедь также оставила заметный след. Именно с наименованием лебедя связана основа, выступающая в топониме *Локсимерь*, то есть *Локс*(*V*)-, *Локш*(*V*)-. Тяготеет она к мордовским соответствиям финно-персмской основы, а именно к эрзя *локсей*, *локсий*, мокша *локсти* «лебедь; (лебединый, лебяжий)», при которых *-j-* является суффиксом[35]. Таким образом, например, мордовские лимнонимы *Локсерка* и *Локша́рка* переводятся от *локсей* «лебединое» и *эрьке* «озеро»[36].

В Центре России фигурирует ряд топонимов с параллельной основой. А. К. Матвеев правильно сопоставляет основу топонима *Локсомерь* с наименованием реки *Локсица* бассейна Нерли Клязьминской, выведя его

---

[33] Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Вотчинные земли / сост. В. Ю. Беликов. С.-Пб., 1999. С. 81–82, 105, 176, 233.

[34] Черновка. П-21 // Ярославский педагогический институт: Материалы. Хранятся на кафедре русского языка Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского.

[35] См.: *Альквист А.* Флора и фауна... С. 15; *Rédei.* K.UralischesEtymologischesWörterbuch. Lieferung 2. Budapest, 1986. С. 101; Мордовский словарь... Т. II. С. 1050. Примечательно, что в мордовском существует омонимическое слово (эрзя) *локсей* и др., (мокша) *локсти, локси* со значением «шмель и т. п.». См.: Мордовский словарь... Т. II. С. 1049–1050. Однако, вероятность участия данной лексемы в мотивировке топонима *Локсимерь* кажется второстепенным – даже с учетом того факта, что почти в любой деревне исследуемой местности пчелы исстари держатся, многие здесь занимались пчеловодством. Среди мордвы одним из древнейших промыслов является именно бортничество. См.: *Лузгин А. С.* Промыслы Мордовии. Саранск, 1993. С. 39.

[36] *Полубояров М. С.* Мокша, Сура и другие... Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области. М., 1992. С. 89–90.

из формы **Локса*, ошибаясь, однако, в этимологии основы[37]. Протекающая в Юрьев-Польском районе Владимирской области река *Локсица* известна также в формах *Локсянка, Локснянка*. На ее берегу А. Е. Леонтьевым исследовано городище дьяковской культуры раннего железного века, с более поздними отложениями XI–XIII вв.[38]

С учетом достаточно частого чередования *с ~ ш* в говорах и топонимии региона очевидно, что основа в виде *Локш*(*V*)- имеет одно и то же начало, как *Локс*(*V*)-. Известны не менее трех рек под названием *Локша*, в основе одной из которых М. Фасмер ошибочно выделяет марийское *laksə* «дол, долина», сравнивая его также с финским *laakso* «дол, долина, низменность», как и в случае наименования *Локсомерь*[39]. Не имеется никаких причин, препятствующих этимологизацию двух эллиптических потамонимов *Локша* как «Лебединая [река]». Стоит отметить, что *Ло́кша* является не только рекой, притоком р. Волга, но и заливом (Заволжский р-н, Ив. обл.). Интерес представляет название поля *Ле́бедева поля́на*, зафиксированное мною в с. Есиплево, расположенном по самой реке *Локша*[40]. В принципе, в данном микротопониме могли бы обрисоваться давнейшие обстоятельства, связанные с остановкой лебедей или т. п., хотя напрямую речь идет об отантропонимном названии: в с. Есиплево встречается фамилия *Ле́бедев*. К тому же имеется сведение о лебедях на Волге, что подтверждалось в пос. Каменка, Вич. р-н, Ив. обл. Другая речка *Ло́кша* (*Лу́кша*) относится к Южскому району Ивановской области, а третья *Локша* – к Мещёре, Мел. р-н, Влад. обл.[41]

Топоним *Локсимерь* следует переводить как «Лебединая гора». Аналогичная топонимическая модель фигурирует, например, в Финляндии, где среди многочисленных топонимов с различными вариантами основы *Joutsen-* и пр. «лебедь; лебединый, лебяжий» встречается ряд наименований возвышенностей, таких как *Joutsenmäki*, *Jouhtenenmäki*, *Jouhtenanmäki*, *Jouhtimäki*, *Jouhtmäki* (фин. *mäki* «гора, горка, пригорок, холм»), *Joutsenvuori*, *Jouhtisvuori*, *Jouhtvuori* (фин. *vuori* «гора»), *Joutsenvaara* (фин. *vaara* «гора, сопка»). Как правило, наименования возвышенностей этой модели фигурируют наряду с одноименным озером, озерком, болотом, речкой[42]. Аналогичным является ороним *Nuuksvaara* в Лапландии, основа которого заимствована из саамского соответствия лексемы. В саамской топонимии

---

[37] *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия... С. 17.

[38] См.: Археологическая карта России: Владимирская область / отв. ред. Ю. А. Краснов. М., 1995. С. 294; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озер). М., 1976. С. 216; Атлас Владимирской области. Масштаб 1: 100 000. М., 2003. С. 15.

[39] *Vasmer M.* Merja und Tscheremissen... С. 383, 390–391.

[40] См. также: Атлас Костромской области + Горьковское водохранилище. Масштаб 1: 100 000. [Тверь,] 2009. С. 185.

[41] Атлас Владимирской области... С. 99, 103.

[42] См.: Maanmittauslaitoksen Karttapaikka: Kansalaisen Karttapaikka. URL: http://kansalaisen.karttapaikka.fi/kartanhaku/paikannimihaku.html

названия некоторых водоплавающих птиц часто выступают в наименованиях высоких сопок, что, как предполагается, может быть вызвано какими-либо мифологическими представлениями[43]. Аналогичная модель наименования встречается и шире, к примеру, в Швеции, где встречаются старинные ойконимы *Svanberga* и *Svaneholm* (от шведского *svan* «лебедь» и *berg* «гора и т. п.», *holm* «островок; холм и пр.»)[44].

Водоплавающие птицы являются одним из самых показательных символов общего культурного наследия финно-угорского мира[45]. В Карелии, в регионе Онежского озера, известно более 1300 наскальных рисунков с изображением лебедя. У многих уральских народов лебедь, наряду с уткой, являлся священной птицей. Коми на лебедя не охотились, и у них существовал строгий запрет на употребление его в пищу[46]. У марийцев также нельзя было убивать дикую утку, дикого гуся, журавля, лебедя, так как они считались божественными птицами[47]. У мордвы лебедь считался посланцем верховного бога Нишке[48].

Уникальным примером почитания птицы еще в конце XIX в. являлся «праздник лебедей» у южных удмуртов Казанской губернии, который считался у них главным и организовывался каждые два года. Для праздника отыскивали лебединую пару, которую жрец кормил и приучал к людям. Три-четыре праздничных дня лебедей держали на месте жертвоприношения, а по окончании обряда им на шею привязывали шелковым шнурком по серебряному рублю (либо к лапам привязывали монеты), низко кланялись и на паре лошадей с колокольчиками отправлялись на реку Вятка, где провожатые опять же с поклонами отпускали птиц на воду. Удмурты верили, что лебеди помогают им вымаливать у главного небесного бога Инмар счастье и зерно. При этом на лебедях гадали о будущем урожае и благополучии[49].

---

[43] Suomalainenpaikannimikirja / Kotimaistenkieltentutkimuskeskuksenjulkaisuja, 146. Helsinki, 2007.С. 188, 296.

[44] Svensktortsnamnslexikon. Uppsala, 2003.С. 129, 303–304.

[45] *Siikala A.-L.* Itämerensuomalaistenmytologia / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 1388/ Tiede. Helsinki, 2013. С. 174–175.

[46] См., напр.: *Pulkkinen R., Lindfors S.* Suomalaisenkansanuskonsanakirja. [Helsinki], 2016. С. 81–82; *Ukkonen P., Mannermaa K.* Jääkaudenjälkeläiset: Suomenlintujen ja nisäkkäidenvarhainenhistoria // Museovirastonjulkaisuja, 8. Helsinki, 2017. С. 58–59, 114–117, 186, 194; Энциклопедия уральских мифологий. Т. I: Мифология коми / Под ред. В. В. Напольских. М.–Сыктывкар, 1999. С. 407.

[47] *Акцорин В. А.* Мировоззренческие представления финно-угорских народов по данным фольклора // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. XI: Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1994. С. 14.

[48] Археология Костромского края / под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома, 1997. С. 185–186.

[49] *Афанасьев Н.* Праздник «Лебедей» у вотяков-язычников Мамадышского уезда // Известия Императорского русского географического общества, 1881. Т. XVII. С.-Пб., 1887. С. 281–286; *Holmberg, U.* Suomensuvun uskonnot, IV: Permalaisten uskonto. Porvoo, [1914]. С. 126, 128.

Согласно В. В. Напольских, данный обряд отражает древние представления о лебедях как посредниках между богами и людьми, превосходно вписываясь в прафинно-угорскую картину мира[50]. В этой связи кажется возможным и даже естественным использование имени птицы в названиях возвышенных мест, «приближенных к небу». Можно было бы даже высказать предположение, что в таком месте, на горе Локсимере, могло располагаться нечто вроде рощи для проведения местного «праздника лебедей», но никаких данных о подобном нет. Однако в данной связи стоит упомянуть, что в некоторых деревнях на пограничье Ивановской и Ярославской областей организовывали «праздник Синего камня»[51]. В корне речь идет о глубокой архаике, и к подобному контексту вполне могло бы относиться и почитание лебедей и других водоплавающих, культ которых существовал с каменного века на протяжении тысячелетий и прослеживается в археологических материалах.

Семантика обсуждаемого топонима мотивирована подходящими географическими и природными обстоятельствами. Река Локсимерь вытекает из большого болотного массива, где до сих пор осталось озеро размерами 400 х 600 м (*Чи́стое боло́то*). Ясно, что в давние времена водная территория была здесь больше: зафиксировано и сведение о том, что там находили лодку. Местность была вполне подходящей для прилета и гнездования лебедей, как было, по всей видимости, и по течению самой реки.

Одним из серьезных доказательств в поддержку этимологии любого топонима субстратного начала исследуемого региона можно рассматривать русское (полу)переводное название близлежащего географического объекта. В данном случае я никак не могла ожидать услышать нечто вроде (полу)кальки древнего наименования, поэтому самым неожиданным свидетельством в пользу высказанной этимологии оказалось сведение, записанное мною на р. Устье, Бор. р-н. Уроженцу д. Кузнечиха было известно, что «где в районе Вощажникова, за Вощажниковом в сторону Неверкова, есть *Лебеди́ное боло́то*». Это уникальное сведение передалось информанту от охотников, согласно которым в той местности «лебеди останавливались всех дольше». С учетом особого мифологического значения водоплавающих птиц, и лебедя в частности, можно предположить, что появление, остановка водоплавающей птицы в каком-либо месте могла послужить основой для номинации.

---

[50] *Напольских В. В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции. (Прауральский космогонический миф) / Материалы к серии «Народы Советсткого Союза». Вып. V: Народы уральской языковой семьи. М., 1991. С. 76.

[51] *Ahlqvist A.* Blue Stones in the Context of Traditions of Worshiping Stones in Former Finno-Ugric Territories of Central Russia // Mythic Discourses: Studies in Uralic Traditions. Studia Fennica Folkloristica. Ред. Frog, A.-L. Siikala, E. Stepanova, Helsinki, 2012. С. 445.

Возможно, лебедь – символ чистоты – имел также некую противодействующую силу, которую можно видеть в облике крупной северной водоплавающей птицы семейства *Gavia*, а именно гагары. Она воспринималась как колдовская птица[52], отражающая негативное начало.

В Борисоглебском районе известен ойконим с аналогичным детерминантом, а именно *Техтеме́рево/Техтеме́рово/Техтомерово*[53]. Эта фактически вымершая деревня расположена на горе, «стоит на высоком месте, на берегу Рюменки»[54], а в д. Костенчугово, Бор. р-н, местность называется *Техтеме́ревская гора*. В звуковом отношении достаточно специфичная топооснова *Тохт*(*V*)-, *Техт*(*V*)- и пр. находит соответствие в финно-угорском названии птицы **tokta* «водолаз, гагара», имеющая в языках от финского до обско-угорских, главным образом, обозначение «гагара (*Gaviaarctica*), краснозобая гагара (*Gaviastellata*)»[55].

Следует учесть, что в пределах Ярославской области отмечается гнездование чернозобой гагары (*Gaviaarctica*), хотя она и относится к сравнительно редким, немногочисленным видам[56]. Интерес вызывает также своеобразное прозвище *Гага́ра*, зафиксированное мною в бассейне той же р. Могза, в д. Клинцево. Прозвище, переводимое информантом как «утка», говорит о возможности подобной номинации в данной местности. К тому же не исключено, что указанное прозвище выходит именно с д. *Техтемерево*, хотя прямых доказательств этому не имеется. Речь могла бы вполне идти о былом прозвище местного колдуна, аналогия которому хорошо известна в Финляндии.

Локсинская ли меря?

К какому же языку принадлежит уникальное наименование *Локсимерь*? Согласно вышесказанному, обе части топонима находят ближайшее соответствие на основе современных мордовских данных. Детерминант -*мер*(*ь*) с вариантами имеет, правда, достаточно широкий ареал распространения, тогда как топооснова в специфичной форме *Локс*(*V*)-, *Локш*(*V*)- немногочисленна в пределах исследуемого региона.

Предварительное изучение комплекса географических наименований тех или других мест Центра России с топоосновой *Локс*(*V*)-, *Локш*(*V*)- показывает, что их сближает определенное количество типичной мордовской

---

[52] См., напр.: *Pulkkinen R., Lindfors S.* Suomalaisenkansanuskon... С. 145–146.
[53] Атлас Ярославской области... С. 90; Историко-статистический обзор... С. 188.
[54] Об этимологии потамонима *Рю́мина/Рю́минка* см: *Альквист А.* Флора и фауна... С. 14.
[55] См., напр.: *Rédei K.* UralischesEtymologischesWörterbuch. Lieferung 5. Budapest, 1988. С. 530.
[56] *Кулемин А. А.* Животный мир... С. 340, 350.

топонимии. Это касается как упомянутых выше наименований реки *Локсица* Владимировщины, двух рек *Локша* Ивановской области, а в некоторой мере также реки *Локша* владимирской Мещёры.

Следовательно, в топонимии Локсимерьской округи обнаруживаются лексические компоненты, характерные для мордовских языковых форм. К ним относятся потамоним *Мо́гза* (*Мокза*)[57], отождествляемый с названием большого притока Оки, *Мо́кша* на мордовской земле. Чисто мордовскую параллель можно найти, к примеру, названию притока р. Локсимерь, а именно *Ла́тка* с одноименным хутором по ней, с которым сравнивается мордовское *латка*, *латко* «овраг, обрыв, яма, (речная) долина, лощина»[58]. В д. *Си́горь*, Бор. р-н, расположено поле *Пе́кшино*, топооснова которого подходит близко к мордовскому (эрзя) *пекше* «липа; липовый», и находит параллели в нескольких потамонимах *Пекша* Центра России[59]. К тому же в местности исторически фигурирует и этнотопонимия, связанная с именем мордвы и некоторых других волжских финно-угров[60].

В качестве примера из общей массы топонимии финно-угорского субстратного начала Борисоглебской глубинки можно привести названия рек и речек вроде *Ви́харка*, *И́мбушка/И́нбушка* с притоком *М. Имбушка* и с селением *Инобожа, Ке́дас* селениями *Ке́дское* и *Заке́дье, Кондыри́ца/Конды́рыца/Кондерицкий/Ко́нделица* с лесом *Ко́нделица, Б.* и *М. Ку́тьма, Ле́хта/Ле́хоть* с д. *Ле́хоть, Лы́борка, Мо́локша, Па́жа* с одноименным лесом и с местностью *Пажи́, Пу́ра/Пура́* с д. *Запу́рье*, *Са́фка*, *У́тьма* (*Утома*), *Челна*. Из древних наименований селений можно указывать на *Вёртлово/Вертло́во, Гаврино́, Га́ртово, Гре́зелово, Ку́черы, Ля́нино, Пара́тки, Ре́занка, Са́ртыново, Сытино́, Ту́тково, Ци́мово, Чухо́хлза*[61]. На бывший ойконим с суффиксом *-бол*(*V*), *-бал*(*V*) указывает лес и пожня *Ши́болово/Ши́блова/Ши́боловский лес*. В этом участке микроойконимия *Кунда* с определенными вариантами часто сохранила свое апеллятивное значение[62]. Судя лишь по субстратной топонимии данного микрорегиона, все удобные участки местности, до верховьев рек, должны были быть освоены давно.

---

[57] Форма *Мокза* указывается как основная в работе *Рохмистров В. Л.* Некоторые морфометрические характеристики рек Ярославского Поволжья // Ученые записки. Вып. 75. География и геология. Ярославль, 1969. С. 88.

[58] Мордовский словарь Х. Паасонена... Т. II. С. 1031; *Попов А. И.* К вопросу о мордовской топонимике... С. 204.

[59] *Альквист А.* Флора и фауна... С. 10, 12.

[60] См., напр.: Писцовые книги XVI века. Отд. II / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. С. 19–20; *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 74.

[61] Атлас Ярославской области... С. 88 и след.; Историко-статистический обзор... С. 339.

[62] *Альквист А.* «Дебольский городец на реке Саре»: к этимологии двух топонимических гнезд // Археология: история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция; Сб. статей. Ярославль, 2016. С. 26–27.

Рис. 3. Нижнее течение р. Локсимерь по впадению ее в р. Могза, у места Рождество, под д. Клинцево. Борисоглебский район, Ярославская область. 2010 г.

В пользу длительной истории заселения местности говорит также немалое число топонимии мифологического характера. В данной местности мною получены сведения о двух *Синих камня*, в селах Никола-Бой и Неверково, где имеется также святой родник *Пя́тница*. К бывшему селу Никульское относится несколько неуверенное упоминание о *панах* «под Никульским», а также поле под названием *Леши́ха*. В округе упоминаются *Ле́шее боло́то*, место *Черти́ха*. К д. Чухолза, Бор. р-н, относится как *Чёртова гора́*, так и *Пано́ва гора́*. Известны как место *Святы́е берёзы*, где «святые жили», так и место *Лом*, где «черты жили» и где раньше строили церковь, которая за одну ночь ушла в землю. Помимо легендарного перехода Никульской церкви, рассказывается, что церковь возле устья р. Локсимерь, напротив д. Клинцево, на месте под названием *Рождество́*, провалилась, ушла под землю, все рухнуло (рис. 3). Сюжет сказочного предания распространенный, но легенда имеет историческую основу, поскольку здесь существовал Рождественский погост и стан с самым ранним упоминанием в 1453 г.[63]

Было бы интересно сравнить результаты топонимического исследования с данными археологии, но, к сожалению, в археологическом отношении бассейн р. Локсимерь не изучен. Ближайшие сведения имеются

[63] *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае... С. 31 и след.

Рис. 4. Средневековая керамика из д. Андрейцево, на р. Локсимерь. Борисоглебский район, Ярославская область. 2014 г.

о с. Николо-Бой с селищем XII – XIII вв. Археологические исследования проведены выше по реке Устье, в том числе, в городище *Городо́к* дьяковской культуры раннего железного века в д. *А́калово/Аку́лово* Борисоглебского района. Среди исследованных в Ростовском районе археологических памятников бассейна реки Устье представлены не только мерянские и дьяковские, но и эпохи бронзы и времени неолита[64].

Обсуждаемый топоним *Локсимерь* с параллелями является одним из целого ряда достаточно явных показателей чисто мордовского типа лексических компонентов в языке земли летописной мери. Здесь, как и в Центре России в целом, обнаруживается ряд отдельных микроареалов с определенным скоплением топонимических компонентов, особенно близких к современным мордовским данным. Лишь совместно с археологическим исследованием местности можно судить, идет ли в таком случае речь о собственно мере, о какой-нибудь ее подгруппе с несколько отличающимся диалектом или о другой народности, близкородственной по языку. Посещение осенью 2014 г. бывших д. Андрейцево и с. Никульское (-Локсино) показало, что в наше время эта тихая округа могла бы дальше раскрывать свои тайны лишь путем археологического изучения (рис. 4)[65].

---

[64] См.: Археологическая карта России: Ярославская область / авт.-составитель К. И. Комаров. М., 2005. С. 97–99.

[65] Полевая работа велась, в основном, благодаря гранту на поездки от Канцлера Хельсинкского университета за 2014 г.

Список литературы

Акцорин В. А. Мировоззренческие представления финно-угорских народов по данным фольклора // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. XI: Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1994.

Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // Вопросы языкознания. 2000. № 2.

Альквист А. Флора и фауна в древней топонимии Ярославского края // Четвертые Алмазовские чтения. Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. Материалы международной научной конференции. Ярославль, 2006 [2007].

Альквист А. «Дебольский городец на реке Саре»: к этимологии двух топонимических гнезд // Археология: история и перспективы. Седьмая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2016.

Археологическая карта России: Владимирская область / отв. ред. Ю. А. Краснов. М., 1995.

Археологическая карта России: Ярославская область / сост. К. И. Комаров. М., 2005.

Археология Костромского края / под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома, 1997.

Атлас Владимирской области. Масштаб 1: 100 000. М., 2003.

Атлас Костромской области + Горьковское водохранилище. Масштаб 1: 100 000. [Тверь,] 2009.

Атлас Ярославской области. Масштаб 1: 100 000. М., 2002.

Афанасьев Н. Праздник «Лебедей» у вотяков-язычников Мамадышского уезда // Известия Императорского русского географического общества, 1881. Т. XVII. Под ред. В. И. Срезневского и П. В. Охочинского. СПб., 1887.

Варенцов В. А. Некоторые сведения о фауне позвоночных Переславского уезда // Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного Общества. Вып. VII. 1919. [Переиздание подготовлено Переславской Краеведческой Инициативой]. М., 2003.]

Данилов А. Ю., Каретников А. Л. Ойконимы ростовской мери // История и культура Ростовской земли 2005. Ростов, 2006.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / отв. ред. С. В. Бахрушин. М.–Л., 1950.

Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской Епархии / сост. Аполлинарий Крылов. Ярославль, 1861.

Карта Угличского уезда Ярославской губернии. Масштаб: 2 версты в английском дюйме. [Ярославль], 1902.

Каретников А. Л. Населенные пункты ростовской вотчины Троице-Сергиева монастыря в 1646 г. Историко-географический комментарий // ИКРЗ. 2008. Ростов, 2009.

Кулемин А. А. Животный мир. (Фауна позвоночных) // Природа и хозяйство Ярославской области. Часть I: Природа / отв. ред. А. Б. Дитмар. Ярославль, 1959.

Кузнецов С. К. Русская историческая география: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. Вып. I (меря, мещера, мурома, весь). М., 1910.

Лексикология современных мордовских языков : Учебное пособие / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1983.

Лузгин А. С. Промыслы Мордовии. Саранск, 1993.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1.

Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: Данные мифологической реконструкции. (Прауральский космогонический миф) / Материалы к серии «Народы Советсткого Союза». Вып. V: Народы уральской языковой семьи. М., 1991.

Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря. 1505–1537 / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2007.

Писцовые книги XVI века. Отд. II / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: Вотчинные земли / сост. В. Ю. Беликов. СПб., 1999.

Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова. Т. I: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. СПб., 1899.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие... Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области. М., 1992.

Попов А. И. К вопросу о мордовской топонимике // Советское Финноугроведение, Т. II: Филологические доклады конференции по вопросам финноугорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Саранск, 1948.

Путеводитель по Ярославской губернии / сост. А. П. Бутурлин. Ярославль, 1859.

Рохмистров В. Л. Некоторые морфометрические характеристики рек Ярославского Поволжья // Ученые записки. Вып. 75. География и геология. Ярославль, 1969.

Семенов Т. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887. Т. II. М., 1891. С. 238.

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. М., 1976.

Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.–СПб., 2009.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание третье. Т. II. М., 1996.

Энциклопедия уральских мифологий. Т. I: Мифология коми / под. ред. В. В. Напольских. М.–Сыктывкар, 1999.

Ярославская область: Административно-территориальное деление (на 1 января 1986 года): Справочник / под ред. Т. В. Чупина. Ярославль, 1986.

Мордовский словарь Х. Паасонена / отв. ред. М. Кахла Т. II / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXIII, 2; Kotimaistenkieltentutkimuskeskuksenju lkaisuja, 59. Helsinki, 1992. С. 1175.

Ahlqvist A. Ihmaŕ ja Kuhmaŕ // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 215. Festschrift fürRaijaBartenszum 25.10.1993. Helsinki, 1993. С. 1–19.

Ahlqvist A. Blue Stones in the Context of Traditions of Worshiping Stones in Former Finno-Ugric Territories of Central Russia // **Mythic Discourses: Studies in Uralic Traditions. Studia Fennica Folkloristica.** Ред. Frog, A.-L. Siikala, E. Stepanova, Helsinki, 2012.

Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisenkansanuskonsanakirja. [Helsinki], 2016.

Rédei K. UralischesEtymologischesWörterbuch. Lieferung 2. Budapest, 1986.

Rédei K. UralischesEtymologischesWörterbuch. Lieferung 5. Budapest, 1988.

Siikala A.-L. Itämerensuomalaistenmytologia / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 1388/ Tiede. Helsinki, 2013.

Svensktortsnamnslexikon. Uppsala, 2003.

Suomalainenpaikannimikirja / Kotimaistenkieltentutkimuskeskuksenju lkaisuja, 146. Helsinki, 2007.

Ukkonen P., Mannermaa K. Jääkaudenjälkeläiset: Suomenlintujen ja nisäkkäidenvarhainenhistoria // Museovirastonjulkaisuja, 8. Helsinki, 2017.

Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen// Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. BandI. Herausgegeben von Herbert Bräuer/ Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Band 38. Berlin, 1971. [Переиздание с 1935 г.].

В. И. Вишневский

Сергиев-Посад

Поселения поздней бронзы — раннего железа Акуловское и Устьинское на р. Устье Борисоглебского района Ярославской области

К кругу малоизученных памятников дьяковской культуры Ярославской области относятся два поселения в Борисоглебском районе – Акуловское городище и Устьинское селище.

Акуловское городище известно давно[1]. В 1885 году обследовалось А. А.Титовым[2]. Первые исследования относятся к 1920-м годам. Исследования 1926 года проводились по Открытому листу №20, выданному заведующему Ростовским государственным музеем Д. А. Ушакову[3]. М. В. Талицкий и Д. А. Ушаков в 1927 и 1928 годах работали на Акуловском городище, где были найдены фрагменты дьяковской керамики, железные предметы, обломки льячки[4]. Очевидно к этому времени относится план памятника с указанием местоположения шурфов и траншеи, который хранится в Ярославском музее-заповеднике[5]. Мыс высотой 12 м. На плане виден вал, отделяющий с севера городище от плато коренного берега и выемка с южного края (рис. 1).

Не исключено, что на эти материалы ссылался П. Н. Третьяков в своем обобщающем исследовании 1941 года, когда писал, что «небольшие раскопки были проведены на городище в дер. Акулово, к северу от оз. Неро.

---

1 *Комаров К. И.* Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. С. 98.

2 *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885.

3 *Каретников А. Л., Каретникова В. А.* Новый документ по истории Археологического отдела Ростовского музея в 1920-е гг. // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2013 года. Ростов, 2014. С. 20–21.

4 *Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В.* История Ярославской археологии. М., 2009. С. 99.

5 Работы автора в фондах Ярославского музея-заповедника в 1970-х гг.

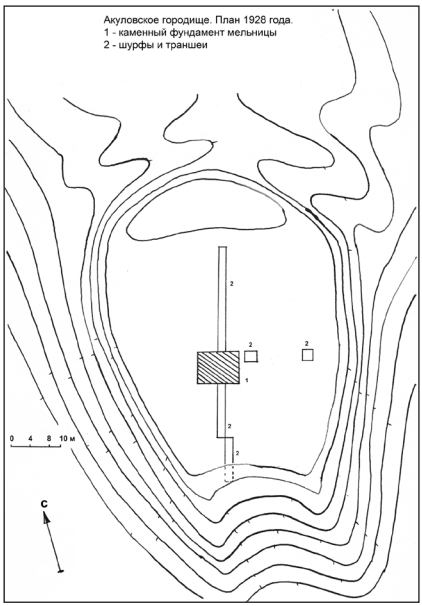


Рис. 1. Акуловское городище. План 1928 года

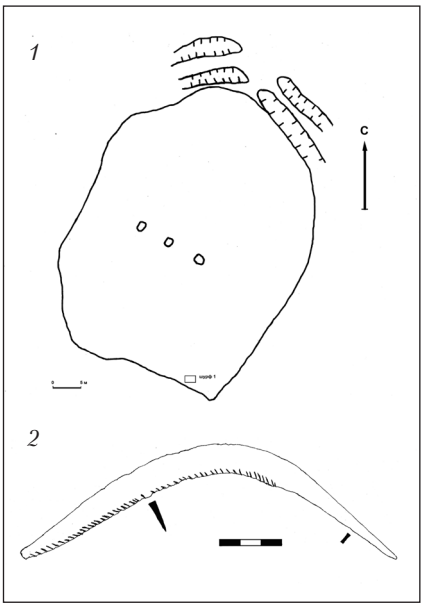


Рис. 2. Акуловское городище. 1 – план 1960 года, 2 – железный серп

Помимо обычной керамики, были найдены изделия из кости, «грузики дьякова типа» и прясла от веретен (Ростовский музей)»[6]. В 1960 году городище обследовалось А. Л. Никитиным, который сообщал, что городище размером 70 х 50 м, вытянуто-овальной формы, южная часть (около 1/5 всей площади) уничтожена карьером, с северной, напольной стороны отделено от коренного берега дугообразным валом и двумя рвами (рис. 2). Шурфом выявлен культурный слой мощностью 0,2–0,35 см, фрагменты «сетчатой» керамики, обожженные камни, обломки костей[7]. В 1973 и 1975 годах памятник обследовался археологическим отрядом Ярославского университета под руководством И. Л. Станкевич. Городище продолжало разрушаться с юга, с севера сохранялись остатки двух рвов и вала. На площадке сохранялись следы от фундаментов ветряных маслобойных мельниц, стоявших на городище в начале XX века. В 1975 году у южного края был заложен шурф (2 кв.м), вскрывший культурный слой — черную супесь 25–40 см, с фрагментами сетчатой, гладкостенной и штрихованной керамики, най-

[6] *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. Вып. 5. М.-Л., 1941. С. 43.

[7] *Никитин А. Л.* Отчет о работе Переславского отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в Ростовском районе Ярославской области в 1960 году // Архив ИА РАН. Р-1. №2215. С. 126.

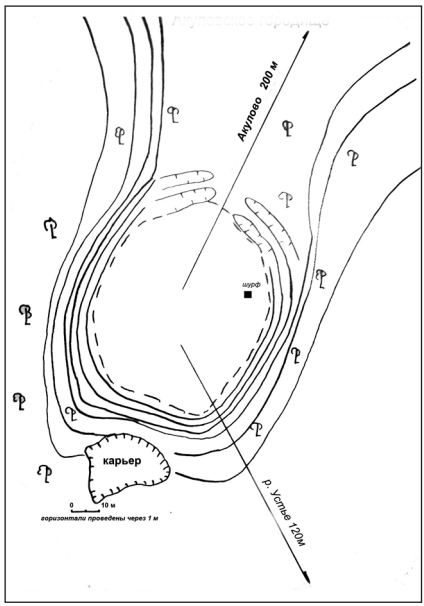


Рис. 3. Акуловское городище. План 1987 года

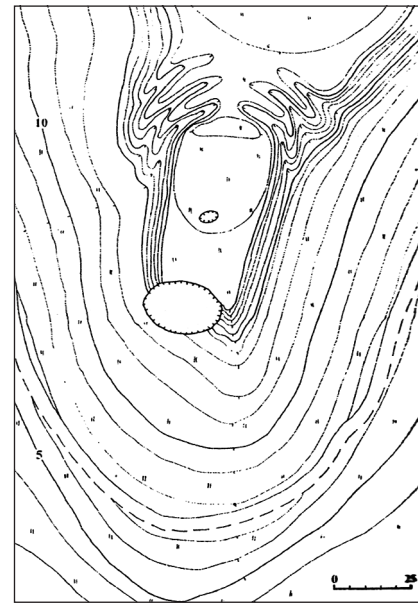


Рис. 4. Акуловское городище. План 1993 года

ден фрагмент каменного оселка, в материке обнаружены столбовая яма диаметром 30 см[8]. В 1986 году руководителем Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР А. Е Леонтьевым при посещении Акуловского городища был найден железный серп с насечками[9], отнесенный к типу 1 по классификации К. А. Смирнова и датированный первой половиной I тыс. до н. э.[10]

В 1987 году В. И. Вишневским был заложен шурф 2 х 2 м (рис. 3), который выявил культурный слой 0,6 м, где были собраны фрагменты керамики и сделаны отмывки для карпологического анализа. В 5 отмывках было найдено одно зерно пшеницы[11]. В 1993 году К. И. Комаровым был снят план, уточнивший параметры памятника (рис. 4): размеры площадки 60 х 30 м, высота над рекой — 20 м, а также систему оборонительных сооружений из двух валов и трех рвов, при ширине рвов и вала — 4–5 м, высоте валов от

---

[8] *Станкевич И. Л.* Отчет о работах Археологической экспедиции Ярославского госуниверситета в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6495. С. 29; *Станкевич И. Л., Вишневский В. И., Нащокин Н. В., Ширихина Т. Б.* Работы экспедиции Ярославского госуниверситета // АО 1976 года. М., 1977. С. 74.

[9] *Леонтьев А. Е.* Археология мери. М., 1996. С. 34. Рис. 5, 3.

[10] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура. М., 1974. С. 40. Табл. III, 9; *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище. М., 1974. С. 227.

[11] *Вишневский В. И.* Об особенностях городищ дьяковской культуры в Верхнем Поволжье // Краеведческие записки. Выпуск VII. Ярославль, 1991. С. 66.

дна рвов — 2 м. Было выяснено, что проем во внутреннем валу составлял 5 м, а во внешнем — 20 м, почему внешний вал просмотрели предшественники[12]. Во время посещения памятника в 2016 году выяснилось, что южный склон полностью зарос лесом, площадка начинает зарастать деревьями.

Керамический комплекс, составивший в итоге 364 фрагмента, представлен исключительно грубой посудой с примесью дресвы с гладкой, «сетчатой» и штрихованной поверхностью, где «сетчатая» составляет подавляющее большинство (87,4%) (табл. 1). Преобладает штамповый орнамент (в том числе «розетка») — 73,6%, встречается также ямчатый, гребенчатый, тычковый (рис. 5, 6).

Таблица 1. Статистика керамики Акуловского городища

Наименование	*В целом по городищу*	
	Количество	*%* *
Общее количество	364	100
Группа I. Грубая	364	100
Состав грубой:		
Подгруппа А. Гладкостенная	38	10,4
1. Гладкостенная б/о	34	89,5
2. Гладкостенная орнаментированная	4	10,5
2а. Орнамент по тулову	4	–
а) ямчатый	3	–
е) прочерченный	1	–
Подгруппа Б. Сетчатая	318	87,4
1. Сетчатая б/о	257	80,8
2. Сетчатая орнаментированная	61	19,2
2а. Орнамент по тулову	53	88,9
а) штамповый	39	73,6
б)розетка (входит в штамповый)	20	37,7
в) ямчатый	8	15,1
г) гребенчатый	3	1,9
д) прочерченный	3	5,7
е) розетка-прочерченный	1	1,9
ж) штамп+розетка	1	1,9
з) ямочный+гребенчатый+штамповый	1	1,9
тычковый	6	–
2а. Орнамент по венчику	8	13,1
а) веревочный	3	–
б) прочерченный	5	–
в) насечка	1	–
Подгруппа В. Штрихованная	8	2,2

* Процент I, II и А, Б подсчитан от общего количества. Процент 1 и 2 подсчитан в каждом случае от А и Б. Процент а, б и т. д. подсчитан от 2а и 2б.

[12] *Комаров К. И.* Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. С. 98.

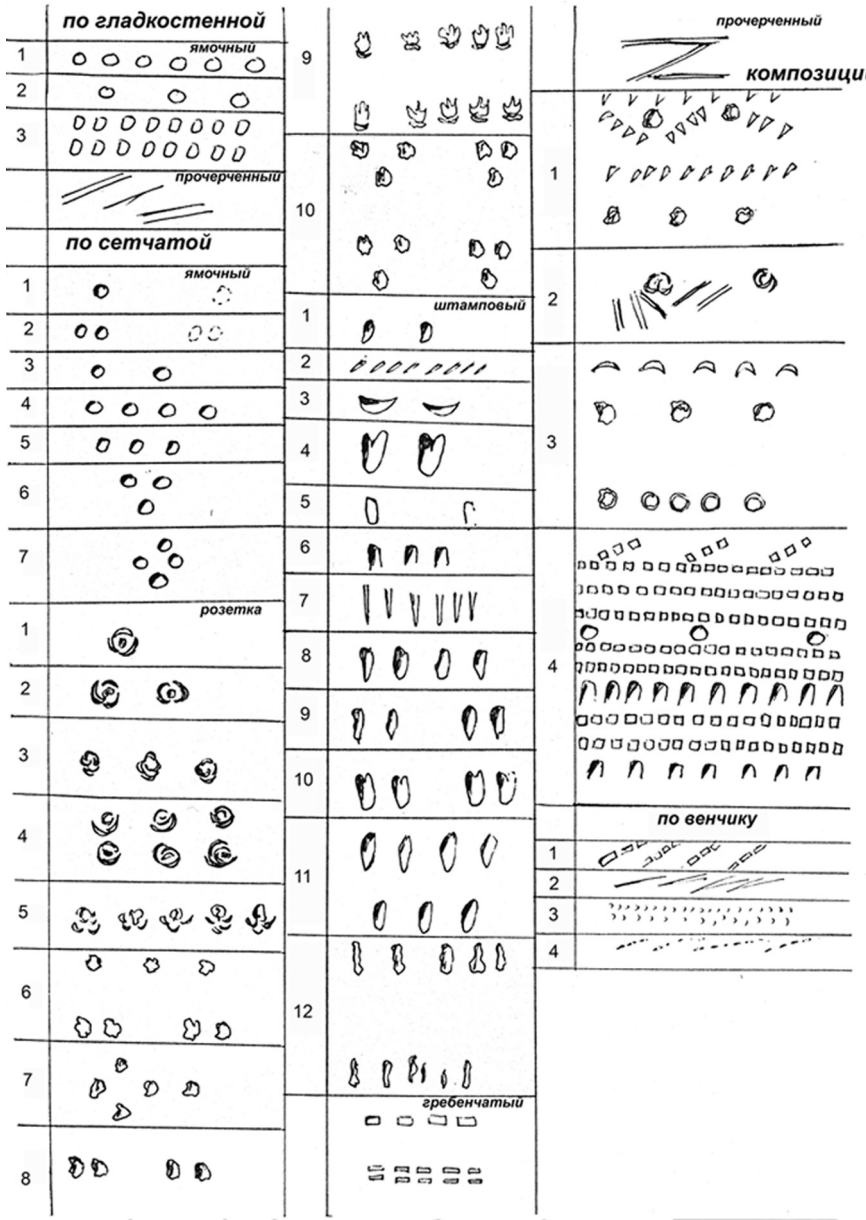


Рис. 5. Орнаментация керамики Акуловского городища

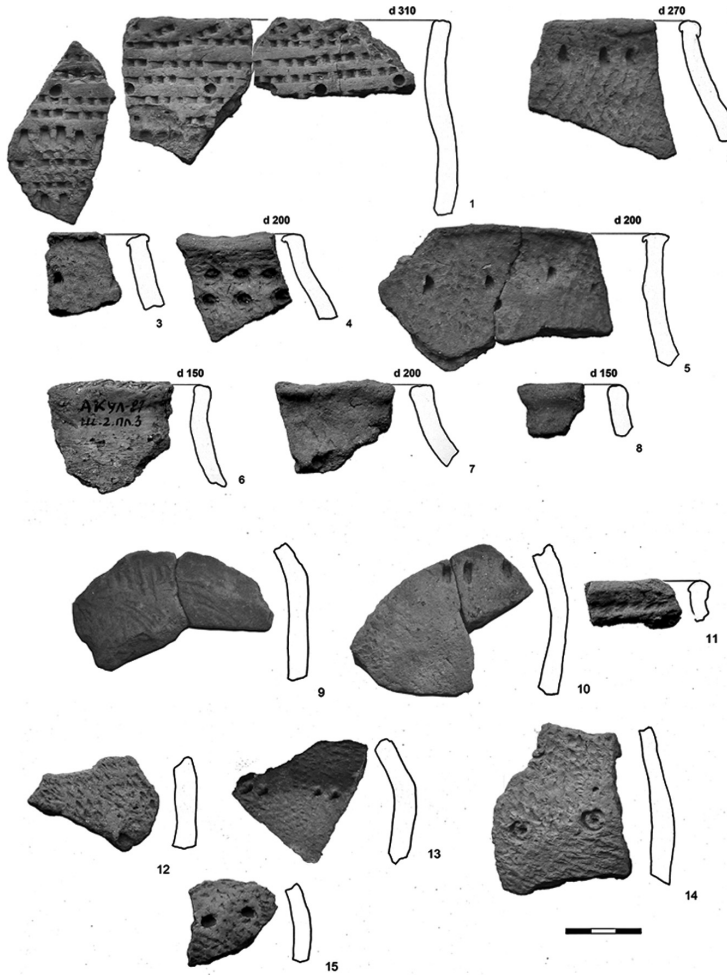


Рис. 6. Акуловское городище.
1–15 — фрагменты керамики

Городище Акуловское может быть датировано **VII–VI вв. до н. э. — на**чалом н.э. Ранняя дата определяется преобладанием сетчатой посуды, присутствием штрихованной и гладкостенной, отсутствии лощеной, развитым орнаментом. Грузик дьякова типа, о котором упоминал П. Н. Третьяков, может быть отнесен ко времени не ранее середины I тыс. до н. э., серп типа I бытует с начала н.э. Система оборонительных сооружений — три рва и два вала с напольной стороны — отмечена, кроме Акуловского, на дьяковских городищах Иваньковское, Пекуновское (VIII–VII вв. до н. э. — IV–V вв.),

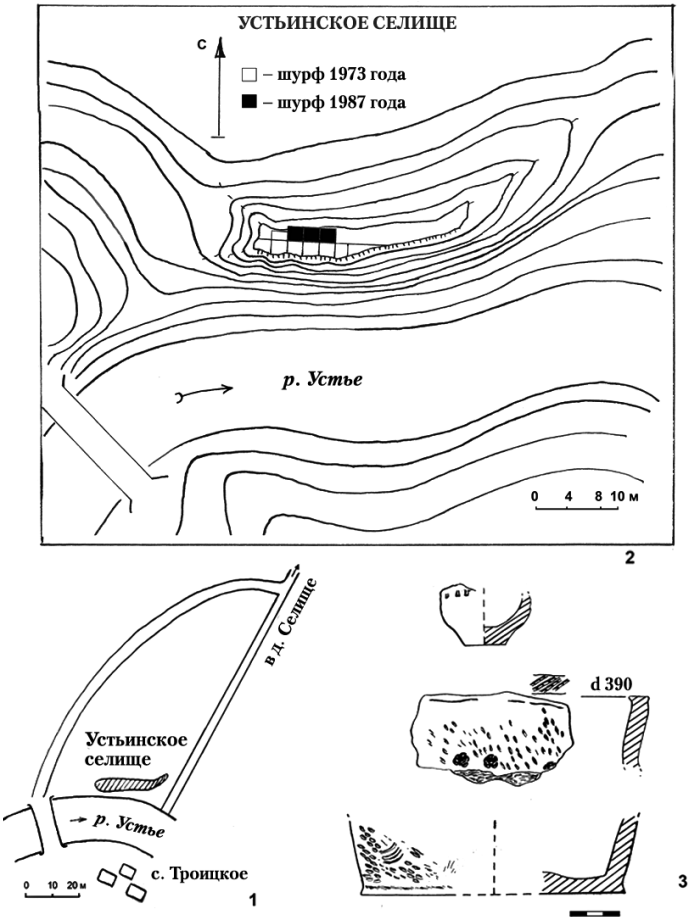


Рис. 7. Устьинское селище.
1 – ситуационный план, 2 – план 1973 года, 3 – фрагменты керамики

Санниковское (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.)[13], Топорок (IV–III вв. до н. э. – VI–VII вв. н. э.)[14].

Поселение Устьинское было открыто И. Л. Станкевич и Е. В. Каменецкой в процессе разведки по р. Устье в 1973 году. Памятник представляет собой лишь останец поселения длиной 27 м и шириной 3 м на левом берегу реки, высотой над уровнем реки 3 м. Находится напротив расположенного на правом берегу реки дачного поселка Троицкое, между

[13] *Бадер О. Н.* Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13. М.-Л., 1950. С. 90, 97, 110.
[14] Т*ретьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья... С. 39.

д. Селище и с. Троицкое в 1 км от пос. Борисоглебский (по сведениям местных жителей разрушался с 1920-х годов).

Основная часть поселения разрушена рекой Устье и строительством моста. Разведочная траншея — 20 кв. м. Максимальная мощность слоя — 40 см. В материке были обнаружены ямки (столбов?) и крупное пятно неправильных очертаний — яма, на дне которой две ямки, в одной — часть развала сетчатого сосуда — по-видимому, остаток заглубленного на 20 см в материк жилища, вероятно, полуземлянки (рис. 7). Материал однороден — фрагменты «сетчатой» керамики, а также 3 мелких кремневых отщепа. Было собрано 322 фрагмента керамики, 1 миниатюрный сосудик (рис. 7: *3*).Сетчатая керамика составила 76%, штрихованная — 9%, гладкостенная — 15%. Соотношение разных групп керамики во всех пластах одинаковы. Орнаменты на сетчатой керамике (рис. 8, 9) — ямочный, гребенка, розетка, веревочный, тычковый. Первоначально было датировано ранним этапом дьяковской культуры VIII–IV до н. э.[15]

В 1987 году во время разведки по р. Устье В. И. Вишневский осмотрел памятник и исследовал его остатки на площади 12 кв.м[16]. На селище был собран 131 фрагмент керамики (табл. 2) и сделаны 3 отмывки культурного слоя, зерен в них не обнаружено[17]. В 2016 году нам не удалось найти ни остатков селища, ни моста, существовавшего в 1970–1980-х гг.

Селище Устьинское может быть датировано в пределах первой половины I тыс. до н.э., поскольку основную часть керамики составляет сетчатая, присутствует штрихованная.

В керамических комплексах обоих памятников обращает на себя внимание почти полное отсутствие не только лощеной, но и гладкостенной керамики, а также наличие небольшого количества штрихованной (табл. 1 и 2). В составе орнаментации преобладают штамповый и ямочный орнаменты. По соотношению приемов орнаментации комплексы имеют высокую степень сходства с керамикой городищ Синьковского, Кубринское, Кундринское, Калязинское, Медвежий Угол[18]. В комплексах встречены фрагменты с развитыми композициями ямочного и гребенчатого орнаментов.

Подтверждаются наблюдения, что в начале н.э. дьяковские поселения восточной части Волго-Окского междуречья запустевают — позднедья-

---

[15] *Станкевич И. Л.* Отчет об археологических работах в Ярославском и Борисоглебском районах Ярославской области в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4988. С. 9–12; *Вишневский В. И., Станкевич И. Л, Ширихина Т. Б.* Разведки в Ярославской области // АО 1973 года. М., 1974. С. 45.

[16] *Вишневский В. И.* Отчет об археологических разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году// Архив ИА РАН. Р-1. №11934.

[17] *Вишневский В. И.* Об особенностях городищ дьяковской культуры в Верхнем Поволжье. С. 69.

[18] *Вишневский В. И.* Об особенностях городищ дьяковской культуры в Верхнем Поволжье. С. 72.

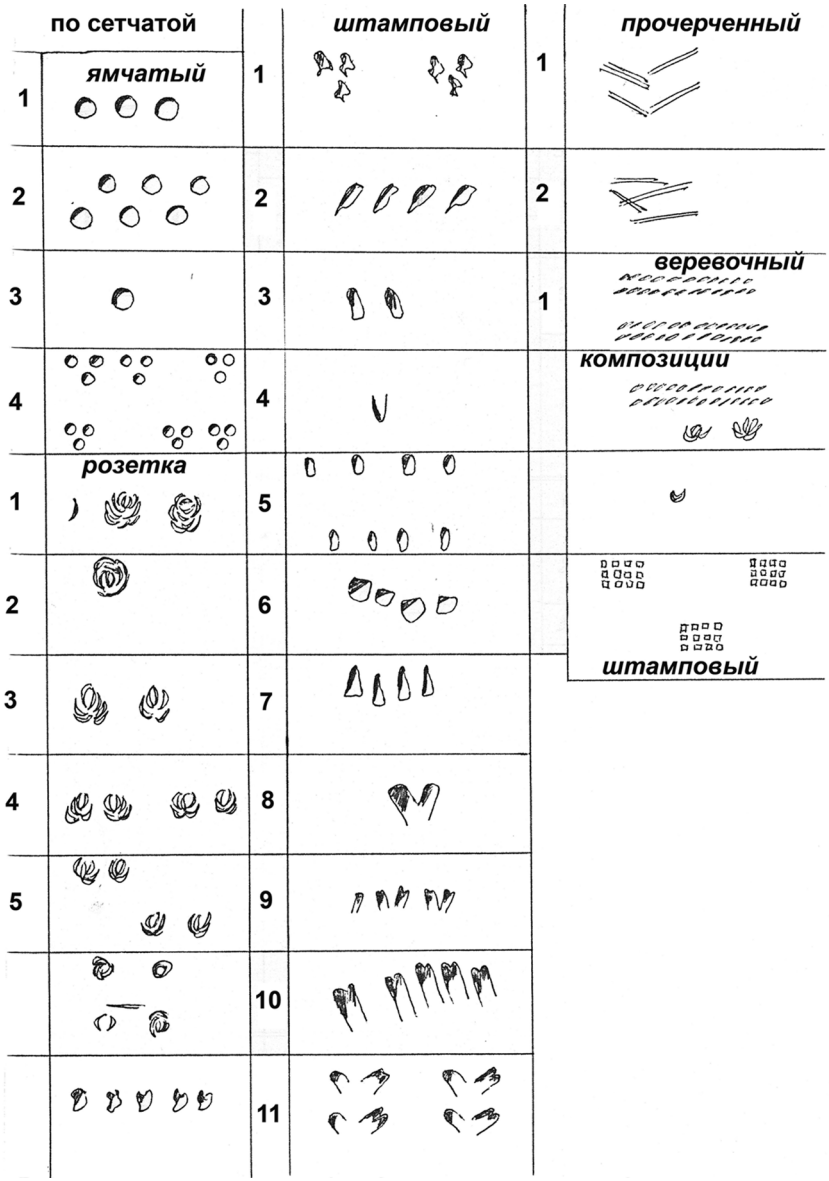


Рис. 8. Орнаментация керамики Устьинского селища

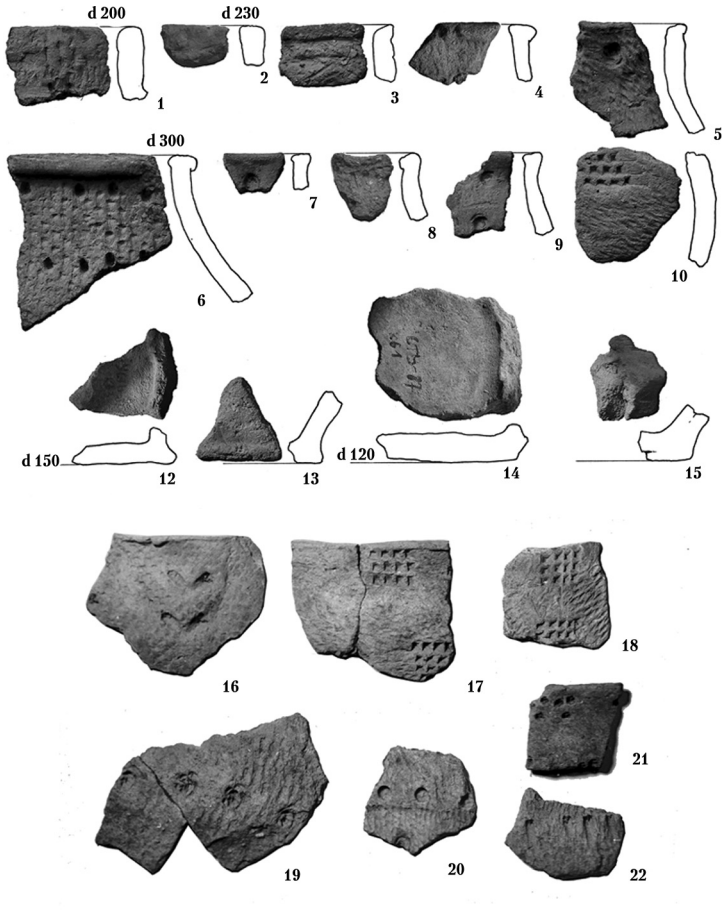


Рис. 9. Устьинское селище.
1–22 —фрагменты керамики

ковских комплексов на них не встречено. П. Н. Третьяковым давно было высказано предположение «о генетической преемственности верхневолжской культуры и местной культуры эпохи бронзы»[19] в связи с наличием кремневого инвентаря и керамики бронзового века на городищах Калязинское, СкнятинскиеI и II. А. Е. Леонтьевым было отмечено, что возникновение поселений на высоких местах в типично «дьяковских» условиях» происходило в конце эпохи бронзы[20].

[19] *Третьяков П. Н.* Древнейшие городища Верхнего Поволжья // Советская археология. IX. 1947. С. 75–77.
[20] *Леонтьев А. Е.* Археология мери. М. 1996. С. 34.

Таблица 2. Статистика керамики Устьинского городища

Наименование	*В целом по городищу*	
	Количество	*%**
Общее количество	453	–
Группа I. Грубая	453	100
Состав грубой:		
Подгруппа А. Гладкостенная	46	10,2
1. Гладкостенная б/о	42	91,3
2. Гладкостенная орнаментированная	4	8,7
2а. Орнамент по тулову	4	–
а) ямчатый	2	–
б) веревочный	1	–
Подгруппа Б. Сетчатая	376	83
1. Сетчатая б/о	320	85,1
2. Сетчатая орнаментированная	56	14,9
2а. Орнамент по тулову	49	87,5
а) штамповый	26	53,1
б) розетка (входит в штамповый)	18	36,7
в) ямчатый	12	24,5
г) тычковый	7	14,3
д)веревочный	2	4,1
е)прочерченный	2	4,1
2а. Орнамент по венчику	7	12.5
а) веревочный	7	100
Подгруппа В. Штрихованная	31	6,8

* Процент I, II и А, Б подсчитан от общего количества. Процент 1 и 2 подсчитан в каждом случае от А и Б. Процент а, б и т.д. подсчитан от 2а и 2б.

Это подтвердили материалы селища Веськово на высоком коренном берегу Плещеева озера, содержавшим, как выяснилось, преимущественно материал позднего бронзового века с кремневым инвентарем[21]. Сравнение керамического комплекса селища Веськово с материалами городища Кубринское и селища Торговище на оз. Сомино показало, что на последних также фиксируется присутствие керамических комплексов с развитыми ямочно-гребенчатыми композициями, орнаментацией внутренней поверхности не только венчиков, но и днищ и др.[22]

Таким образом, два поселения на р. Устье содержат материалы не только раннего этапа дьяковской культуры, но и эпохи поздней бронзы.

[21] *Вишневский В. И.* Селище Веськово на Плещеевом озере – памятник эпохи поздней бронзы – раннего железа // Художественное наследие Владимирского края. История и культура. Вып. V. Александров, 2013. С. 7–26.

[22] *Вишневский В. И.* Керамический комплекс городища Кубринское-I // СА. 1989. № 4. С. 166–167.

Список литературы и архивных источников

Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История Ярославской археологии. М., 2009.

Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге // МИА. № 13. М.-Л.,1950.

Вишневский В. И. Керамический комплекс городища Кубринское-I // СА. 1989. № 4. С. 166–167.

Вишневский В. И. Об особенностях городищ дьяковской культуры в Верхнем Поволжье // Краеведческие записки. Вып. VII. Ярославль, 1991.

Вишневский В. И., Станкевич И. Л, Ширихина Т. Б. Разведки в Ярославской области // АО 1973 года. М., 1974.

Вишневский В. И. Селище Веськово на Плещеевом озере – памятник эпохи поздней бронзы – раннего железа // Художественное наследие Владимирского края. История и культура. Вып. V. Александров, 2013. С. 7–26.

Вишневский В. И. Отчет об археологических разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11934.

Дубынин А. Ф. Щербинское городище. М., 1974.

Каретников А. Л., Каретникова В. А. Новый документ по истории Археологического отдела Ростовского музея в 1920-е гг. // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2013 года. Ростов, 2014.

Комаров К. И. Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005.

Леонтьев А. Е. Археология мери. М., 1996.

Никитин А. Л. Отчет о работе Переславского отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в Ростовском районе Ярославской области в 1960 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2215.

Смирнов К. А. Дьяковская культура. М., 1974.

Станкевич И. Л. Отчет об археологических работах в Ярославском и Борисоглебском районах Ярославской области в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. №4988.

Станкевич И. Л. Отчет о работах Археологической экспедиции Ярославского госуниверситета в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6495.

Станкевич И. Л., Вишневский В. И., Нащокин Н. В., Ширихина Т. Б. Работы экспедиции Ярославского госуниверситета // АО 1976 года. М., 1977.

Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885.

Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // Советская археология. 1947. IX.

Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. Вып. 5. М. ; Л., 1941.

П. Г. Гайдуков, А. В. Энговатова

Москва

Новая вислая актовая печать из раскопок в Ярославле

Вислые актовые печати остаются редкой находкой в городах центральных районов Ростово-Суздальской земли. В Ярославле первые четыре свинцовые печати обнаружены в 2005, 2008 и 2010 гг. в ходе широкомасштабных раскопок экспедиции Института археологии РАН на территории ярославского кремля – древнейшей части города, расположенной на мысе при впадении реки Которосль в Волгу (так называемая Стрелка) и ограниченной Медведицким оврагом (на участках Волжской набережной и у храма Николы «Рубленый город»). Три из них идентифицируются как княжеские, одна — как церковная. Датируются печати второй половиной XII — первой третью XIII в.[1]

В августе 2017 г. в Ярославле на Стрелке найдена пятая печать. Она обнаружена в ходе проведения спасательных археологических работ ИА РАН (Ярославская экспедиция, начальник А. В. Энговатова) при прокладке траншеи под коммуникации на участке, примыкающем к зданию Митрополичьих палат (Волжская наб., д. 1), в слое первой половины XIII в. (уч. 4, кв. 42, гл. — 290 см, № 296).

Печать относится к большому разряду княжеских булл с изображением святых на обеих сторонах. На одной ее стороне помещена фигура св. Марии в полный рост в длинных одеждах, с крестом в правой руке. По сторонам колончатая надпись: О АГИЯ – МАРИЯ. На другой стороне печати фигура св. Константина в полный рост, с крестом в правой руке. По сторонам колончатая надпись: О АГИОС – КОСТЯНТИНЪ.

[1] *Энговатова А. В., Гайдуков П. Г.* Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле // РА. 2016. № 1. С. 60–66.

Рис. 1. Печать княгини Марии Мстиславны из раскопок в Ярославле

Оттиснута на круглой литой свинцовой заготовке со сквозным каналом. Диаметр печати 25–26 мм, толщина 3,5 мм (рис. 1).

В настоящее время известно еще шесть печатей, восходящих к этой паре матриц. Четыре из них опубликованы.

Впервые подобная печать обнаружена на Замковой горе в Житомире в 1971 г. Местные школьники, нашедшие печать, разломили ее по каналу пополам. Одну половинку они расплавили, а вторую передали местному краеведу В. Я. Каплуну, который представил ее для изучения и издания А. А. Молчанову[2]. Сохранившиеся на разных сторонах фрагмента буллы надписи (О АГИЯ и КОСТЯНТИНЪ) позволили исследователю сделать заключение о принадлежности этой печати одной из древнерусских княгинь. Опираясь на значительное сходство изображения св. Константина с изображением такого же святого на печати князя новгородского (1205–1208), ростовского (1208–1216) и великого князя владимирского (1216–1218) Константина Всеволодовича[3], старшего сына Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, А. А. Молчанов высказал предположение о принадлежности печати его жене – не названной летописью по имени смоленской княжны, дочери Мстислава Романовича. «Имя владелицы печати из Житомира остается пока неизвестным. Но будем надеяться, что обнаружение новых экземпляров данной буллы позволит установить имя этой княгини»[4]. Печать вошла в третий том серии «Актовые печати Древней Руси». Без точной

---

[2] *Молчанов А. А.* Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира // СА. 1984. № 1. С. 260–263.

[3] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X – начала XIII в. М., 1970. С. 206. № 201.

[4] *Молчанов А.А.* Печать древнерусской княгини XIII в. ... С. 262–263.

атрибуции она описана в разделе «Печати неопределенных князей»[5]. Место ее современного хранения не известно.

В 1997 г. зарегистрирована вторая печать с изображением св. Константина и неизвестной святой. Половинка буллы с нижними частями фигур и надписей была найдена на Новгородском городище и в том же году поступила на хранение в Новгородский музей[6].

Третья из рассматриваемых печатей найдена в 2007 г. на неизвестном средневековом поселении в Переславском районе Ярославской области. Это целая булла хорошей сохранности, на которой впервые было прочитано имя святой – Мария[7]. Хранится в частной коллекции.

О находке четвертой печати сообщил в январе 2017 г. М. Н. Бутырский, осуществивший позже ее публикацию[8]. Булла найдена в 2016 г. на территории Спасо-Песоцкого монастыря в г. Ростов Ярославской области. Печать хранится в монастыре, обстоятельства ее находки остаются неясны[9]. Изучив новую печать с изображением св. Марии, М. Н. Бутырский подтвердил предположение А. А. Молчанова о ее принадлежности жене князя Константина Всеволодовича, дочери смоленского князя Мстислава Романовича Старого, и определил ее крестильное имя. Исследователь высказал предположение, что из двух наиболее почитаемых святых с одинаковыми именами на печати изображена не Мария Магдалина, а Мария Египетская – патрональный святой владельца[10].

М. Н. Бутырский представил немногие сведения о княгине Марии: «Родилась, очевидно, в начале 1180-х гг., вышла замуж за Константина Всеволодовича в 1196 г. и стала матерью трех его сыновей – Василька, Всеволода и Владимира. Княгиня пережила супруга (умершего в 1218 г. — *П. Г., А. Э.)* и умерла в Ростове Великом в 1220 г., приняв за два года перед смертью постриг. Погребена в ростовском Успенском соборе. В монашестве ее имя было Агафия, крестильное по письменным источникам не известно. Единственная известная печать княгини может

---

[5] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 146. № 238б.

[6] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗ. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 346, 347. № 238б-2. Рис. 16.

[7] Там же. С. 73, 79. № 238б-3. Рис. 7.

[8] *Бутырский М. Н.* Подвесная печать великой княгини Марии-Агафьи Мстиславны // История и культура Ростовской земли. 2016. Ростов, 2017. С. 15–20.

[9] Автор статьи благодарит за возможность ознакомиться с печатью священника А. Парфёнова и сотрудника Ростовского музея А. Л. Каретникова и сообщает со слов последнего, что вместе с печатью «найдены бронзовый крест с выемчатыми эмалями и бронзовая лировидная пряжка; оба сопутствующих предмета датируются XI–XII вв. и аналогичны найденным при раскопках в Великом Новгороде». См.: Там же. С. 15. Примеч. 2. Информация вызывает вопросы и подозрения в степени законности обретения древнерусских предметов на территории археологического памятника федерального значения с охраняемым культурным слоем, а также их хранения.

[10] Там же. С. 19.

быть датирована ранее 1218 г., скорее всего, 1208–1218 гг., временем пребывания Константина Всеволодовича сначала на ростовском, а затем [на] владимирском княжеских столах»[11].

В феврале 2018 г. стало известно еще о двух неопубликованных печатях княгини Марии, хранящихся в частных коллекциях. Одна из них происходит с территории Ярославской области (?)[12]. Фотографии этой печати получены от М. Н. Бутырского. Вторая печать найдена на средневековом поселении в Юрьев-Польском районе Владимирской области[13].

Таким образом, в настоящее время кроме публикуемой печати известно еще шесть булл с изображением св. Марии, оттиснутых одной парой матриц. Пять из них происходят с территории Ростово-Суздальской земли, две найдены за ее пределами (Житомир и Новгород). Лишь печать из Ярославля обретена при официальных археологических раскопках и имеет надежную стратиграфическую датировку. Печати из Ростова и Ярославля лишний раз подтверждают их принадлежность княгине Марии, жене великого князя владимирского Константина Всеволодовича.

Печать княгини Марии Мстиславны удачно дополняет коллекцию вислых ярославских печатей, в числе которых уникальная булла ее среднего сына Всеволода Константиновича, первого ярославского князя, погибшего в возрасте 28 лет в битве с монголами 4 марта 1238 г. на р. Сить. Печать сына обнаружена на раскопе «Волжская набережная, дом 1» в 2010 г.[14], севернее места находки печати матери. Обе печати были утеряны на участке, где в начале XIII в. предположительно располагался княжеский двор.

Список литературы

Бутырский М. Н. Подвесная печать великой княгини Марии-Агафьи Мстиславны // История и культура Ростовской земли. 2016. Ростов, 2017. С. 15–20.

Молчанов А. А. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира // СА. 1984. № 1. С. 260–263.

Энговатова А. В., Гайдуков П. Г. Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле // РА. 2016. № 1. С. 60–66.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X — начала XIII в. М., 1970.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗ. Вып. 12. Новгород, 1998.

---

[11] Там же. С. 17.

[12] Там же. С. 16. Примеч. 4. Сведения о печати и ее фотографии размещены весной 2015 г. на интернет-форуме «ЯрКлад». Сообщение А. Л. Каретникова.

[13] Сообщение А. А. Гончара.

[14] *Энговатова А. В., Гайдуков П. Г.* Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле... С. 60–63. Рис. 2, А–1, Б–1.

А. В. Кашкин

Москва

Дьяковская культура в Верхнем Поволжье. Географический аспект

Верхнее Поволжье является основным северным регионом распространения памятников дьяковской культуры. Вопрос о географической предрасположенности этих памятников никогда ранее не поднимался. Данная работа представляет собой попытку проследить некоторые особенности взаимосвязи поселений дьяковской культуры на территории Верхнего Поволжья с географической средой, в которой они расположены (с реками, рельефом).

Источниковой базой для данной работы послужили выпуски «Археологической карты России» (далее АКР) по Ивановской, Костромской, Московской, Тверской и Ярославской областям[1]. Описание памятников и подробную библиографию можно найти именно в этих выпусках серии АКР. Тем самым мы ещё раз смогли представить уникальные возможности данного издания для самых различных научных задач.

В этой работе проанализированы характеристики 284 поселений с материалами дьяковской культуры, которые встречены на 115 городищах и 169 селищах, расположенных на территории Тверской (185), Московской (17), Ивановской (8), Костромской (26) и Ярославской (48) областей (рис. 1). Всего же на основной территории распространения

[1] Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994; Археологическая карта России. Московская область. Часть 2. М., 1995; Археологическая карта России Костромская область. М., 1999; Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М., 2003; Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005; Археологическая карта России. Тверская область. Часть 2. М., 2007; Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3. М., 2010; Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4. М., 2012.

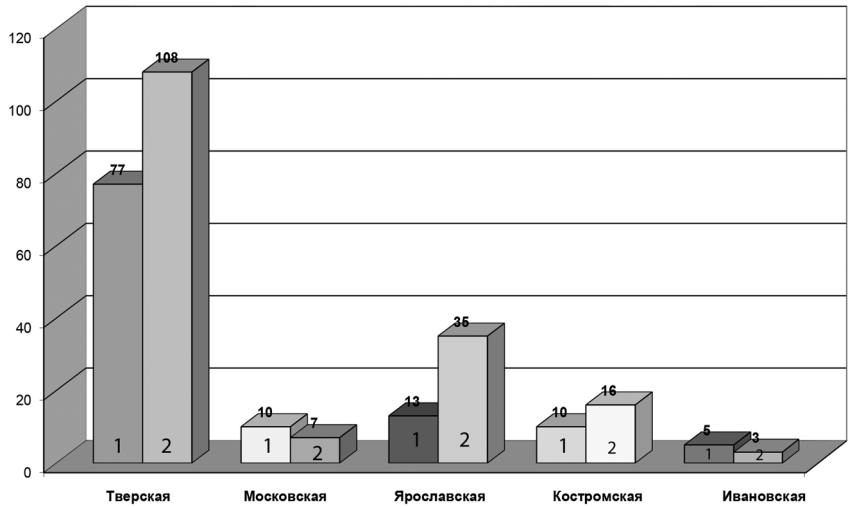


Рис. 1. Памятники дьяковской культуры в регионах Верхнего Поволжья (1 – городища, 2 – селища)

дьяковской культуры (Верхнее Поволжье, Москворечье, Поочье) известно 578 поселений (244 городища, 339 селищ).

Обращаем внимание, что памятники дьяковской культуры Москворечья и Поочья были рассмотрены автором в другой работе[2]. В данную статью включены только те памятники Московской и Ивановской областей, которые находятся непосредственно либо на основном русле Волги, либо на притоках её верхнего течения.

Обследование территории Верхнего Поволжья велось неравномерно. Лучше других обследован, безусловно, Тверской регион. Но и имеющихся данных по всем пяти областям вполне достаточно для некоторых обобщений.

Поселения на реках и озерах (рис. 2)

Все дьяковские поселения расположены в основном на основном русле Волги, на реках Волжского бассейна, реже — на озерах. Назовем эти реки и обозначим количество на них дьяковских поселений (первая цифра означает порядок реки, цифра в скобках — количество памятников).

[2] *Кашкин А. В.* Дьяковская культуры в Поочье. Географический аспект // Оки связующая нить. Археология Среднего Поочья. Сборник материалов IX и X региональной научно-практической конференции. Ступино, 2017. С. 95–101.

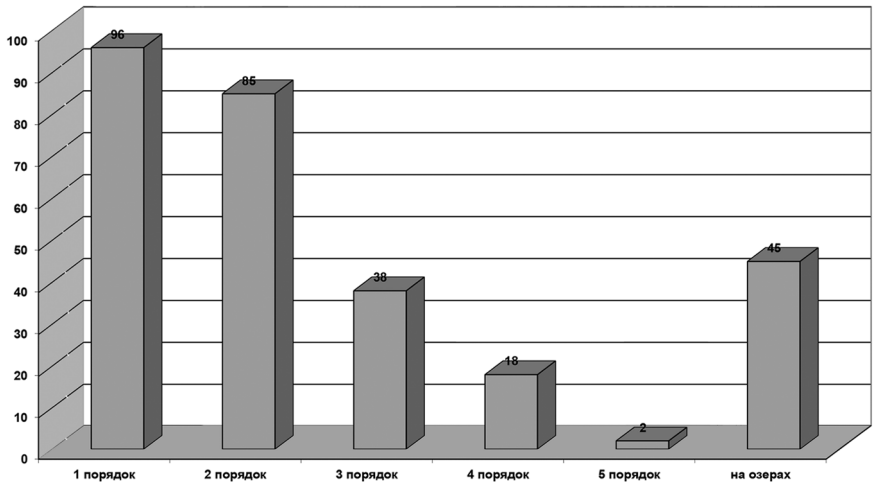


Рис. 2. Расположение памятников на реках (по порядкам) и озерах

Реки Волжского бассейна (по порядкам):

1. Волга (96);
2. Вазуза, Волкота, Держа, Дубна, Кострома, Которосль, Медведица, Молога, Нерль Волжская, Сунжа, Сутка, Стежира, Тверца, Тьма, Тьмака, Умость,Унжа, Шоша, Щербиха (85);
3. Андоба, Вёкса, Волчина, Городенка, Корега, Кубрь, Кусца, Лама, Лахость, Меза, Осень, Остречина, Осуга, Сить, Устье, Шача, Шегра, Шостка (38);
4. Б. Сестра, Бродиха, М. Сестра, Могоча, Ноля, Поведь, Тифина (18);
5. Тошма, Уйвешь (2).

Озера и озерные притоки (45):

Бросно, Волго, Галичское, Городно,
Каменное, Лучанское, Неро, Ольшево,
Перхово, Плещеево, Равленское,
Сомино, Судомля, Чеполшевское,
Шейно, Шитово, Ямное,
Бассейн оз. Неро: Сара-Ишня, Мазиха, Печегла, Подрощенка, Пухлома).

На исследуемой территории выявляются следующие закономерности: на больших реках (1–2 порядок) расположен 181 памятник, на средних и малых реках (3–5 порядок) — 58 памятников, на озерах — 45, то есть наблюдается явная тенденция расположения дьяковских памятников на крупных реках.

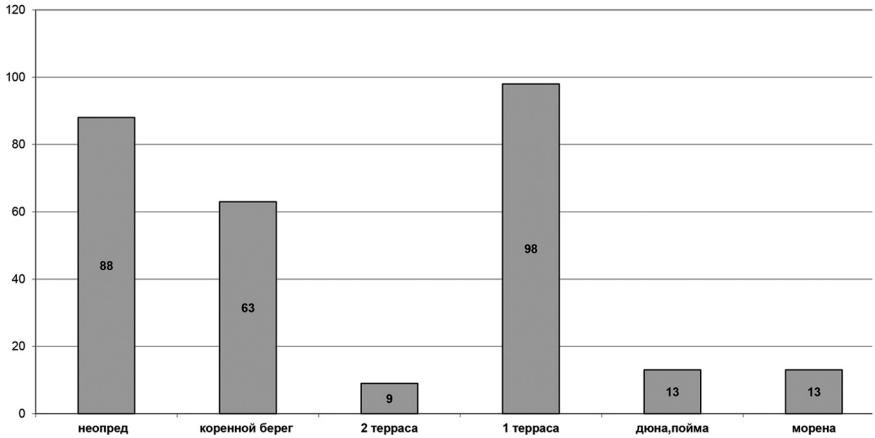


Рис. 3. Расположение памятников на ландшафте

Поселения и ландшафт (рис. 3, 4)

Попробуем проследить теперь некоторые особенности расположения памятников в различных географических условиях (на различных элементах ландшафта).

Перед нами предстает следующая картина (рис. 3):

Терраса коренного берега – 63;

Вторая надпойменная терраса – 9;

Первая надпойменная терраса – 98;

Дюна, пойма – 13;

Морена – 13;

Ландшафтное размещение не зафиксировано – 88.

Однако террасы коренного берега у разных рек бывают разной высоты, равно как и определение террасирования берегов рек может оказаться не вполне корректным. В этой связи нами был предусмотрен подсчет высотных отметок всех дьяковских поселений от уровня реки[3], который представил нам следующую картину:

от 1 до 5 м – 105;

от 6 до 10 м – 61;

от 11 до 15 м – 33;

от 16 до 20 м – 11;

более 20 м – 25;

высота неизвестна – 49.

То есть на низком и относительно низком рельефе (до 10 м) расположено 166 памятников, на высоком (от 11 до 20 м) — 44, на очень высоком

[3] В случаях, если поселение расположено на склоне, то высотные отметки определены нами по средней высоте.

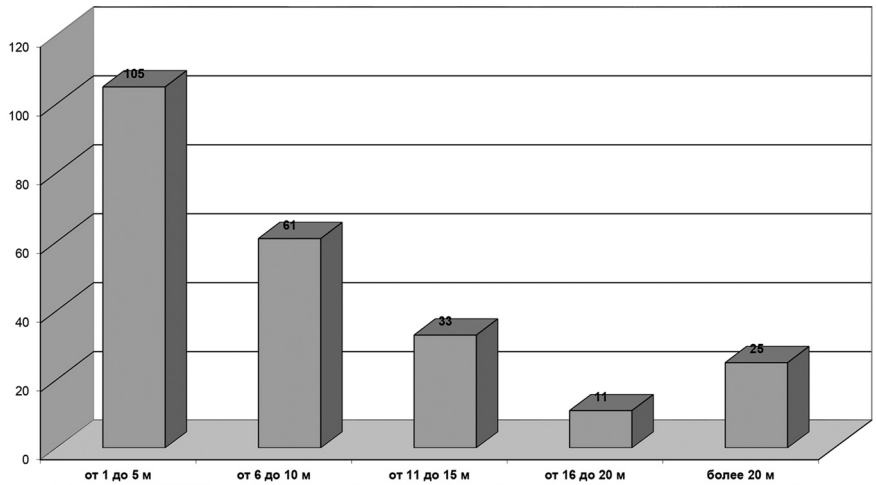


Рис. 4. Высотные отметки памятников

рельефе (от 21 до 60 м) — 25. Наблюдается явная тенденция расположения памятников на низком рельефе. И только городища располагаются на высоком и очень высоком рельефе, в основном на коренных берегах рек.

Площадь памятников (рис. 5, 6)

Поселения с дьяковскими материалами очень разнообразны и по своим размерам, которые чаще всего определены по рельефным особенностям и по распространению подъемного материала. Однако, в большинстве случаев мы имеем дело с многослойными памятниками, содержащими также материалы других эпох, от эпохи неолита до нового времени. Для анализа площадей поселений из всего массива были отобраны памятники с материалами только дьяковской культуры, на которых отсутствуют находки каких-либо иных культур. Кроме того, из подсчетов были исключены частично разрушенные (размытые) памятники. Всего же анализировались площади 116 объектов (66 городищ и 50 селищ). Их площадь в суммарном виде выглядит так:

Малые (до 0,5 га) — 97 (городища — 58, селища — 32);

Средние (до 1 га) — 12 (городища — 7, селища — 14);

Большие (более 1 га) — 5 (городища — 1, селища — 4).

Размеры дьяковских поселений очень разнятся по площади. Самое малое городище Черная Заводь на р. Черная (Ярославская обл.) имело

площадь 0,07 га. Самое малое селище Никулино 1 на р. Волга (Ивановская обл.) имеет площадь 0,06 га. Самое большое городище Мусино на р. Лама (Московская обл.) имеет площадь 5 га. Самое большое селище Глухово на р. Сунжа (Ивановская обл.) имеет площадь 7 га. Но на всем пространстве исследуемого региона преобладают малые поселения: городища площадью 0,2–0,25 га, селища — 0,3–0,4 га.

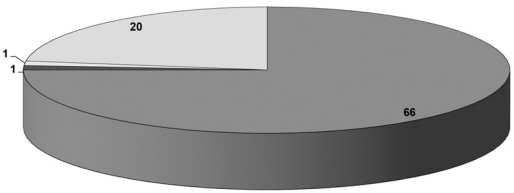


Рис. 5. Площадь городищ дьяковской культуры: площадь неизвестна – 20; большие (до 5 га) – 1; средние (до 2 га) – 1; малые (до 1 га) – 66

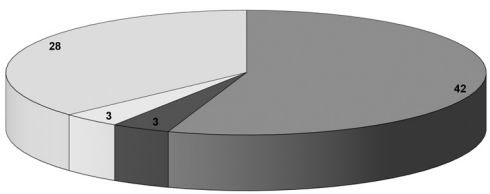


Рис. 6. Площадь селищ дьяковской культуры: площадь неизвестна – 28; большие (до 5 га) – 3; средние (до 2 га) – 3; малые (до 1 га) – 42

Подведем некоторые итоги. Памятники с материалами дьяковской культуры в Верхнем Поволжье представлены как городищами (115), так и селищами (169). Собственно дьяковских городищ на данной территории известно 90, селищ — 74. На остальных памятниках присутствуют либо материалы более ранних эпох (мезолит, неолит), либо более поздние (древнерусские, позднесредневековые).

Дьяковские поселения расположены в основном на реках (239), сравнительно немного их на озерах (45). Наблюдается явная тенденция в географической предрасположенности поселений. Они располагаются в основном на больших (1-2 порядок) и средних (3-4 порядок) реках.

Что же касается рельефным особенностей размещения дьяковских памятников, то они весьма разнообразны, т.е. исследователями зафиксированы все элементы ландшафта. Однако дьяковские поселения тяготеют к низким элементам рельефа (1 терраса, пойма, дюны). И только городища расположены на коренных берегах, иногда очень высоких (до 60 м).

Размеры дьяковских поселений также весьма разнятся (от 0,07 до 7 га). Однако, большая их часть невелика по площади (явно преобладают малые поселения — до 0,5 га).

Обращает на себя внимание некоторое различие в расположении дьяковских памятников и памятников следующего по хронологии мерянского

периода заселения Верхнего Поволжья[4], когда основное предпочтение при расселении отдавалось средним (3 порядок) и малым (4–5 порядок) рекам, а также озерам.

Продолжение разведочных работ на всей территории распространения дьяковской культуры позволит увеличить источниковую базу, более детально представить поселенческую структуру, но общие тенденции принципов расселения уже и сейчас представляются вполне реальными.

Список литературы

Археологическая карта Росиии. Ивановская область. М., 1994.
Археологическая карта России. Московская область. Часть 2. М., 1995.
Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999.
Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М., 2003.
Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005.
Археологическая карта России. Тверская область. Часть 2. М., 2007.
Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3. М., 2010.
Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4. М., 2012.
Кашкин А.В. Дьяковская культуры в Поочье. Географический аспект // Оки связующая нить. Археология Среднего Поочья : Сб. материалов IX и X региональной научно-практической конференции. Ступино, 2017.
Кашкин А.В. О географических особенностях мерянских поселений // Археология: история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция : Сб. статей. Ярославль, 2016.

[4] *Кашкин А.В.* О географических особенностях мерянских поселений // Археология: история и перспективы : Седьмая межрегиональная конференция : Сб. статей. Ярославль, 2016. С. 63–71.

Е. А. Клещенко

Москва

К вопросу о реконструкции элементов погребального убора в кремации

(по материалам могильников Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.)

Работая с материалами кремаций из археологических памятников, исследователь сталкивается с большими трудностями реконструирования и интерпретации деталей погребального обряда, нежели при работе с погребениями, совершенными по обряду ингумации. Погребение с кремацией является завершающей частью сложного ритуала, многие важные детали которого остаются «за кадром»: подготовка и проведение сжигания тела умершего и сопровождающего его инвентаря, сбор праха с погребального костра и последующие манипуляции, совершенные до предания останков земле. Деформация и частичная утрата вещевого материала, нарушение порядка и сохранности инвентаря вследствие воздействия на него огня и высоких температур существенно ограничивает исследователя в построении исторических реконструкций, тем ценнее становятся кремированные костные останки в качестве объекта изучения.

На сегодняшний день методические наработки в изучении кремированных останков позволяют установить видовую принадлежность, минимальное количество, пол и возраст погребенных; реконструировать некоторые детали погребальной обрядности[1]. Тем не менее, исследованию деформаций

[1] См., например: *Holck P.* Cremated bones. A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials. Oslo, 1997; *Großkopf B.* LeichenbrandBiologisches und kulturhistorischesQuellenmaterial zurRekonstruktionvor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken // DISSERTATION Zur Erlangung des akademischen Grades DOCTOR PHILOSOPHIAE, Leipzig, 2004; *Walker P. L., Miller K. P.* Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. 2005, Vol. 40. P.150; *Добровольская М. В.* К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института

костной ткани, полученных в результате соприкосновения тела умершего с предметами одежды и украшений из стекла и металла (или так называемых «псевдодеформаций»), особого внимания не уделялось[2].

Попытка реконструкции элементов погребального убора по «псевдодеформациям» впервые была предпринята при анализе коллекций кремированных останков из могильников Молого-Шекснинского междуречья, в разные годы раскопанных и изученных вологодским археологом А. Н. Башенькиным[3]. Это могильники с коллективными захоронениями («домиками мертвых»): Пугино (IV–XI вв.), Куреваниха 20 (II–I вв. до н. э. — II в. н.э.), индивидуальные и парные захоронения КПДК: Куреваниха 3 (V–VII вв.), Варшавский шлюз 1 (VI–VII вв.), а также погребение из сопки Никольское 11 (конец IX — первая половина X вв.) (рис. 1). Всего проанализировано 7722 фрагмента определимых костей человека из этих захоронений, на некоторых из них зафиксированы следы припекания металла и стекла.

Фрагменты костей из погребения были разбиты на 33 категории: части скелета (рис. 2). Далее внутри каждой категории был высчитан процент соотношения фрагментов со следами припекания и без (что важно, показатели высчитывались не по количеству фрагментов, а по их массе, что, на мой взгляд, является наиболее объективным).

Данный метод наиболее эффективно показал себя при работе с кремациями из индивидуальных или парных погребений. Так, исследование

археологии. Вып. 224. М., 2010; *Широбоков И. Г., Юшкова, М. А.* Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малм (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25).

[2] *Zipp K.* AnthropologischeUntersuchung der Körper- und Brandbestattungen des römischenGräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: miteinemBeitragzu den Bauchlagenbestattungen in der römischenAntike // Inaugural-Dissertation zurErlangung des Grades Doktor der Naturwissenschaften. Gießen, 2010.

[3] *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995; *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе // История и археология Русского Севера: сборник материалов научной конференции, посвященной 60-летия со дня рождения Н. В. Гуслистова. Вологда, 2012; *Башенькин А. Н.* Отчет археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея о работах в Вологодской области в 1984 г. Архив ИА РАН. Р-1. 1984. № 10521; *Башенькин А. Н.* Отчет археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея о работах в Вологодской области в 1985 г. Архив ИА РАН Р-1. 1985. № 10852; *Башенькин А. Н.* Отчет Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 1986 году. Архив ИА РАН. Р-1. 1986. № 11418; *Башенькин А. Н.* Отчет о раскопках могильников и поселения у д. Падун Чагодощенского района и у д. Куреваниха Устюженского района Вологодской области, а также разведках в Чагодощенском, Устюженском и Бабаевском районах Вологодской области и Бокситогорском районе Ленинградской области в 1990 г. Архив ИА РАН. Р-1. 1990. № 14943.

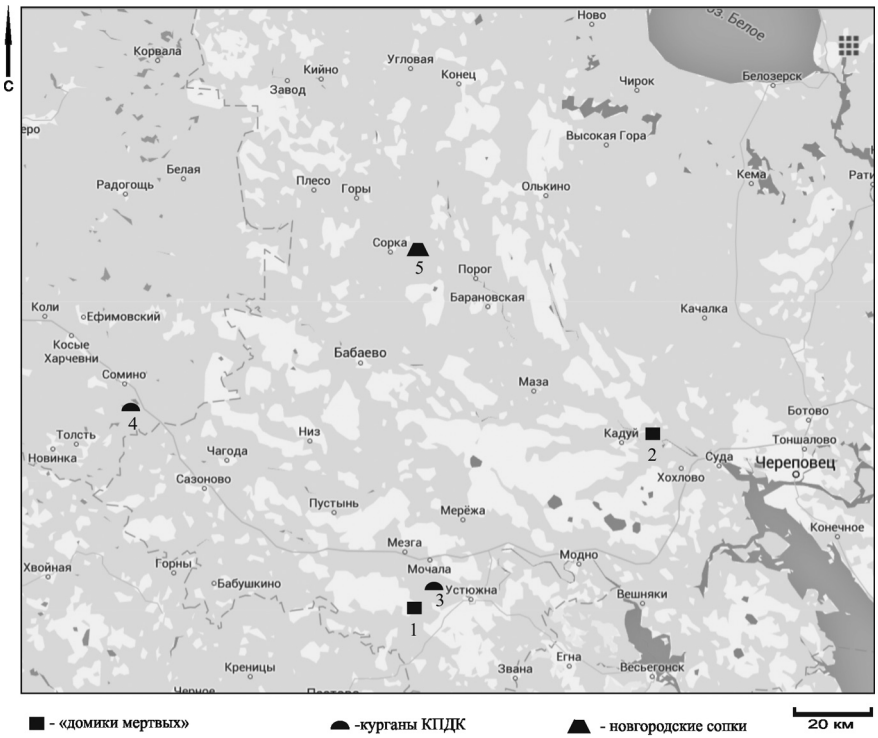


Рис. 1. Могильники Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э. с кремациями (указаны объекты, материалы которых были использованы в отработки методики): 1 – Куреваниха-XX; 2 – Пугино; 3 – Куреваниха-III; 4 – Варшавский шлюз-I; 5 – Никольское-XI

женских захоронений из могильника Никольское 11 (курган 7, погребение 1) и могильника Куреваниха 3 (курган 13, погребение 1) позволило зафиксировать следы припекания красного оплавленного стекла на лобных и теменных костях черепа (рис. 3). Фиксация припекания красного оплавленного стекла (Куреваниха 3, курган 13, погребение 1) на внешней поверхности лобных костей (ближе к открытым швам), а также на внутренней поверхности и швах теменных костей позволяет не только уточнить месторасположение элементов женского головного убора (вокруг лица до висков), но и положение самого тела в момент сожжения (тело — на спине, голова — лицом вверх, немного приподнята на затылке) (рис. 4–6). Последнее удалось зафиксировать благодаря характеру распространения стекла на внешней и внутренней поверхности черепа: в момент сожжения мягких тканей и расхождения черепных швов от воздействия высоких температур стеклянные изделия головного убора достигли состояния

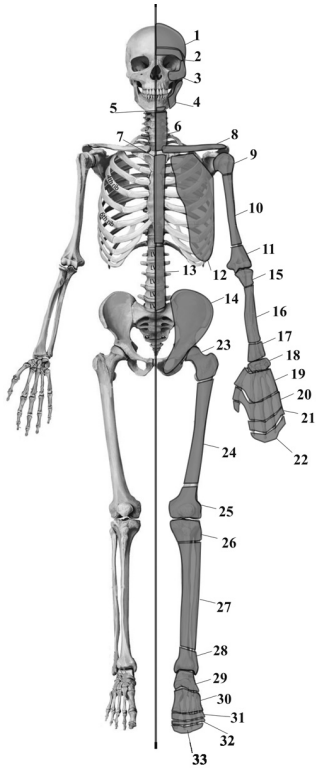


Рис. 2. Схематичное изображение частей скелета, на которых фиксировались следы припекания металла и стекла:

1 – свод черепа; 2 – верхняя часть глазницы; 3 – скуловая кость; 4 – фрагмент ветви нижней челюсти; 5 – фрагмент нижней челюсти (подбородочный выступ); 6 – шейные позвонки; 7 – грудные позвонки; 8 – ключица; 9 – верхний эпифиз плечевой кости; 10 – диафиз плечевой кости; 11 – нижний эпифиз плечевой кости; 12 – ребра и лопатки; 13 – поясничные позвонки; 14 – кости таза; 15 – верхние эпифазы костей предплечья; 16 – диафазы костей предплечья; 17 – нижние эпифазы костей предплечья; 18 – кости запястья; 19 – пястные кости; 20 – проксимальные фаланги кисти; 21 – средние фаланги кисти; 22 – дистальные фаланги кисти; 23 – верхний эпифиз бедренной кости; 24 – диафиз бедренной кости; 25 – нижний эпифиз бедренной кости; 26 – верхние эпифизы берцовых костей; 27 – диафизы берцовых костей; 28 – нижние эпифизы берцовых костей; 29 – кости предплюсны; 30 – плюсневые кости; 31 – проксимальные фаланги стопы; 32 – средние фаланги стопы; 33 – дистальные фаланги стопы

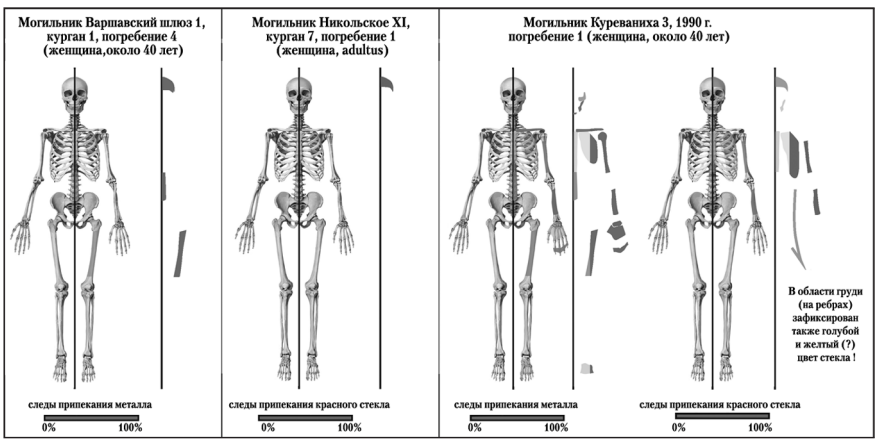


Рис. 3. Схематичное изображение частей скелета, на которых были зафиксированы следы припекания металла и стекла (интенсивность цвета определена процентным соотношением фрагментов кости со следами припекания к фрагментам без следов при анализе каждой «группы» останков (отдельной части скелета)

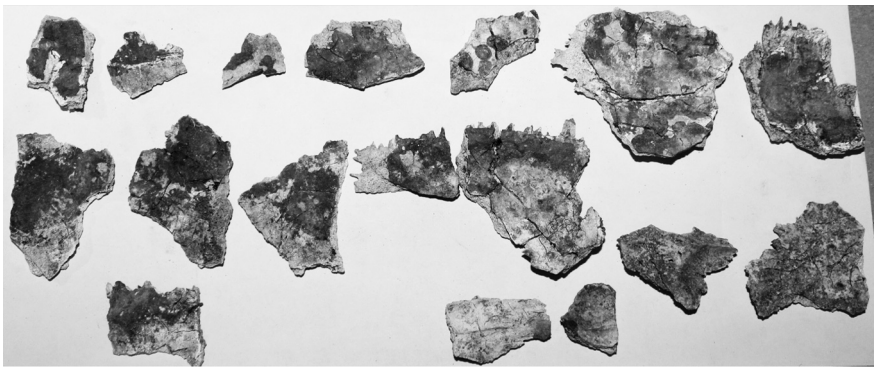


Рис. 4. Могильник Куреваниха 3, 1900 г. Погребение 1 (женщина, около 40 лет). Следы припекания красного стекла на внутренней поверхности фрагментов черепа

Рис. 5. Могильник Куреваниха 3, 1990 г. Погребение 1 (женщина, около 40 лет). Следы припекания красного стекла на внутренней поверхности теменной и внешней поверхности лобной кости черепа. Наибольшая толщина припекания оплавленного стекла – у черепного шва. В сочленении лобной и теменной кости можно проследить, как стекло, достигнув состояния вязкости, постепенно стекало с поверхности лобной кости и через открытые швы попадало на внутреннюю поверхность теменной кости черепа

Рис. 6. Могльник Куреваниха 3, 1900 г. Погребение 1 (женщина, около 40 лет). Следы припекания красного стекла на внутренней поверхности затылочной (?) кости. На фото видно, что они имеют иной характер происхождения (в отличие от рис. 4). В данном случае следы припекния возникли в результате падения капель оплавленного стекла с определенной высоты (вероятно, стекая с поверхности лобной кости)

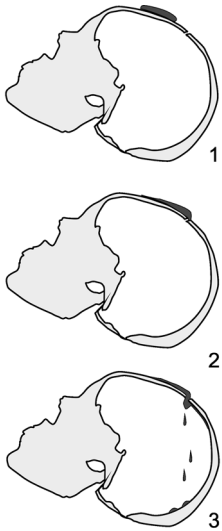


Рис. 7. Могильник Куреваниха 3, 1990 г. Погребение 1 (женщина, около 40 лет). Вариант реконструкции положения головы усопшей, а также первоначального местонахождения и последующего плавления красного стекла в момент проведения процедуры кремирования

вязкости и стекли с поверхности лобной кости через открытые швы по внутренней поверхности теменных костей, что было возможно только при определенном положении головы (рис. 7).

Еще один сюжет также связан с погребением 1 из кургана 13 могильника Куреваниха 3. При рассмотрении припеканий на поверхности скелета (рис. 3) удалось зафиксировать зоны наибольшей концентрации следов воздействия стекла и металла, не совпадающие друг с другом. Так, стекло было зафиксировано на костях свода черепа, груди. Припекание бронзы — на скуловых костях черепа и челюсти, поясничных позвонках (живот), костях запястья и средних фалангах (кисть), бедренных костях и стопах.

Применение метода к кремациям из коллективных захоронений («домиков мертвых») не показал своей эффективности ввиду невозможности полного разделения останков захороненных индивидов, а также погребальной практики неполного депонирования останков. Данные, полученные при анализе материалов могильника Пугино и Куреваниха 20, имеют «усредненные» показатели без привязки к определенному погребению, что дает искаженную картину и может быть использовано с большой осторожностью.

Вышеописанный способ реконструкции деталей погребального обряда при исследовании останков индивидуальных погребений показал свою эффективность, объективность и перспективность. Несмотря на это, подобный метод является новым и требует большого статистического материала для дальнейшей апробации.

Список литературы и архивных источников

Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. / Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3, СПб.,1995.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе // История и археология Русского Севера: сборник материалов научной конференции, посвященной 60-летия со дня рождения Н. В. Гуслистова. Вологда, 2012.
Башенькин А. Н. Отчет археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея о работах в Вологодской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1984. № 10521.
Башенькин А. Н. Отчет археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея о работах в Вологодской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1985. №.10852.
Башенькин А. Н. Отчет Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. 1986. № 11418.
Башенькин А.Н. Отчет о раскопках могильников и поселения у д. Падун Чагодощенского района и у д. КуреваниханаУстюженского района Вологодской области, а также разведках в Чагодощенском, Устюженском и Бабаевском районах Вологодской области и Бокситогорском районе Ленинградской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1990. № 14943.
Гуслистов Н. В., Никитинский И. Ф. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1980. № 8276.
Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224. М., 2010.
Широбоков И. Г., Юшкова М. А. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малм (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №2 (25).
Holck P. Cremated bones. A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials. Oslo. 1997.
Großkopf B. LeichenbrandBiologisches und kulturhistorischesQuellenmaterialzurRekonstruktionvor- und frühgeschichtlicherPopulationen und ihrerFuneralpraktiken // DISSERTATION ZurErlangung des akademischen Grades DOCTOR PHILOSOPHIAE, Leipzig, 2004.
Walker P. L., Miller K. P., Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 40. P.150
Zipp K. AnthropologischeUntersuchung der Körper- und Brandbestattungen des römischenGräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: miteinemBeitragzu den Bauchlagenbestattungen in der römischenAntike // Inaugural-Dissertation zurErlangung des Grades Doktorder Naturwissenschaften. Gießen, 2010.

А. Е. Леонтьев, А. В. Кашкин,
В. Н. Орлов, Н. Г. Самойлович
Москва

Археологические памятники у с. Филимоново на р. Саре. Результаты исследований 2015 г.

Работы 2015 г. были связаны с тем, что на отведенной для разработки карьера территории оказались известные, внесенные в реестр археологические памятники: «Курганный могильник, XI–XII вв.» и средневековое городище (по другим учетным документам селище) «Гора Святой Марии» у с. Филимоново при неясной ситуации с еще одним объектом – селищем раннего железного века. Задачей проводившихся исследований была подготовка проекта землеотвода территории объектов археологического наследия для вывода их из зоны карьерной выработки.

Указанные археологические объекты находятся в верхнем течении р. Сары, основного притока оз. Неро, на противоположном от села правом берегу. Местность представляет собой покрытый смешанным лесом край Борисоглебской возвышенности моренного происхождения с крутым овражистым склоном высотой до 40 м без четко выделенных мысов в сторону речной долины. Подножие морены выходит на пологую речную террасу, памятники тяготеют к верхней части возвышенности.

На основании летописного упоминания есть основания связывать местность с событиями 800-летней давности. В 1216 г. в ходе феодальной войны, в преддверии Липицкой битвы, Мстислав Мстиславич Удатный, тогда новгородский князь, в походе из Новгорода прошел к Волге и вниз по реке до Кснятина (устье р. Нерли Клязьминской), а затем свернул к Переславлю навстречу союзнику, ростовскому князю Константину Всеволодовичу. «Гора Святой Марии» по своему географическому положению с учетом существовавших путей сообщения и цели военного похода представляется наиболее вероятным местом той встречи князей.

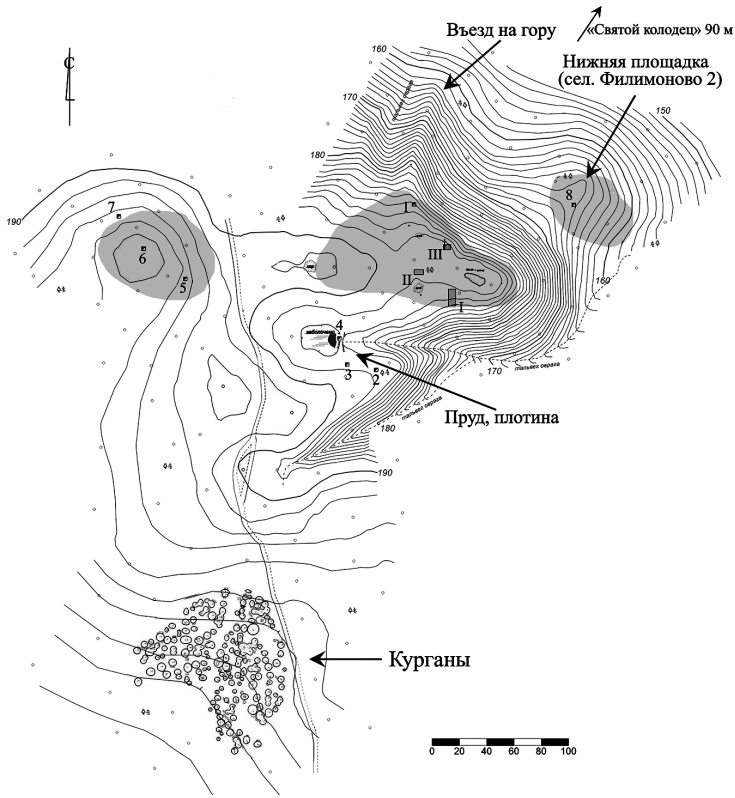


Рис. 1. План урочища «Гора Святой Марии» и курганного могильника у с. Филимоново (топографическая съемка П. Ю. Барабанова). I, II – раскопы 1991 г.; III – шурф 2010 г.; 1-8 – шурфы 2015 г. Заливкой отмечены участки культурного слоя. Сечение горизонталей 1 м

Бытующее до сих пор предание связывает «Гору...» с некогда стоявшим монастырем, сгоревшим или разрушенным. На месте упавшего с горы колокола образовался «святой источник» - существующий родник у подножия горы на кромке речной террасы[1]. Рекогносцировочные по характеру и незначительные по объему археологические исследования проводились в 1991 г. (рис. 1: *I, II*) и 2010 г. (рис. 1: *III*). Выяснилось, что площадка «Горы...» имеет очевидные следы освоенности. В раскопах и шурфах зафиксирован культурный слой XIV–XVI вв., но находки фрагментов

[1] *Киселев А. В.* Почитаемое место «Марья Святая» в окрестностях с. Филимонова Ростовского района // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов, 2004. С. 308–325.

стеклянных браслетов позволяют предполагать наличие более ранних отложений. Были также обнаружены погребения средневекового кладбища, которое по находке крупного фрагмента белокаменной могильной плиты трапециевидной формы с полосами треугольчатого орнамента по периметру и продольной оси (центральной тяги) можно датировать в пределах конца XV–XVI вв. Однако ярусность захоронений, обнаруженных в мысовой части и указывающих на длительность функционирования кладбища, допускают возможность более широкой его датировки[2]. Половозрастной состав погребенных позволяет предполагать, что кладбище принадлежало женскому монастырю[3]. Полные сведения об истории исследования памятников, подробный обзор источников и историографии содержит недавно опубликованная работа А. Л. Каретникова[4].

Работы 2015 г. позволили дополнить и уточнить имевшиеся сведения о ранее известных археологических памятниках. Впервые снятый инструментальный план дал точное представление об особенностях рельефа местности и взаиморасположения археологических объектов.

«Гора святой Марии» представляет собой ограниченный оврагами выступ правого коренного берега р. Сары высотой от реки до 40 м. Вершина мыса находится в пределах высотных отметок 185–190 м балтийской системы высот. В археологической литературе объект традиционно называется и рассматривается как городище, но по формальному признаку — отсутствию очевидных следов укреплений — скорее должен считаться селищем.

От стрелки поверхность понижается вдоль склонов и в напольную сторону. Перепад высот в площади памятника по кромке склона к СЗ составляет до 4 м, в напольную сторону к ЮЗ до 2 м. На поверхности горы заметны многочисленные грабительские ямы. Осмотр мыса подтвердил прежние данные о распространении культурного слоя вдоль берега на 100 м от стрелки мыса и на 140 м вдоль оврага на площади около 7000 кв. м (рис. 1). Возвышенный участок стрелки мыса размерами 50 х 14–22 м с юго-запада ограничен плохо заметной мелкой выемкой шириной до 4 м, выходящей на край оврага, в верховье которого за пределами распространения культурного слоя сохранились остатки пруда с плотиной.

---

[2] *Леонтьев А. Е.* «Гора Святой Марии» // Сообщения Ростовского музея. Вып. 6. Ростов, 1994. С. 218–230; *Леонтьев А. Е.* «...на реце Саре у святой Марии...». Археологические памятники народного памятного места // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 425–436; *Купцов И. В., Бобрецов И. В.,* 2014. Исторический некрополь городища Филимоново: опыт археологического и антропологического исследования // Археология: история и перспективы : Шестая межрегиональная конференция. Ярославль, 2014. С. 102–115.

[3] *Леонтьев А. Е.* «...на реце Саре у святеи Марии...»... М., 2016. С. 430.

[4] *Каретников А. Л.* Гора святой Марии в окрестностях Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXI. Ростов, 2016. С. 205–246.

Рис. 2. Разрез по поверхности в средней части въезда. Вид снизу, с СВ

При осмотре удалось выявить новый элемент исторической топографии памятника. На северном склоне находится узкий, выступающий из общей линии склона пологий выступ, спускающийся до уровня террасы. Его длина составляет 95 м, перепад высот около 30 м, угол подъема около 18° (рис. 1). В естественном состоянии поверхность такого рода выступов гребневидная, покатая в обе стороны. Здесь же она спланирована, ровная на всем протяжении с постоянной шириной 4–6 м. Указанные признаки позволяют предполагать, что мыс был искусственно приспособлен для подъема и мог использоваться как дорога (пандус) на гору со стороны речного берега. Разрез, сделанный в ее средней части, очевидных следов эксплуатации не выявил: ровная поверхность материка покрыта обычной лесной почвой (рис. 2). В пользу версии существования дороги говорят находки обломка ножа и подковного гвоздя у подножия мыса (рис. 3: *1, 2*).

В шурфе 1 поблизости от верхней оконечности пандуса (рис.1: *1*) был отмечен обычный для памятника культурный слой под слабой лесной почвой мощностью до 0,3 м. Среди находок обувной (обойный?) железный гвоздик, обломок железной пластинки и несколько фрагментов средневековой керамики (рис. 3: *3–5*).

Западная граница распространения культурного слоя отмечена в обрезе геологической разведочной выработки, находящейся в напольной части мыса в 150 м от стрелки, затронувшей мелкую материковую западину (рис.1). В ее заполнении и поблизости в выбросе найдены несколько мелких обломков обожженных камней.

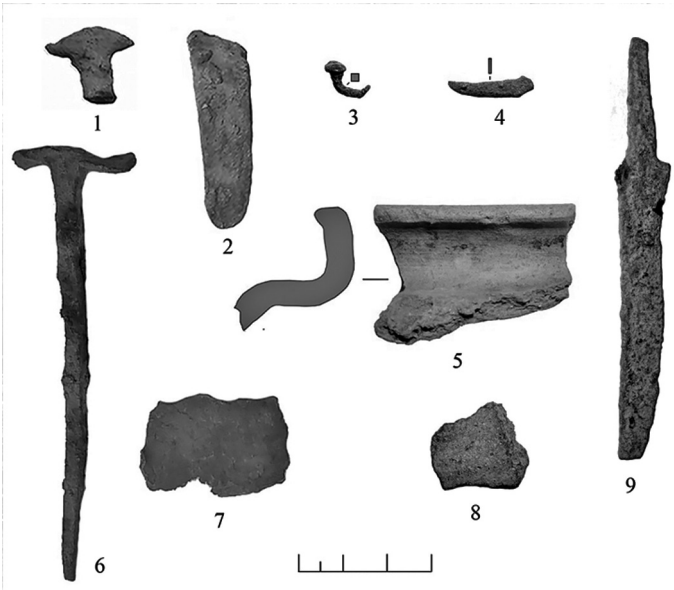


Рис. 3. Находки у подножия склона и шурфов 1–4.
1 — подковный гвоздь, 2 — железный клин, или обломок ножа, 3 — обувной (обойный?) железный гвоздик, 4 — обломок железной пластинки, 5 — фрагмент венчика сосуда, 6 — гвоздь, 7 — фрагмент медной пластинки, 8 — фрагмент стенки сосуда, 9 — нож. Местонахождение: 1, 2 – подножие въезда; 3–5 – шурф 1; 6 – шурф 2; 7 – шурф 3; 8, 9 – шурф 4 (плотина)

В 130 м от стрелки мыса за пределами распространения культурного слоя, в верховье оврага, отделяющего «Гору...» от соседнего с юга мыса, некогда был устроен пруд. В настоящее время он полностью высох. Заболоченной (благодаря ежегодной талой воде) остается его нижняя, близкая к плотине часть. Судя по современному микрорельефу, размеры пруда могли составлять 30 х 20 м. Плотина (запруда) представляет собой расплывшийся пологий вал, торцы которого сливаются с окружающей поверхностью. Высота насыпи составляет 0,5–0,6 м от уровня современной западины пруда при ширине основания 7–8 м.

Расчистка на внутреннем склоне плотины размерами 3 х 1 м (рис. 1: *4*) показала, что насыпь, уходящая основанием ниже современной поверхности пруда, сложена из глины с мелким и средним булыжником (рис. 4). Нужно отметить, что если камни для строительства было собрать нетрудно, то глину строителям пришлось в свое время доставлять специально: в условиях морены, на которой расположен памятник, к поверхности она не выходит. Учитывая, что пруд был предназначен для сбора и сохране-

ния поверхностной воды, можно предположить, что его дно также было покрыто водоупорным слоем глины.

В перекрывающем насыпь плотины слое почвы найдены железный нож, по своей форме скорее относящийся к изделиям XVI–XVIII вв., и небольшой фрагмент круговой керамики того же времени (рис. 3: *8, 9*).

Следы хозяйственного освоения территории отмечены на соседнем южном мысе за оврагом от пруда, где в двух шурфах (рис. 1: *2, 3*) в плохо выраженном сливающемся с почвой культурном слое были встречены обломки обожженных камней и найдены фрагмент медной пластинки и железный гвоздь (рис. 3: *6, 7*).

С напольной стороны «Горы...» следы деятельности зафиксированы западнее за лесной дорогой на небольшом всхолмлении, где по месту сигналов металлодетектора были заложены шурфы 5–7.

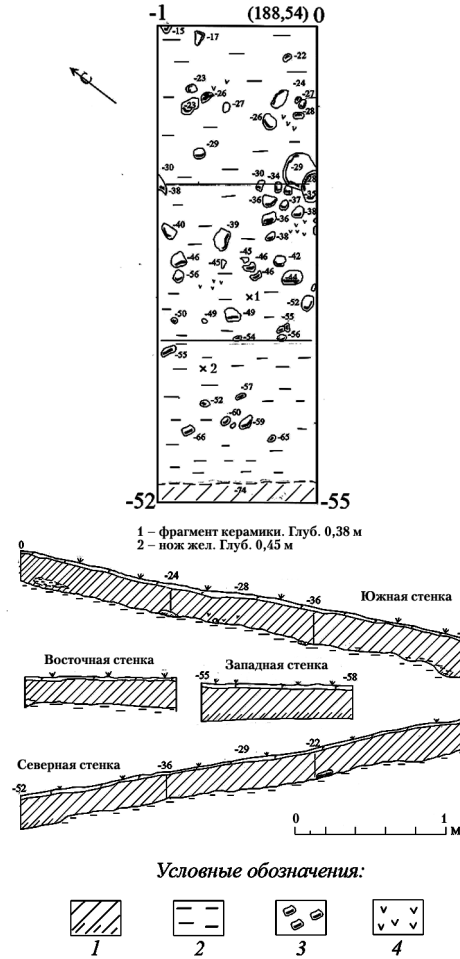


Рис. 4. Шурф 4 (плотина пруда). План и профили. Условные обозначения: 1 – серая супесь, 2 – глина, 3 – камни, 4 – угли

Шурф 5 размерами 3 х 1,5 м был заложен на восточном склоне возвышенности (рис.1: *5*). Ориентирован по сторонам света, вытянут по линии З-В. Под слабым лесным дерном обнаружен культурный слой толщиной 0,15–0,25 м, представляющий собой гумусированный песок с большим количеством плотно лежащих в два условных ряда камней, что похоже на вымостку (рис. 5). У восточной стенки отмечено небольшое скопление мелких угольков. На поверхности материка были заметны три

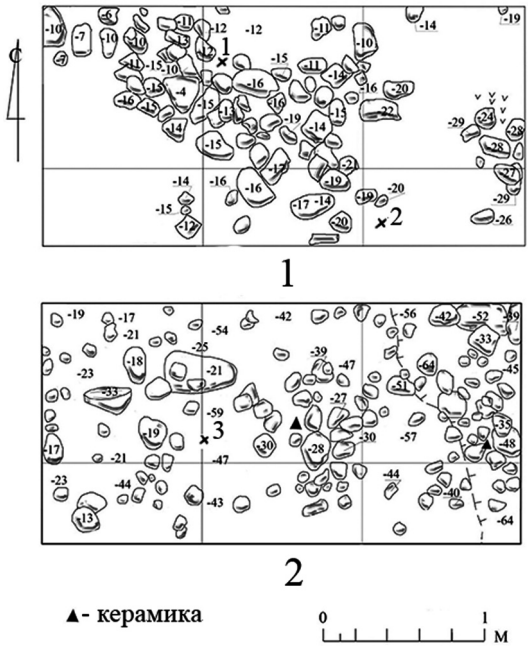


Рис. 5. Шурф 5. 1 – камни верхнего слоя, 2 – камни нижнего слоя. Места находок: 1 – пружина замка, 2 – гвоздь, 3 – корпус замка

пологие неглубокие западины. В слое встречены несколько обломков обожженных камней. Найдены два фрагмента керамики, пружина и часть корпуса цилиндрических замков, кованый гвоздь (рис. 6: *1–3*).

Шурф 6 размерами 1 х 2 м был заложен в верхней части возвышенности также по месту сигнала металлодетектора в 40 м к СЗ от шурфа 5 (рис. 1: *6*). Культурный слой не выявлен. Под почвой на глубине 0,13–0,17 м начинался моренный желтый песок с галькой. Встречены несколько осколков обгоревших камней и железный пробой(?), сделанный из согнутого в кольцо ножа (рис. 6: *6*).

Шурф 7 размерами 1 х 1 м находился на северном склоне возвышенности в 29 м к СЗ от шурфа 6 (рис. 1: *7*). Под слабой лесной почвой зафиксирован серо-коричневый песок с камнями, среди них 3 очажных со следами действия огня. В средней части шурфа на глубине 0,1 м найден двушипный наконечник стрелы раннего железного века (рис. 6: *7*). Материк появился на глубине 0,2 м.

Находки в шурфах западной стороны согласуются с хронологией культурного слоя «Горы...». Цилиндрические замки были в ходу до начала XVI в., керамика при всей невыразительности фрагментов по составу теста и качеству обжига может быть отнесена к периоду XV–XVII вв. К значительно более раннему времени относится наконечник стрелы из шурфа 7, характерный для позднего периода дьяковской культуры и датируемый рубежом эр[5].

[5] *Кренке Н. А.* Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М., 2016. С. 267. Рис. 4.

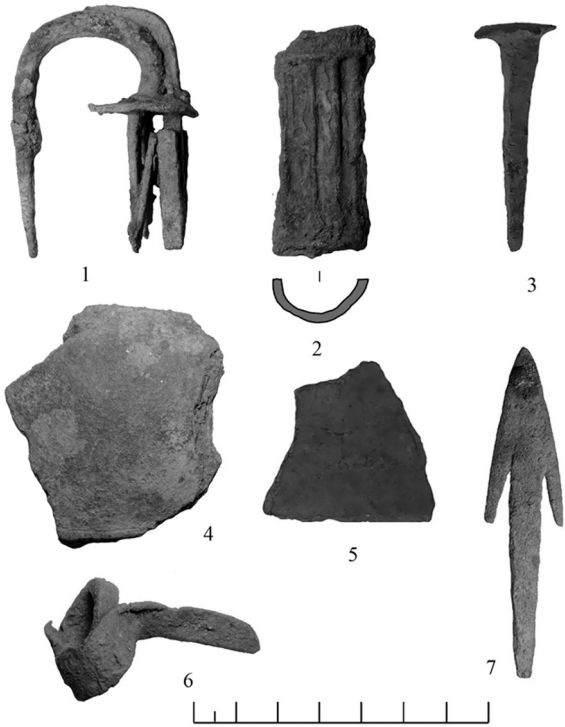


Рис. 6. Находки из 5–7 шурфов.
1 — пружина замка,
2 — корпус замка,
3 — гвоздь,
4, 5 — фрагменты стенок гончарных сосудов,
6 — пробой,
7 — наконечник стрелы.
Местонахождение:
1–5 — шурф 5;
6 — шурф 6;
7 — шурф 7

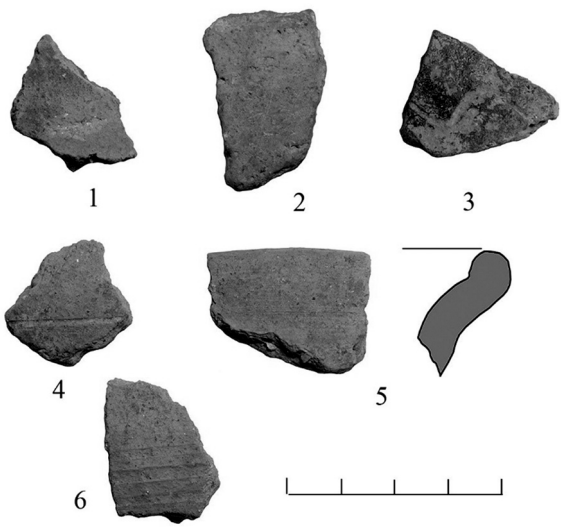


Рис. 7. Находки керамики на нижней площадке (Филимоново 2)
1–3 – шурф 8,
4–6 – подъемный материал

На склоне «Горы...» в уровне отм. 165–168 м имеется небольшая площадка размерами с относительно пологим юго-восточным склоном в сторону оврага. Ранее здесь в 2006 г. в обрезе ямы был отмечен незначительный по мощности культурный слой с керамикой «курганного времени», а позднее найден наконечник стрелы XII–XIII вв. Участок получил название «селище Филимоново 2»[6].

На площадке был заложен шурф 8 размерами 2 х 2 м, который показал наличие слабо насыщенного культурного слоя толщиной до 0,2 м. Находки представлены 3 мелкими фрагментами стенок круговых сосудов, в том числе одного с волнистым орнаментом (рис. 7: *1–3*). Культурный слой отмечен также в обнажениях грунта на восточном приовражном склоне площадки в корнях упавших деревьев. При осмотре были найдена круговая керамика (рис. 7: *4–6*), обломки обожженных камней, крошка обожженной глины (печина). Отложения занимают площадку у подножия верхней крутой части мысового склона двадцатью метрами ниже вершины. Поверхность вытянута и поката к юго-востоку в сторону оврага. Определимые при поверхностном осмотре размеры селища составляют 70 х 50 м. Найденная немногочисленная керамика по фактуре, качеству обжига, наличию линейного и волнистого орнамента позволяет датировать культурный слой XIII–XIV вв.[7], что подтверждает ранее полученные данные.

В 230 м ЮЮЗ от «Горы св. Марии» за верховьями оврага находится курганная группа, занимающая ровный участок местности с незначительным уклоном к СВ площадью около 1 га. Группа насчитывает 194 насыпи[8] (рис. 8) и является одним из крупнейших сохранившихся курганных могильников на территории Северо-Восточной Руси. Насыпи невелики по размерам, высотой менее 1 м (за единичными исключениями), у основания часто прослеживаются ровики. В плане форма округлая, иногда овальная, поперечник по основанию 2,3–6,5 м. Курганы расположены близко друг к другу и часто образуют цепочки, смыкаясь полами и ровиками. Обследование 2010 г. позволило отметить каменные обкладки основания у 3 курганов восточной части[9]. Заметны следы недавних грабительских раскопок. По наблюдению И. В. Купцова, за последние 10 лет были повреждены или уничтожены

---

[6] *Купцов И. В.* Археологические разведки на территории Ростовского района в 2006 и 2010 гг. // История и культура Ростовской земли 2010. Ростов, 2011. С. 72. Илл. 13; *Каретников А. Л.* Гора святой Марии... С. 223.

[7] *Кадиева Е. К.* Поздняя круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002–2003 гг.) // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 516–527.

[8] Без учета раскопанных в 1991 г. пяти курганов.

[9] *Купцов И. В.* Отчет о проведении полевых археологических работ в 2010–2011 гг. на территории курганной группы Филимоново и городища Филимоново («Святая Мария») в Ростовском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-I. 2013. С. 6–11. Рис. 9.

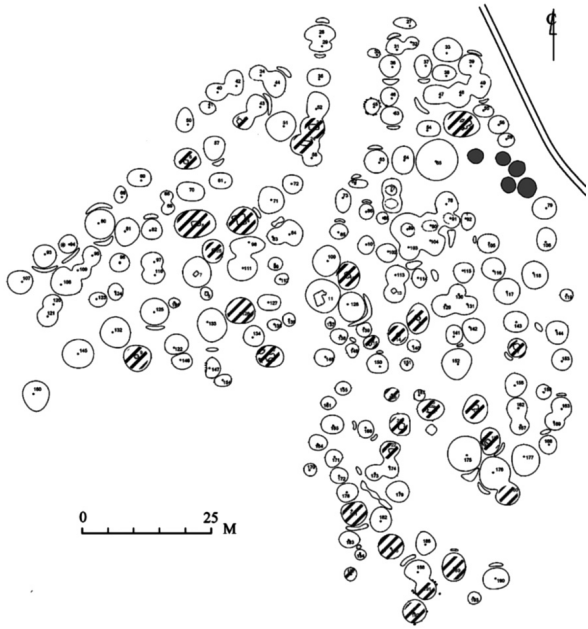


Рис. 8. План курганной группы (съемка И. В. Купцова). Заливкой отмечены курганы, раскопанные в 1991 г., штриховкой – разрушенные грабительскими раскопками

Рис. 9. Разграбленный курган с каменной обкладкой по основанию

28 насыпей, по данным А. Л. Каретникова — 32 насыпи[10]. В числе разграбленных оказались несколько курганов с камнями по периметру основания (рис. 9).

В округе Ростова мощение отдельных участков основания насыпей зафиксировано в курганной группе XIII–XIV вв. у дер. Любилки[11]. Кольцевые обкладки известны в древнерусских курганных могильниках бассейна Плещеева озера и Суздальского ополья[12].

На плане заметно, что группа разделена на две части — западную и восточную. В натуре границей служит пресекающая могильник слабо заметная пологая ложбина. Ее можно было бы посчитать следом более поздней лесной дороги, но полы ближних насыпей не задеты и вполне вероятно, что двухчастное деление территории могильника изначально.

В 1991 г. для определения хронологии и культурной специфики памятника были раскопаны 5 окраинных курганов в восточной части группы. Все они содержали трупоположения с западной ориентировкой в подкурганных ямах. В инвентаре двух женских погребений (мужские безинвентарные) присутствовали перстнеобразные височные кольца, стеклянные шаровидные и битрапецоидные бусины, зооморфные подвески, рубчатый перстень. Исследованные захоронения можно датировать концом XI–XIIвв., но учитывая многочисленность курганов и сложную структуру могильника, не исключено существование более ранних захоронений[13].

Существование курганов показывает, что освоение территории началось раньше, чем появилась церковь на «Горе...», но обнаружить синхронное могильнику поселение XI–XII вв. до сих пор не удалось. А. В. Каретников склонен выделить большое, размерами 450 х 150 м, селище XI–XIII вв. на речной террасе, занимавшее также подножие и нижнюю часть склона «Горы...», включая упомянутую выше площадку с культурным слоем. Основанием реконструкции послужили отдельные выходы культурного слоя, зафиксированные в нескольких точках указанной обширной территории. Этих наблюдений недостаточно для определения границ и датировки памятника, что признает и сам автор[14].

Третий известный археологический памятник у с. Филимоново, не имеющий отношения к средневековым древностям, расположен в 120 м севернее въезда на «Гору св. Марии» (рис. 1). Селище р.ж.в. занимает обо-

---

[10] *Каретников А. Л.* Гора святой Марии... С. 224.

[11] *Самойлович Н. Г.* Курганно-жальничный могильник в окрестностях Ростова Великого // СРМ. Вып. V. Ростов, 1993. С. 153–157.

[12] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 186–190. Карта 34.

[13] *Леонтьев А. Е.* «Гора Святой Марии» // Сообщения Ростовского музея. Вып. VI. Ростов. С. 224–230.

[14] *Каретников А. Л.* Гора св. Марии... С. 222–223.

собленное поросшее лесом всхолмление, с запада отделенное ложбиной от склона морены. Крутой восточный склон высотой 12–14 м обращен к террасе правого берега р. Сары. Возвышенная в средней части верхняя площадка имеет длину 120 м при ширине 12–25 м (рис. 10). Поверхность неровная, с западинами, покатая к склонам, заметны разновременные ямы.

В 1970 г. на памятнике был отмечен незначительный культурный слой толщиной 10 см, в шурфе найдены 2 фрагмента сетчатой керамики[15]. В 2015 г. осмотр не выявил очевидного культурного слоя, однако можно было заметить, что лесная почва при обычной незначительной толщине отличается более темным (против обычного) цветом.

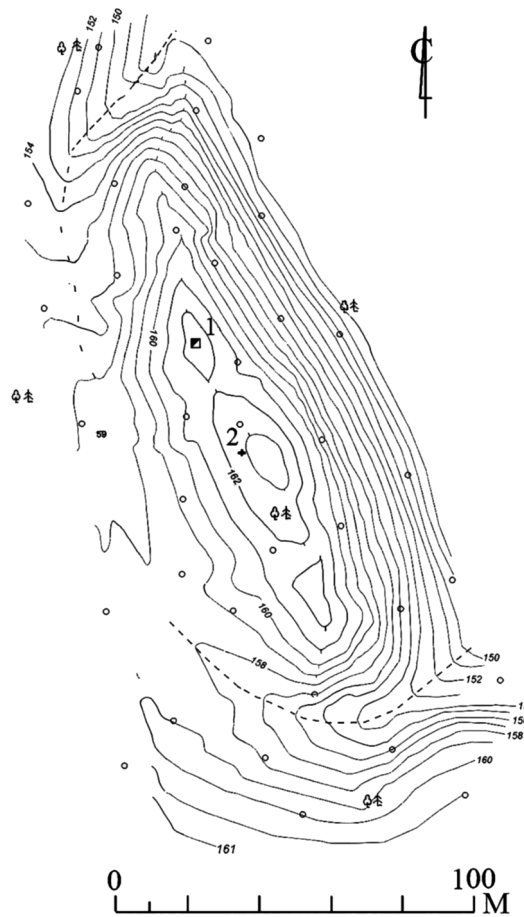


Рис. 10. План селища р.ж.в. у с. Филимоново. Цифрами обозначены: 1 – шурф, 2 – место находки булавки. Сечение горизонталей 1 м

На месте выходящего на поверхность обожженного камня, на склоне небольшой западины явно искусственного происхождения был заложен небольшой шурф размерами 0,5 х 1 м. Раскопки выявили плотную вымостку с использованием очажных камней по склону древней выемки. Нижней границей вымостка выходила на край материковой ямы (рис. 11). Не исключено, что шурф затронул край какого-то сооружения, одна-

[15] *Леонтьев А. Е.* Отчет об археологической разведке в Ростовском район Ярославской области в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-I. 1970. № 4272. С. 2, 3; Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. С. 230.

Рис. 11. Шурф на селище р.ж.в. Вымостка из камней по склону материковой ямы. Вид с юга

Рис. 12. Находки на территории селища р.ж.в. 1 – медальон с изображением Бахуса на припаянной игле. а – общий вид, б – увеличенное изображение. 2 – нож

ко судить о его характере и времени использования невозможно, поскольку находок не было.

В средней возвышенной части площадки в отвале старой ямы было найдено бронзовое украшение в виде круглого тисненого медальона с выпуклым изображением Бахуса на припаянной игле с тупым концом (булавка, часть застежки?) (рис. 12: *1*). Аналогий этой вещи найти не удалось. Относится ли предмет к периоду существования поселения, или, что более вероятно, является поделкой Нового времени, еще предстоит выяснить. Но в любом случае эта находка необычна.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа состава металла подтвердили большую вероятность второго варианта. «Изделие изготовлено из двухкомпонентной латуни (CuZn), где содержание цинка фиксируется в пределах от 5,37 до 11,42 %. Использованный для изготовления «булавки» сплав характеризуется минимальным содержанием как в количественном, так и в качественном отношении, микропримесей: в сплаве зафиксировано лишь наличие железа, свинца и серебра и олова в двух пробах с дрота «булавки». По типу сплава — двухкомпонентная латунь, сопровождающаяся минимальным набором микропримесей, анализируемая «булавка» может быть отнесена к позднему

средневековью»[16]. Однако для окончательного вывода не хватает сравнительных данных о возможном использовании латуней в античное время.

Еще одна находка, сделанная при помощи металлоискателя — железный нож, обнаруженный на поверхности в южной части площадки в слое лесной подстилки. Хорошая сохранность металла, обычная в условиях морены, не дает возможность оценить возраст находки. Нож (рис. 12: *2*) по виду является изделием деревенского кузнеца относительно недавнего прошлого. Однако по силуэту, опущенному по отношению к спинке черенку, нож похож на орудия раннего железного века.

Полученные к настоящему времени археологические данные в целом подтверждают летописное известие и бытующую легенду. Хотя основной культурный слой «Горы...» относится к XIV–XVI вв., но отложения XIII в., пусть не очень отчетливые, в этом месте существуют. Поэтому существует вероятность того, что встреча новгородского и ростовского князей в 1216 г. за 12 дней перед Липицкой битвой действительно могла состоятся на месте современного урочища. Существование церкви несомненно: есть свидетельство летописи («...у святеи Марии (Марине)...»), сохранилось средневековое кладбище. Допустимо существование монастыря, о котором говорит легенда. Расположение на высоком мысе с крутым склоном, без удобного доступа к воде на неплодородной земле не годится для обычного села, но возможно для поселений с ограниченной территорией и особыми функциями: крепости или монашеской обители.

Обследование археологических памятников и окружающей их территории на р. Саре нельзя считать оконченным. Загадочным остается летописное указание о встрече «...на городищи...», поскольку никаких очевидных следов укреплений не сохранилось. Слабо заметную на поверхности неглубокую ложбину, отделяющая мысовую часть «Горы...» можно принять за остатки рва[17], но для подтверждения этой мысли нужны специальные раскопки. Вместе с тем, находки фрагментов лепной керамики и двушипного наконечника стрелы на «Горе...» показывают, что освоение местности случилось задолго до средневековья, а известное селище р.ж.в., вероятно, не является единственным памятником своей эпохи. По-прежнему остается также неясным, где могло находиться синхронное курганам древнерусское поселение.

Очевидно, объекты следует искать на более благоприятных для заселения участках террасы ближе к реке. Поверхностный осмотр территории ощутимых результатов не принес, но причина этому очевидна. В условиях склоновой эрозии культурный слой оказывается перекрыт наносным грун-

---

[16] Авторы признательны н. с. ИА РАН И. А. Сапрыкиной за проведенный анализ и профессиональную интерпретацию результата.

[17] *Каретников А. Л.* Гора святой Марии... С. 219.

том и к поверхности не выходит. Поэтому есть вероятность, что закладка в будущем достаточно глубоких шурфов позволит выявить погребенные культурные слои времени раннего железного века и средневековья.

Список литературы и архивных источников

Археологическая карта России. Ярославская область / авт.-сост. К. И. Комаров. М., 2005. 408 с.

Кадиева Е. К. Поздняя круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002–2003 гг.) // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 516–527.

Каретников А. Л. Гора святой Марии в окрестностях Ростова Великого// Сообщения Ростовского музея. Вып. XXI. Ростов, 2016. С. 205–246.

Киселев А. В. Почитаемое место «Марья Святая» в окрестностях с. Филимонова Ростовского района // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов, 2004. С. 308–325.

Кренке Н. А. Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / отв. ред. А. М. Обломский, И. В. Исланов. М., 2016. 456 с.

Купцов И. В., Каретников А. В. Разведки в Ростовском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области // АО. 2006 г. М., 2009. С. 221, 222.

Купцов И. В. Археологические разведки на территории Ростовского района в 2006 и 2010 гг. // История и культура Ростовской земли 2010. Ростов, 2011. С. 68–79.

Купцов И. В. Отчет о проведении полевых археологических работ в 2010–2011 гг. на территории курганной группы Филимоново и городища Филимоново («Святая Мария») в Ростовском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-I. 2013.

Купцов И. В., Бобрецов И. В. Исторический некрополь городища Филимоново: опыт археологического и антропологического исследования // Археология: история и перспективы : Шестая межрегиональная конференция. Ярославль, 2014. С. 102–115.

Леонтьев А. Е. Отчет об археологической разведке в Ростовском район Ярославской области в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-I. 1970. № 4272.

Леонтьев А. Е. «Гора Святой Марии» // Сообщения Ростовского музея. Вып. 6. Ростов, 1994. С. 218–230.

Леонтьев А. Е. «...на реце Саре у святеи Марии...». Археологические памятники народного памятного места // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 425–436.

Самойлович Н. Г. Курганно-жальничный могильник в окрестностях Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. V. Ростов, 1993. С. 153–157.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. 327 с.

О. В. Орфинская

Москва

Изучение древнерусских текстильных изделий (историографический очерк)

Текстиль, как археологический объект менее массовый, чем керамика и менее эффектный, чем металл или стекло, поэтому его часто просто не замечали (и, к сожалению, порой не «замечают» и сейчас). Говоря о текстиле невозможно обойти тему костюма, хотя его реконструкции в дореволюционной России, как, впрочем, и во всей Европе, в основном опирались на письменные или изобразительные источники. Анализу письменных и изобразительных источников по истории русского костюма XI–XVII вв. посвящена книга А. Э. Жабревой[1]. Именно из этой книги получена основная информация об изданиях XIX — начала XX вв.

Одними из первых стали труды А. Н. Оленина, в которых автор, анализируя древние русские рукописи и другие известные ему памятники, вначале издал небольшую работу, посвященную образу и облику князя Святослава Игоревича[2], а в 1832 г. выпустил книгу «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени посвящения славян от времени Трояна и Русских до нашествия Татар» с отдельным приложением рисунков, вышедшим через год[3]. Каждый рисунок был снабжен описанием и указанием на источник.

---

[1] *Жабрева А. Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI—XVII веков. СПб., 2016. 480 с.

[2] *Оленин А. Н.* Облик или портрет Великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Дьяконом, по словам очевидца. СПб., 1814.

[3] *Оленин А. Н.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени посвящения славян от времени Трояна и Русских до нашествия Татар: период первый: письма к. г. Академику в должности профессора Басину, или Опыт к составлению полного курса Истории, археологии и Этнографии для питомцев Санкт-Петербургской императорской Академии Художеств. СПб., 1832; *Оленин А. Н.* Объяснение фигур к письму: о славянах от времен Трояна и русских до нашествия татар. СПб., 1833.

На основе миниатюры «Изборника» Святослава 1073 г. русская одежда XI столетия показана в книге А. В. Висковатова[4]. Несколько позже тот же источник использован для реконструкции средневековой одежды в объемном труде А. В. Терещенко[5]. В 1877 г. выходит небольшая иллюстрированная брошюра С. С. Стрикалова[6], посвященная русской исторической одежде X–XIII вв., в которой автор постарался сопоставить известные средневековые изображения предметов одежды с терминологией исторических источников, таких как Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, «Слово о полку Игореве»; «Моления Даниила Заточника», «Путешествия Ибн-Фадлана» и «История» Льва Диакона. По сути дела, эту работу можно рассматривать, как иллюстрированный толковый словарь терминов древнерусской одежды. В 1864 и в 1881 гг. издаются работы знатока древностей и замечательного рисовальщика В. А. Прохорова[7] по истории русских одежд, где сделана одна из первых попыток реконструкции древнерусского костюма на базе археологического материала. Обобщающий труд В. А. Прохорова выходит в 4-х томах, начиная с 1881 по 1885 гг.[8] Продолжили работу в данном направлении Б. Ф. Адлер[9] и А. Н. Вершинский[10]. Компиляцией ранее вышедших работ явились «Сказания о Русской земле» А. Д. Нечвалодова[11], где приведен большой иллюстративный материал по древнерусскому костюму.

С позиций истории изобразительного искусства и театра костюм рассмотрен в работах П. П. Гнедича[12] и Ф. Ф. Камиссаржевского[13]. Работа Ф. Ф. Камиссаржевского, режиссера и теоретика театра, является первой из российских трудов по всеобщей истории костюма. В работе около 3000 таблиц и рисунков. История русского костюма разделена автором на скифо-сарматский, норманнский, византийский и монгольский (татарский) периоды.

---

4 *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1: народная гражданская одежда с 862 по 1700 гг. Вооружение временных войск. Одежда и вооружение непременных войск. Музыка, знамена, знаки отличия. Наряд или артиллерия. СПб., 1841.

5 *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1847–1848. Ч. 1–7.

6 *Стрикалов С. С.* Русская историческая одежда от X до XIII в. В. 1. СПб., 1877. 26 с., 30 л. илл.

7 *Прохоров В. А.* Материалы для истории древних русских одежд // Христианские древности и археология. 1864. Кн. 1. С. 9–12; *Прохоров В. А.* Материалы по истории русских одежд. СПб., 1881.

8 *Прохоров В. А.* Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохорова. Вып. 1–4. СПб., 1881–1885.

9 *Адлер Б. Ф.* Возникновение одежды. Очерк. СПб., 1903.

10 *Вершинский А. Н.* Материалы по истории древнерусских одежд. Старица, 1913.

11 Н*ечвалодов А. Д.* Сказания о Русской земле: в 4 ч. СПб., 1913.

12 Русская одежда // *Гнедич П. П.* История искусств с древнейших времен. СПб., 1885. С. 258–264.

13 *Камиссаржевский Ф. Ф.* Костюм. СПб., 1910. Переиздание: Минск, 1998; М., 2005.

Одними из первых публикаций с упоминаем археологического текстиля являются работы Д. Тихомирова[14] и А. В. Селиванова[15], посвященные могильникам Старой Рязани. Более подробное описание текстиля, а главное его фиксация в погребениях, было сделано в работе А. С. Уварова[16], в которой рассматривается материал из курганов Владимирской и Ярославской губерний, полученный в ходе раскопок в 1851–1854 гг. Находки тканей из Гнездовского могильника упоминается в работах А. А. Спицына[17] и В. И. Сизова[18]. В 1905 г. у В. И. Сизова выходит работа «Миниатюры Кенигсбергской летописи», где представлены изображения домонгольских одежд и археологические артефакты[19]. Тканям из домонгольских кладов посвящена работа Н. Беляшевского[20]. Археологическим материалам, в небольшой части и текстилю, из Чернигова посвящена работа Д. Я. Самоквасова[21]. Краткая опись одежд и тканей из погребения Андрея Боголюбского, вскрытого в Успенском соборе во Владимире, была представлена А. В. Виноградовым[22].

В 1925 г. в Праге силами ученых из белой эмиграции был образован Семинар, названный в честь умершего незадолго перед этим русского историка искусства академика Н. П. Кондакова (1844–1925). В журнале «Seminarium Kondakovianum» печатал свои работы Н. П. Толь — историк, в сферу научных интересов которого входил и средневековый текстиль. Его заметки о китайском шелке на юге России отражают европейский подход к исследованию тканей[23]. В Праге издавался еще один журнал «Byzantinoslavica. Revue Internationale des Études Byzantines» — чешское византиноведческое периодическое издание, созданное Славянским институтом Чешской академии наук. В этом журнале публикуется небольшая статья В. Ф. Ржиги, посвященная тканям домонгольской Руси[24], где про-

---

[14] *Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844.

[15] *Селиванов А. В.* Древности с. Старой Рязани // Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле (1887 г.). Т. II. М., 1891. С. 208–213.

[16] *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. 218 с.

[17] *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 6–70.

[18] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Выпуск 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 28. 134 с.

[19] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Выпуск 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 28. 134 с.

[20] *Беляшевский Н.* Ценный клад великокняжеской эпохи (с 2-мя таблицами) // Археологическая летопись Южной России. Киев, 1903. С. 297–304.

[21] *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916.

[22] *Виноградов А. В.* История кафедрального Успенского собора во Владимире. Владимир, 1905.

[23] *Толь Н. П.* Заметки о китайском шелке на юге России // Seminarium Kondakovianum, Praga, 1927. С. 85–92.

[24] *Ржига В. Ф.* О тканях домонгольской Руси // Byzantinoslavica. T IV, V 2. Prague, 1932. С. 399–417.

водится анализ средневековых письменных источников с упоминанием тканей и решается проблема соответствия того или иного типа ткани известному по этим источникам термину.

Близкую проблему примерно в это же время решал и сотрудник Оружейной палаты Московского Кремля — В. К. Клейн[25]. Работая с тканями XV–XVII вв., он заложил научный подход к музейным тканям в постреволюционной России, что существенно повлияло и на отношение к археологическому текстилю вообще[26]. В 1920–1930-х гг. «старая гвардия» ученых, используя все передовые для того времени методы, работает над изучением исторического текстиля. В частности, Н. Л. Шабельская занимается технологиями древнерусского шитья[27], В. Н. Кононов проблемами исчезнувшей окраски тканей, а Н. П. Тихонов сохранностью тканей[28]. В 1932 г. выходит большой том под редакцией А. А. Воскресенского и Н. П. Тихонова о технологических исследованиях органических материалов из гуннских (кон. 1 в. до н. э. — нач. 1 в. н. э.) курганных погребений Ноин-Улы[29]. В работе над разделом «Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова» принимал участие и В. К. Клейн.

В 1934 г. был опубликован капитальный искусствоведческий труд «отца» науки о декоративно-прикладном искусстве России — Н. Н. Соболева. Эта работа по истории текстиля[30] остается актуальной и по сегодняшний день. Несколько позже в книге, посвященной анализу материалов из кладов древней Руси, были приведены сведения о тканях домонгольского времени из Владимирского клада 1865 г. и о тканях из гробниц Владимиро-суздальских князей[31].

---

[25] *Клейн В. К.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925.

[26] *Клейн В. К.* Опыт лабораторного исследования древних тканей // ГАИМК. Т. 1. М., 1928. С. 29–42.

[27] *Шабельская Н. Л.* Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации : Сб. Центральных Государственных Реставрационных Мастерских. Вып. 1. М., 1926. С. 113–124.

[28] *Кононов В. Н.* О регенерации исчезнувшей окраски тканей // Материалы по методологии археологической технологии. Вып. 12. Л., 1929. С. 13–16; *Кононов В. Н.* Засорение красок археологических памятников в почве // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1931. № 2. С. 10–12; *Тихонов Н. П.* Обработка древних тканей фотоанхтигическим путем // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1931. № 1. С. 17–19.

[29] *Воскресенский А. А., Тихонов Н. П.* Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Улы // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Т. XI. Вып. 7–9. Л., 1932.

[30] *Соболев Н. Н.* Очерки по истории украшения ткани. М.-Л., 1934.

[31] *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. М.-Л., 1936.

В 1940–1950 гг. активно работают с текстилем из курганных могильников Л. И. Якунина[32] и А. Л. Монгайт[33]. В послевоенный период уделяется внимание русскому костюму и его визуализации. В свет выходит книга «Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь», составителем которой является Н. Гиляровская[34]. В разделе «Практическое осуществление русского исторического костюма на сцене (автор Н. В. Воробьев) были даны схемы кроя. По сути дела, в дальнейшем системы кроя русского костюма более никто и не пересматривал. В искусствоведческих исследованиях формированию и социальной значимости костюма уделяется немалое внимание[35].

Вопросам исторического развития текстильных технологий посвящены работы М. Н. Левинсон-Нечаевой[36], И. Б. Черных[37], Б. А. Колчина[38], И. Л. Чернай[39]. В 1961 году выходит в свет книга Е. И. Лубо-Лесниченко[40], отражающая технологические характеристики древних китайских тканей. Эту книгу, наряду с более поздним, существенно расширенным изданием[41] и сегодня можно использовать для определения китайского импорта на территории Руси. Выдающимся вкладом в исследование древнего текстиля является капитальная работа по тканям средневекового Новгорода польского исследователя А. Нахлика[42], которая до сих пор является эталоном и «настольной книгой» для специалистов по текстилю. Пред-

---

[32] *Якунина Л. И.* О трех курганных тканях // Труды ГИМ. Вып. XI. М.-Л., 1940. С. 147–158; *Якунина Л. И.* Фрагменты ткани из Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XXI. М.-Л., 1946. С. 126–127; *Якунина Л. И.* Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе // КСИИМК. Вып. XXIV. М.-Л., 1949. С. 105–107.

[33] *Монгайт А. Л.* Раскопки с Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XXI. М.-Л., 1947. С. 117–125; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. 229 с.

[34] *Гиляровская Н.* Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь. М.-Л., 1945.

[35] *Алпатов М.* Социальное значение костюма. М., 1950.

[36] *Левинсон-Нечаева М. Н.* Одежда и ткани XVI–XVII вв. // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954. С. 307; *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып 33. М., 1959. С. 7–37.

[37] *Черных И. Б.* Новгородские ткани из Неревского раскопа // Вестник МГУ. 1958. № 4. С. 101–112.

[38] *Колчин Б. Д.* Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село. Археология СССР. М., 1985. С. 265–269, табл. 108–109.

[39] *Чернай И. Л.* Истоки текстильного искусства первобытного населения лесной и лесостепной зон РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 25 с.

[40] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до. н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л., 1961.

[41] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994.

[42] *Нахлик А.* Ткани Новгорода: опыт технологического анализа // Труды Новгородской археологической экспедиции: материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. С. 228–253.

шествовала и дала толчок для большого исследования А. Нахлика небольшая статья И. Б. Черных о тканях новгородского Неревского раскопа[43]. Актуальной остается и работа Л. В. Ефимовой о раннесредневековых тканях из финно-угорских могильников[44].

В 1960–1970 гг. активно работает с текстильными материалами домонгольской Руси М. А. Новицкая. Ее работы в основном посвящены текстилю с вышивкой и золотыми нитями. Особое внимание уделено художественным особенностям вышивок и технологии их изготовления[45].

Научный подход отличает публикации отдельных коллекций с описанием технологических характеристик и структуры конкретных фрагментов средневековых тканей[46].

Огромный вклад в изучение домонгольских тканей внесла М. В. Фехнер. Результатом ее многолетней работы стал ряд публикаций, вышедших в 1970–1990-х гг., посвященных шелковым тканям X–XIII вв., хранящихся в фондах Государственного исторического музея[47]. В своих работах автор дает грамотный структурный анализ, привлекая для этого специалиста — старшего научного сотрудника Института художественной промышленности Н. Т. Климову. В работе с материалами Михайловского

---

[43] *Черных И. Б.* Новгородские ткани из Неревского раскопа // Вестник МГУ. 1958. № 4. С. 101–112.

[44] *Ефимова Л. В.* Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. Вып. 107. М., 1966. С. 127–134.

[45] *Новицкая М. А.* Золотная вышивка Киевской Руси // Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines. FASC. T. XXXIII. Prague: Academia, 1972. С. 42–58; *Новицкая М. А.* Вышивки золотом с изображением фигур, найденные при раскопках в Софии Киевской // София Киевская: Материалы исследований. Киев: Будівельник. 1973. С. 62–68; *Новицька М. О.* Гаптування в Київській Русі (За матеріалами розкопок на території УРСР) // Археология. Т. XVIII. Киев: Наукова думка, 1965. С. 24–38; *Новицька М. О.* Давньоруське гаптування з фігурними зображеннями // Археология. Т. XXIV. Киев, 1970. С. 88–99.

[46] *Климова Н. Т.* Технология шелковых тканей из коллекции Государственного Исторического музея // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 228–244; *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе // Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1973. С. 54–63.

[47] *Фехнер М. В.* Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 207–227; *Фехнер М. В.* Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. М., 1972. С 198–202; *Фехнер М. В.* Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. М., 1974. С. 66–70; *Фехнер М. В.* Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. № 3. С. 131–140; *Фехнер М. В.* Испанско-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным : Тр. ГИМ. Вып. 51. М., 1980. С. 124–130; *Фехнер М. В.* К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 139–146; *Фехнер М. В.* Древнерусское золотое шитье X–XIII вв. в собрании ГИМ. Каталог. «Золотная вышивка» : Тр. ГИМ. Вып. 82. М., 1993. С. 3–21; *Фехнер М. В.* Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. № 2. С. 57–70.

клада для определения красителей по методу, разработанному Е. Ф. Федоровичем, участвовала сотрудник Всесоюзного научно- исследовательского института реставрации (ВНИИР) А. К. Елкина[48]. М. В. Фехнер, используя данные археологии, письменные источники и привлекая многочисленные аналоги, обосновала критерии определения места производства импортных тканей и золотых лент.

В 1980-х гг. вышли интересные и важные работы О. Л. Давидан с анализом тканей из курганов Юго-Восточного Приладожья, Прионежья[49] и Старой Ладоги[50]. Совместно с О. Л. Давидан исследованием текстильных материалов из раскопок Старой Ладоги занималась Е. А. Миколайчук[51].

Большой вклад в исследование текстиля и древнерусской одежды внесла М. А. Сабурова. В работе «Ткани XII — начала XIII в. из Суздаля»[52] дается полное технологическое описание конкретных находок: название, структура переплетения, плотность ткани, визуальные характеристики нитей и особенности тканей, отмечены швы, складки и даны размеры. В работе впервые сделана попытка на основе конкретных фрагментов тканей выполнить реконструкцию сарафана с лямками и складками. Материалы суздальского курганного могильника XI–XII вв. легли в основу целой серии статей[53]. Огромное внимание уделяла М. А. Сабурова древнерусскому костюму[54]. В настоящее время это направление продолжает

---

[48] *Фехнер М. В.* Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами северной Европы в X–XI вв. // Новое о прошлом нашей родины. М., 1967. С. 33–41.

[49] *Давидан О. Л.* Тани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.

[50] *Давидан О. Л.* Ткани Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 22. Л., 1981. С. 100–113.

[51] *Миколайчук Е. А.* Исследование состава тканей и войлоков по волокну из раскопок Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 22. Л., 1981. С. 114–122.

[52] *Сабурова М. А.* Ткани начала XII — начала XIII вв. из Суздаля // Культура славян и Русь. М., 1988. С. 290–296.

[53] *Сабурова М. А., Седова М. В.* Некрополь Суздаля// Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91–130; *Сабурова М. А., Елкина А. К.* Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси. М., 1991. С. 53–112.

[54] *Сабурова М. А.* Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. 1974. № 2. С. 85–97; *Сабурова М. А.* О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. М., 1975. С. 18–22; *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и ожерелки в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976. С. 226–230; *Сабурова М. А.* Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. 1976. № 3. С. 127–132; *Сабурова М. А.* Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА. Вып. 155. М.,1978. С. 32–35; *Сабурова М. А.* О времени появления одной из групп корун на Руси. (К вопросу о путях сложения русского традиционного головного убора) // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 108–113; *Сабурова М. А.* Древнерусский костюм // Древняя Русь: быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М. 1987. С. 103–111; *Сабурова М. А.* Погребальная древнерусская

развивать Ю. В. Степанова. В 2017 г. вышла в свет ее книга «Костюм древнерусского человека»[55], обобщающая многолетние исследования автора. Под ее редакцией выходят сборники «Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и Новое время», содержащие материалы международных научно-образовательных семинаров, проводимых на базе Тверского государственного университета.

Обобщающие очерки о древнерусском костюме с одинаковым названием «Одежда», были написаны А. В. Арциховским для тематических изданий, посвященных истории русской культуры[56]. Позднее под руководством М. Г. Рабиновича вышла в свет коллективная монография «Древняя одежда народов Восточной Европы», где присутствует две статьи, посвященные средневековой одежде VI–XIII вв.[57] Характеристика одежд представлена в монографии М. Б. Свердлова[58] «Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв.», вышедшая в 2003 г.

Всем названным работам катастрофически не хватает фактического археологического текстильного материала, которого просто крохи для периода домонгольской Руси. Реконструкция костюма в основном как строилась, так и строится по изобразительным и/или письменным источникам, а также на основе археологических находок преимущественно металлических деталей одежды и украшений. Однако текстиль в некоторых работах занимает должное ему место[59]. Костюму Восточно-Балтийского

одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 266–272; *Сабурова М. А.* Ткани XII — начала XIII в. из Суздаля // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 290–296; *Сабурова М. А.* Вариант реконструкции женского головного убора по материалам погребений Гочевского могильника // КСИА. Вып. 222. М., 2008. С. 209–214; *Сабурова М. А.* Находки деталей одежды в Суздальской земле и их значение для изучения истории формирования русского национального костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время : Материалы международного научно-образовательного семинара, 25–26 ноября 2011 г. М. ; СПб., 2011. С. 151–154.

[55] *Степанова Ю. В.* Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии, письменных и изобразительных источников. М., 2017. 140 с.

[56] *Арциховский А. В.* Одежда // История культуры древней Руси. М.-Л., 1948. С. 234–262; *Арциховский А. В.* Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М., 1969. С. 277–296.

[57] *Седов В. В.* Одежда восточных славян в VI—IX вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 30–39; *Рабинович М. Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 40–49.

[58] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.

[59] *Крыласова Н. Б.* История прикамского костюма. Пермь, 2001; *Крыласова Н. Б.* Костюм средневекового населения Верхнего Прикамья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 136—142; *Барынина Т. В.* Истоки декора костюма приуральских угров конца VI — начале IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма) : Тезисы доклада. Самара, 2000. С. 5—7; *Голь О. Н.* Реконструкция средневекового костюма (по материалам Красногоровского могильника на Харьковщине) // Культуры степей Евразии второй

региона, реконструкция которого выполнена на основе исследования археологического текстиля из Залахтовья, посвящена серия статей

половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма) : Тезисы доклада. Самара, 2000. С. 37–39; *Зубов С. Э.* Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара, 2000. С. 44–51; *Шутова Н. И.* Женская одежда населения бассейна Чепцы в конце I тыс. н.э. (опыт реконструкции) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000. С. 133–136; *Арсланова Ф. Х.* Языческие символы в одежде женщины первой половины XI в. // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994. С. 72–80; *Исланова И. В.* Элементы женского костюма XI–XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996. С. 60–68; *Лелеко Л. Н.* К вопросу о реконструкции женского костюма (по материалам Танкеевского могильника второй половины IX — первой половины X вв.) // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006. С. 161–163; *Патрушев В. С.* Костюм волжских финнов как этнический показатель (по данным раскопок Старшего Ахмыловского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Часть 1. Казань, Омск, 2010. С. 376–380; *Патрушев В. С.* Истоки традиционного костюма финоязычного населения; *Степанова Ю. В.* Женская традиционная культура в эпоху средневековья и Новое время. М.-СПб., 2012. С. 109–122; *Шпилев А. Г.* Этнографические параллели к костюму танцующей девушки на браслетах XII в. из ГИМ // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. М.-СПб., 2011. С. 161–165; *Никитина Т. Б.* Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы. Пермь, 2017. С. 132–141; *Никитина Г. Ф.* Систематика погребального обряда черняховской культуры. М., 1985; *Михайлов К. М.* Находки раннесредневековой одежды «восточного» типа из Старой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. Вып. 25, Великий Новгород, 2011. С. 167–177; *Михайлов К. А.* Ранние образцы древнерусского золотного шитья из Чернигова и Шестовицы // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи / від. ред. О. Б. Коваленко. Чернігів, 2007. С. 138–153; *Михайлов К. А.* Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 262–279;. *Елкина А. К.* Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 143–152; *Климов К. М.* О тканях из раскопок в Удмуртском Прикамье // Поиски, исследования, открытия / сост. и науч. ред. Т. И. Останина. Ижевск, 1984. С. 93–96; *Зоц Е. П., Зоц С. А.* Женский костюм и его детали по материалам курганного могильника Новоселки 2 // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Вып. 2. М.-СПб., 2012. С. 66–75; *Павлова Н. А.* Мордовский мужской костюм по материалам погребения 116 Пановского могильника VIII–XI вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2012. № 6. С. 327–346; *Щербакова Е. Е.* Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнездове // Российская археология. 2010. № 1. С. 87–98.

Н. В. Хвощинской[60]. Текстиль из Залахтовья исследовали и Е. С. Зубкова с Р. Раммо[61].

Работ, посвященных отдельным видам текстильных изделий домонгольской Руси кроме тканей, а также текстильным технологиям, крайне мало. Золотному шитью посвящена статья Е. Ю. Катасоновой[62], где дается обзор археологических находок с вышивкой и приводятся сведения о письменных и изобразительных источниках. Древнерусскому воротнику, шитому золотом, посвящена работа А. К. Елкиной[63]. Воротничку с вышивкой из курганов на р. Оять посвящена работа М. В. Фехнер[64]. Текстиль с золотной вышивкой нашел отражение и в работах К. А. Михайлова[65]. Один из самых древних образцов золотного шитья представлен в каталоге Новгородского музея[66]. Изделия из войлока как текстильного материала, использованного в погребальном обряде, рассмотрены в работе Т. Б. Никитиной и Н. А. Павловой[67]. К вопросу о происхождении вязания на спицах обратилась Н. Б. Крыласова[68]. Статья М. Савенковой посвящена плетеным изделиям из Новгорода[69].

Текстиль упоминается в больших работах, посвященных конкретным памятникам. Так В. П. Даркевич и Г. В. Борисевич, описывая погребения

---

[60] *Хвощинская Н. В.* Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли // КСИА. Вып. 179. М., 1984; *Хвощинская Н. В.* Об особенностях костюма населения Восточно-Балтийского региона // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 157–167; *Хвощинская Н. В.* Финны на Западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004.

[61] *Зубкова Е., Раммо Р.* Текстиль из захоронений в могильниках Залахтовье и Раатвере. Ключ к прошлому. Псков, 2014.

[62] *Катасонова Е. Ю.* Золотное шитье домонгольской Руси X–XIII вв. // Убрусъ. СПб., 2005. Вып. 4. Июль. С. 24–45.

[63] *Елкина А. К.* Воротник древнерусской одежды, шитый золотом// Батыр. Традиционная культура народов Евразии. № 1–2. 2012 (№ 4–5) М., 2012. С. 111–113.

[64] *Фехнер М. В.* Изделия золотного шитья из курганов р. Оять // *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 204–207.

[65] *Михайлов К. А.* Ранние образцы древнерусского золотного шитья из Чернигова и Шестовицы // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи / від. ред. О. Б. Коваленко. Чернігів, 2007. С. 138—153.

[66] *Игнашина Е. В.* Древнерусское лицевое и орнаментальное шитье в собрании Новгородского музея: Каталог. Великий Новгород, 2003. 128 с.

[67] *Никитина Т. Б.* Войлок в погребальном обряде Русенихинского могильника // КСИА РАН. Вып. 239. М., 2013. С. 253–256; *Павлова Н. А.* Традиции войлоковаляния и сукноделия у поволжских финнов: общий обзор // Финно-угорский мир. 2014. № 2. 2014. С. 55–61.

[68] *Крыласова Н. Б.* О первой находке фрагмента вязаного изделия в пермском Предуралье (к вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2010, Вып. 3. С. 7–11; *Крыласова Н. Б.* К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России // III Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2010. С. 260–261.

[69] *Савенкова М. М.* Плетеные изделия из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и Археология. Вып. 25. 2011. С. 110–116.

Старой Рязани, отмечают текстиль, но без его детального описания[70]. И. И Елкина посвятила две работы Звенигородскому текстильному материалу, где грамотно дается описание текстиля и его анализ[71]. Тканям X–XIII вв. из могильников Болшево и Харлапово посвящена работа А. Нахлик[72]. В публикации материалов Никитинского могильника V в. также большое место уделяется научному описанию текстиля, представленному в двух приложениях, выполненных И. И. и А. К. Елкиными[73] и О. В. Орфинской[74]. Там же приводятся реконструкции одежды на основе комплексного анализа всего археологического материала[75].

Большое внимание уделяется вопросам, связанным с определением местом производства различных видов текстильных изделий[76]. На основе работы А. К. Елкиной[77], посвященной хлопковой одежде из Средней Азии, можно достаточно уверенно предполагать поступление хлопковых тканей на территорию Руси в раннем средневековье именно из этого региона.

---

[70] *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

[71] *Елкина И. И.* Текстиль из древнерусских курганов округи Звенигорода // Звенигородская земля. История, археология, краеведение. Звенигород, 2001. С. 15–28; *Елкина И. И.* Текстиль из древнерусских погребальных памятников округи Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья : Материалы X региональной конференции. Калуга, 2003. С. 34–41.

[72] *Nahlik Adam.* Tkaniny wsi wschodnioeuropejskie X—XIII w. Lodz: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1965.

[73] *Елкина А. К., Елкина Е. И.* Исследование текстиля из Никитинского могильника (из раскопок 1977 г.) // *Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. : Труды отдела Охранных раскопок Института археологии. Т. 3. М., 2005. С. 141–146.

[74] *Орфинская О. В.* Исследование текстиля (из раскопок 1978 г.) // *Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. : Труды отдела Охранных раскопок Института археологии. Т. 3. М., 2005. С 147–157.

[75] *Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. Труды отдела Охранных раскопок Института археологии. Т. 3. М., 2005.

[76] *Бентович И. Б., Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА АН СССР. Вып. 132. М., 1972. С. 31–37; *Иерусалимская А. А.* Из жизни на шелковом пути: новые факты и размышления // Культура востока: проблемы и памятники. Краткие тезисы докладов научной конференции 21–25 января 1992 г. СПб., 1992. С. 79–86; *Майтдинова Г.* Раннесредневековые ткани Средней Азии. Душанбе, 1996; *Воскресенский Д. Л., Голиков В. П., Орфинская О. В., Пшеничнова Е. А.* Согдийские ткани VIII–IX вв. на транскавказском участке Великого Шелкового пути: проект «Города и дороги» // Гуманитарная наука в России: история, археология, культурная антропология, этнография. Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 213–219; *Гришаков В. В., Павлова Н. А.* Текстильные изделия Чулковского могильника: к вопросу о межплеменных контактах муромы // URL http://muromablog.blogspot.ru/ (дата обращений февраль 2017).

[77] *Елкина А. К., Майтдинова Г. М., Козловский В. А.* Одежда конца IV–V вв. из старого Термеза // Буддийские комплексы Кара-тепе в старом Термезе. М., 1996. С. 307–327.

С конца 1990-х гг. начинается активное изучение музейных коллекций и их научное описание с применением современных методов исследования. Так, киевские ученые вернулись к материалу, полученному в 1826 г. при работах в Десятинной церкви в г. Киеве. Новое исследование опубликовано в книге «Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення», где приводится список находок, в том числе и текстиль, с небольшим описанием. Дополнительно, в отдельной статье Л. Клочко и Н. Бреддіс[78] представили исследование описанного выше текстиля с применением электронной микроскопии. В 2000 г. вышла небольшая брошюра, где опубликован текстиль из раскопок В. В. Хвойко в 1905 г.[79] Выходят работы, посвященные новым методам исследования археологического текстиля. Например, статья о полиполяризационном методе, разработанном в ИИМК РАН, позволяющем определить породу животных и вид растительных волокон, которые использовались при изготовлении тканей, а также некоторые особенности технологии изготовления текстильных изделий[80]. Метод пока никак не зарекомендовал себя и вызывает много вопросов.

На английском языке вышла статья, посвященная результатам исследования ткани XI в. из могильника Шекшово. Работа была выполнена совместно Институтом археологии РАН и Датским центром исследования древнего текстиля (DNRF)[81]. Исследовались изотопы стронция. Эти исследования применяются в археологии для восстановления маршрутов миграции человека и животных и, следовательно, материалов из шерсти этих животных или растений. Пока это первая работа такого плана.

Развивается направление научной реконструкции исторических технологий, когда ученые не только всесторонне исследуют технологические процессы[82], но и восстанавливают их на практике[83].

---

[78] *Клочко Л., Бреддіс Н.* Дослиження текстилю // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 ліття освячення. К., 1996. С. 105–109.

[79] *Клочко Л., Строкова Л.* Текстиль з давнньоруського могильника поблизу с. Шарки з розкопок В. В. Хвойки // Вікентій В`ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від нарождения) : Тематичний збірник наукових праць. Київ, 2000. С. 99–110.

[80] *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С.* Опыт исследования тканей из могильников Ноин-Ула методом полиполяризации // Естественные науки и археология. Российский археологический ежегодник. 2012. №2. С. 603–625; *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С.* О верблюжьей и овечьей шерсти // Археологические вести. 2017. № 23. С. 259–264.

[81] *Frei K. M., Makarov N., Nosch M., Skals I., Berghe I. V., Zaytseva I.* An 11th Century 2/2 Twill from a Burial in Shekshovo in Russia // Archaeological Textile Review № 58, 2016. С. 34–43.

[82] *Фоломеев Б. А., Чернай И. К.* К вопросу о раннем ткачестве в лесной полосе Восточной Европы // История и культуры Евразии по археологическим данным : Труды ГИМ. Вып. 51. М., 1980. С. 49–53.

[83] *Савенкова М. М.* Реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде: по материалам Новгородской археологической экспедиции //

За почти столетний отрезок времени домонгольскому текстилю или древним технологиям было посвящено всего пять кандидатских диссертации, где хоть в какой-то степени рассматривался данный вопрос. Это работа М. В. Тарасова[84] на соискание ученой степени кандидата филологических наук, где совсем немного уделено внимания названиям тканей XI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук Т. И. Исаевой посвящена текстильным технологиям[85]. Текстилю посвящены две диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Это работа М. М. Савенковой, где исследуется текстиль древнего Новгорода X–XV вв.[86], и Н. Н. Цветковой о ручном ткачества[87]. Диссертация Н. А. Павловой посвящена исследованию текстиля из погребений поволжских финнов II тыс. н.э. В работе рассмотрены технологические процессы создания текстиля, хотя целью данной работы является «характеристика культурных традиций в сфере производства, распространения и использования текстильных изделий эпохи развитого средневековья — начала Нового времени»[88], информация может быть полезна и при изучении более раннего периода.

Развитие исследований, посвященных домонгольскому текстилю, происходило в общих рамках развития археологии: от эмоционально-описательного к научно-исследовательскому. Однако это развитие выражено нечетко. На фоне медленного роста научной составляющей фиксируются яркие вспышки научных изысканий. Так, текстиль, полученный в ходе работы монголо-тибетской экспедиции в 1924–1925 гг.

Археологические вести. Вып. 17. СПб., 2011. С. 169–184; *Савенкова М. М.* Ткани-рядинки (по материалам раскопок Новгорода) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 220–228; *Савенкова М. М.* Историческая реконструкция древнерусского текстиля, выработанного в технике ткачества на дощечках // Актуальные проблемы современной науки. 2012. № 5. С. 16–22; *Савенкова М. М.* Поневы из средневекового Новгорода (по материалам археологических раскопок) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 9. Ч. 1. С. 150–155. (URL: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/42.html (дата обращения 20.01.2018); *Савенкова М. М.* Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде (по материалам археологических раскопок) // Археологические вести. Вып. 21. СПб., 2015. С. 261–271; *Колтышева Н. Г., Мариев В. А.* Узорные двухкомпонентные ткани средневековой Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 15. Вып. 4. 2013. С. 156–165.

[84] *Тарасова М. В.* Западноевропейские неславянские наименования тканей в русском языке XI–XX веков : дисс. ... канд. филол. наук. Тула, 2001.

[85] *Исаева Т. И.* Архаичные и традиционные технологии в современном дизайне текстиля : дисс. ... канд. технич. наук. СПб., 2009.

[86] *Савенкова М. М.* Художественный текстиль древнего Новгорода X–XV вв. : дисс. ... канд. иск.. М., 1997.

[87] *Цветкова Н. Н.* Искусство текстиля: ручное ткачество : дисс. ... канд. иск. СПб., 2002.

[88] *Павлова Н. А.* Текстильные изделия в погребениях поволжских финнов II тысячелетия н.э.: дисс. канд. истор. наук. М., 2015.

(П. К. Козлов), был передан Институту археологических технологий при Государственной Академии истории материальной культуры. Для исследования этого материала было организовано несколько групп. Московская группа проводила классический технологический анализ: от сырья до готового продукта, а ленинградская использовала приемы товароведческого анализа: от готового продукта до сырья. В публикации 1932 г., куда вошли результаты этих работ, были заложены основные направления и методы исследования текстиля. Однако данная информация не повлияла на подход к текстилю с рядовых археологических памятников, так как они не являлись столь яркими и не могли привлечь внимание государственной системы.

Следующий всплеск произошел после выхода работы А. Нахлика в 1963 году. Уровень научного исследования, историко-культурная интерпретация полученных результатов и на сегодняшний день является недосягаемой мечтой многих археологов. Эта работа показала, что текстиль — сложнейший органический материал, который требует для своего исследования специалистов. Таких людей мало, поэтому и научных работ с грамотным описанием — мало. Если в Европе существуют специализированные центры по изучению археологических материалов, и в том числе текстиля, то у нас эти работы сконцентрированы в небольших лабораториях археологических институтов, при этом основные исследования направлены на неорганические материалы. Без знаний о древних тканях невозможно достоверно реконструировать одежду. Отделка и аксессуары из неорганических материалов, письменные или изобразительные источники дают возможность для реконструкций многовариантных систем.

В области реконструкции древнерусского костюма мало что поменялось за последние 200 лет. Более активно стали привлекать этнографию, но к древнерусскому, домонгольскому костюму эти параллели не всегда корректны и правомочны. Наши знания далеко не совершенны, это надо четко понимать и собирать по крохам реальные текстильные артефакты — в конце концов, накопленные знания и новые методы исследований позволят более реально представить все многообразие древнерусского костюма.

Большой вклад в изучение археологического текстиля внесли сотрудники Центра исследования исторических и традиционных технологий (2001—2014) Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, бессменным руководителем которого являлся Валерий Платонович Голиков (1938—2018). С первых дней работы Центра в нем активно развивалось направление научного исследование текстиля и текстильных технологий для археологического материала, полученного в ходе раскопок на определенных памятниках.

Многолетним и продуктивным было сотрудничество Центра с Институтом археологии РАН (Москва) по работе с текстилем из древнего кремля

г. Дмитрова. В рамках этого сотрудничества были проведены комплексные исследования тканей и золототканых лент из погребений некрополя. Выполнен элементный анализ металла золотных нитей и выявлены технологии его золочения. Удалось реконструировать некоторые элементы женского головного убора. Результаты проделанной работы были представлены на конференции «Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга»[89] и опубликованы как в ряде отечественных изданий[90], так и за рубежом[91]. Центр участвовал еще в одном проекте Института археологии РАН, связанном с исследованием текстильного материала из археологических раскопок в 2004–2011 гг. на территории Древнего Ярославля. К сожалению, пока остаются неопубликованными основные результаты исследований тканей, войлока и разнообразных веревок, полученных в ходе этих работ. Однако вышла книга, где представлены в научно-популярной форме некоторые выводы, сделанные в результате проведенных исследований[92]. Институтом археологии РАН был предоставлен материал из подмосковных могильников[93]. Исследования археологического материала из кургана XII в. Мякининского могильника вошли приложением в отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 г.[94] Для Института археологии РАН было проведено исследование текстиля из Никитинского могильника (Рязанская обл.)[95].

---

[89] *Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П.* Исследование тканей из средневекового могильника в г. Дмитрове // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Тез. докл. конф. М., 2002. С. 24–26.

[90] *Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П., Егоров К. А.* Исследование тканей из погребений средневекового могильника на территории кремля города Димитрова // Археологическое изучение Подмосковья: Димитров, Мытищи, Тарасовка. М., 2002. С. 296–314; *Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П.* Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2005. С. 176–196; *Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П.* Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 130–139.

[91] *Orfinskaya O., Engavatova A.* Medieval Textiles from the necropolis of Dmitrov Kremlin, Russia//Archaeological Textiles Newsletter. Volume № 48. Spring 2009. Copenhagen. 2009. P. 10–16.

[92] *Орфинская О. В.* Что носили средневековые горожане // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М., 2012. С. 68–86.

[93] *Орфинская О. В.* Текстиль из могильника Минино II // Археология северорусской деревни X–XIII веков / отв. ред. Н. А. Макаров. Москва, 2009. С. 167–174; *Орфинская О. В.* Новоселки-2. Результаты исследования текстиля XII века // Археология Подмосковья : Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012. С. 127–137.

[94] *Орфинская О. В.* Исследования археологического материала из кургана XII в. Мякининского могильника // *Энговатова А. В., Коваль В. Ю.* Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 г. Приложение. М., 2006.

[95] *Орфинская О. В.* Исследования археологического материала... С. 147–157.

Небольшая работа была посвящена золототканой ленте из музея-заповедника «Рязанский Кремль», обнаруженной в женском погребении на Глебовом городище[96]. В ней представлены результаты исследования объекта и возможный вариант реконструкции женского головного убора. Материал для исследования из средневекового клада, обнаруженного во Владимире в 2008 г., был получен от Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В кладе, кроме ювелирных украшений, были обнаружены шелковые и шерстяные ткани. На одном из фрагментов шелка сохранилось часть сотканного текста (тираз), для прочтения которого был привлечен специалист по арабскому языку Д. А. Морозов[97].

Многолетние дружеские и рабочие отношения связывают Москву и Псков. Совместно с археологом и реставратором из Пскова Е. С. Зубковой проводились исследования текстиля, полученного в разные годы в ходе раскопок камерных погребений псковского скандинавского некрополя. Результаты исследований были озвучены на 53 заседании семинара им. академика В. В. Седова в г. Пскове[98] и на XVI конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии, проходившей в г. Архангельске[99]. Большой интерес вызвали эти исследования у зарубежных коллег на Североевропейском международном симпозиуме по исследованию археологического текстиля (NESAT), проходившем в Копенгагене[100]. Отдельные аспекты изучения текстиля и реконструкции костюма из псковских погребений были опубликованы в нескольких изданиях[101]. Обобщающая статья вошла в общую публикацию[102].

---

[96] *Голиков В. П., Орфинская О. В.* Исследование золототканой ленты из погребения на Глебовом Городище. В разделе научной информации по костюмам на сайте narodko.ru / URL: http://www.narodko.ru/article/avtoref/Research-Tape-of-burial-Settlement (дата размещения статьи на сайте 2014).

[97] *Орфинская О. В.* Технологические исследования текстиля из средневекового клада, обнаруженного во Владимире в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли : Материалы научного семинара. Вып. 3. М.-СПб., 2011. С. 96–105.

[98] *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Предварительные итоги исследования текстиля из погребения № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. ак. В. В. Седова: Материалы LIII заседания. Псков. 2008. С. 56–75.

[99] *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Текстиль из камерного погребения Пскова (раскопки 2006 г.) // XVI конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции. Москва-Архангельск. 2008. С. 196–198.

[100] *Zubkova E., Orfinskaya O., Mihailov K.* Studies of the Textiles from the 2006 Excavation in Pskov // North European Symposium from Archaeological Textiles X. Ancient Textiles series Vol. 5. Oxford: Oxbow Books, 2010. P. 291–298.

[101] *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Опыт исследования и реконструкции текстиля из раскопок погребений в Пскове // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 294–309; Зубкова Е. А., Орфинская О. В. Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. // Археологические вести. ИИМК РАН. Вып. 16. СПб., 2011. С. 160–173.

[102] *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в.

Продолжается совместная работа с кафедрой археологии МГУ и отделом археологии ГИМ, начатая почти 10 лет назад, над текстильным материалом из Гнездовского археологического комплекса. Первые результаты были представлены на 57 заседании семинара им. академика В. В. Седова в г. Пскове[103]. В приложении к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой были опубликованы результаты анализа органических остатков седла из камерного погребения Ц-191[104]. Вышла публикация результатов исследования текстиля из погребения кургана 301[105].

Домонгольский текстильный материал из различных финно-угорских могильников был предоставлен для исследования археологами из Нижнего Новгорода[106] и Йошкар-Олы[107]. Результаты работы с раннесредневековым материалом из курганных погребений Приладожья увидели свет как в форме статьи[108], так и в форме монографии[109], а часть, посвященная материалу из могильника Гайгово I, но расширенная и дополненная археологическим контекстом, была опубликована в журнале «Archaeological Textiles», выходящим в Копенгагене[110].

Обобщающих работ по домонгольскому русскому костюму в полном его объеме нет, для этого пока недостаточно фактического археологического материала. Однако находки в камерных погребениях X века из Пскова и Гнездово позволили частично реконструировать три женских платья и один «сарафан». Только одно, шелковое с золотым драконом на красном фоне платье можно с почти полной уверенностью рекон-

---

Т. 2. Камерные погребения древнего Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб., 2015. С. 367–388.

[103] *Пушкина Т. А., Орфинская О. В.* Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнездове //Археология и история Пскова и Псковской земли : Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 57 заседания. М. ; Псков, 2011. С. 92–99.

[104] *Орфинская О. В.* Результаты анализа органических остатков седла из камерного погребения Ц-191 (Приложение II к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой) // Археологические вести. ИИМК. Вып. 21. СПб., 2015. С. 228–230.

[105] *Orfinskaya O., Pushkina T.* 10th century AD textiles from female burial W-301 at Gnëzdovo, Russia //Archaeological Textiles Newsletter. Volume № 53. Fall 2011. Copenhagen. 2011. P. 35–51.

[106] *Иванова Н. В., Орфинская О. В., Лантратова О. Б.* Образец ткани из Чулковского могильника VIII–X вв. // Культурный слой: Сборник научных статей. Вып. 3. Н. Новгород, 2014. С. 64–68.

[107] *Орфинская О. В., Никитина Т. Б.* Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–X вв. // Поволжская археология. № 2 (8) 2014. Казань, 2014. С. 70–92.

[108] *Кочкуркина С. И., Орфинская О. В.* Текстиль из погребений Приладожской курганной культуры (технологическое исследование) // Труды Карельского научного центра РАН. № 3. Серия Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2014. С. 9–21.

[109] *Кочкуркина С. И., Орфинская О. В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск, 2014. 140 с., ил. 66, табл. 8.

[110] *Orfinskaya O., Kochkurkina S.* Archaeological textiles of the 10th to the 12th century from the Gaigovo barrow group (Russia, Leningrad oblast) // Archaeological Textiles Review No. 58. 2016. P. 21–33.

струировать полностью. Всего пять изделий, два из которых являются явным импортом, конечно, не позволяют делать глобальные выводы, но высказать некоторые соображения по этому вопросу, вполне возможно. Так, парчовое красное платье с золотыми драконами попало в смоленское Поднепровье уже в готовом виде. Об этом свидетельствуют не только импортные шелка, но и его крой, система пошива и соединение различных тканей, выработанных в одном текстильном центре. Местом производства тканей и пошива, вероятнее всего, являлся северный Китай[111]. По всей видимости, аналогичный крой имело и второе платье, находившееся в этом же погребении, от которого сохранилась только верхняя часть.

От льняного платья X в. из погребения Ц-301 сохранились достаточно большие фрагменты, позволяющие реконструировать отрезную юбку и форму ворота, скроенного по типу поликовой рубахи[112]. В погребении из Пскова благодаря тесному контакту льняной ткани платья с фибулой сохранился небольшой фрагмент ворота. После первичной реставрации удалось реконструировать его форму и сделать однозначный вывод, что платье кроилось как поликовая рубаха. Два платья, датированные X в., обнаруженные в камерных скандинавских погребениях двух могильников, имели одну систему покроя[113]. Эта информация дает основание выдвинуть более общее предположение, что на территории Руси до появления горизонтального ткацкого станка, позволяющего ткать длинные полотна ткани, могла существовать только поликовая форма рубахи, для создания которой применялись короткие куски ткани, сотканные на вертикальном ткацком станке[114]. Не имеющая аналогов находка так называемого сарафанного комплекса из некрополя в г. Пскове позволила по-новому рассмотреть проблему появления русского сарафана[115].

---

[111] *Орфинская О. В.* Парчовое платье X в. из Гнездовского некрополя // Археологические вести / Институт истории материальной культуры РАН. Вып. 18. СПб., 2012. С. 97–108.

[112] *Орфинская О. В.* Льняное платье X века из погребения Ц-301 могильника Гнездово // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М., 2014. С. 257–264.

[113] *Орфинская О. В.* Крой женского платья Древней Руси IX—X веков // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тез. докл. Междунар. науч. конф., Москва, 6–8 дек. 2012 г. / отв. ред. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М., 2012. С. 58–59.

[114] *Орфинская О. В.* Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: Материалы международного научно-образовательного семинара 9–10 ноября 2012 г. М.-СПб., 2012. С. 76–92.

[115] *Орфинская О. В.* Русский сарафан и Скандинавия: формирование русского костюма на базе археологических данных // «Свое» и «чужое» в культуре: Материалы XI Междунар. науч. конф. (г. Петрозаводск, 22-24 июня 2017 года). Петрозаводск, 2017. С. 96–98.

В последние годы были опубликованы результаты комплексного исследования домонгольских шелковых тканей с вышивкой из коллекции Новгородского музея-заповедника[116].

Важным подспорьем в работе по выявлению импортных тканей являются исследования раннесредневековых шелков[117]. Знание самитов (сложной шелковой ткани раннего средневековья) позволило поставить вопрос о пересмотре датировки епитрахили из Новгородского музея-заповедника с XVII на XII вв.[118] Золототканая лента в этом сложном изделии аналогична, как внешне, так и по структуре и материалам ленте из Михайловского клада домонгольского времени. Нельзя совсем исключить, что для пошива епитрахили использовали две драгоценные шелковые ткани самит (крайняя точка бытования XV в.) и ленты более раннего времени.

В Центре исследования исторических и традиционных технологий Института Наследия под руководством В. П. Голикова был заложен научный подход к исследованию технологий вообще и текстильных в частности. Разработаны методики описаний и исследований[119]. К сожалению, в настоящее время Центр не существует, в Институте, в отделе археологического наследия остался только один сотрудник, работающий по данной тематике.

---

[116] *Орфинская О. В., Титова Л. А., Чуткина С. С.* Исследования домонгольской вышивки из археологических раскопок 1966–1974 годов в городе Старая Русса Новгородской области // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 127–143.

[117] *Golikov V., Orfinskaya O., Pshenitchnova E., Voskresensky D.* Experimental research of the VIII–IX century's textiles from the Tcherkessk Museum collection/Interdisciplinary Approach about Studies and Conservation of Medieval Textiles. Polermo. 1998. P. 133–140; *Аржанцева И. А., Орфинская О. В.* «Согдийский фактор» в торговле шёлком на Северном Кавказе // Культура, история и археология Евразии. / Orientalia et Classica: Тр. Института восточных культур и античности. Вып. XXII. М.: РГГУ, 2009. С. 9—31; *Орфинская О. В.* Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Орфинская О. В.* Рождение и смерть шелковой ткани самит // Stratum plus. 2017. № 5. С. 337–346.

[118] *Орфинская О. В., Рябовичева Н. Ю.* Епитрахиль из Варлаамо-Хутынского монастыря из собраний Новгородского музея-заповедника // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация: Материалы VII научно-практической конференции 27–29 сентября 2016 г. Вып. 7. Великий Новгород, 2017. С. 245–262.

[119] *Голиков В. П., Лантратова О. Б.* Методы анализа погребального инвентаря и результаты комплексного исследования материалов из погребений некрополя Вознесенского монастыря // Некрополь русских княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4-х томах. Т. 1 История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009. С. 275–280.

Список литературы

Адлер Б. Ф. Возникновение одежды. Очерк. СПб., 1903.
Алпатов М. Социальное значение костюма. М., 1950.
Аржанцева И. А., Орфинская О. В. «Согдийский фактор» в торговле шелком на Северном Кавказе // Культура, история и археология Евразии: Orientalia et Classica: Тр. Института восточных культур и античности. Вып. XXII // М.: РГГУ, 2009. С. 9–31.
Арсланова Ф. Х. Языческие символы в одежде женщины первой половины XI в. // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып.1. Иваново, 1994. С. 72–80.
Арциховский А. В. Одежда // История культуры древней Руси. М.-Л., 1948. С. 234–262.
Арциховский А. В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М., 1969. С. 277–296.
Барынина Т. В. Истоки декора костюма приуральских угров конца VI — начале IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): Тезисы доклада. Самара, 2000. С. 5–7.
Беляшевский Н. Ценный клад великокняжеской эпохи (с 2-мя таблицами) // Археологическая летопись Южной России. Киев, 1903. С. 297–304.
Бентович И. Б., Гаврилова А. А. Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА АН СССР. Вып. 132. М., 1972. С. 31–37.
Вершинский А. Н. Материалы по истории древнерусских одежд. Старица, 1913.
Виноградов А. В. История кафедрального Успенского собора во Владимире. Владимир, 1905.
Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1: народная гражданская одежда с 862 по 1700. Вооружение временных войск. Одежда и вооружение непременных войск. Музыка, знамена, знаки отличия. Наряд или артиллерия. СПб., 1841.
Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела охранных раскопок Института Археологии РАН. Том 3. М.: ИА РАН, 2005.
Воскресенский А. А., Тихонов Н. П. Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-Улы. Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Т. XI. Вып. 7–9, 1932.
Воскресенский Д. Л., Голиков В. П., Орфинская О. В., Пшеничнова Е. А. Согдийские ткани VIII–IX вв. на транскавказском участке Великого Шелкового пути: проект «Города и дороги» // Гуманитарная наука в России: история, археология, культурная антропология, этнография. Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 213–219.
Гиляровская Н. Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь. М.-Л., 1945.
Русская одежда // *Гнедич П.П.* История искусств с древнейших времен. СПб, 1885. С. 258–264.
Голиков В. П., Орфинская О. В. Исследование золототканой ленты из погребения на Глебовом Городище. В разделе научной информации по костюмам на сайте

narodko.ru / URL: http://www.narodko.ru/article/avtoref/Research-Tape-of-burial-Settlement (дата размещения статьи на сайте 2014).
Голиков В. П., Лантратова О. Б. Методы анализа погребального инвентаря и результаты комплексного исследования материалов из погребений некрополя Вознесенского монастыря // Некрополь русских княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4-х томах / ред.-сост. Т. Д. Панова. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009. С. 275–280.
Голь О. Н. Реконструкция средневекового костюма (по материалам Красногоровского могильника на Харьковщине) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Тезисы доклада. Самара, 2000. С. 37–39.
Гопкало О. В. Женский костюм Черняховской культуры // Женская традиционная культура в эпоху средневековья и Новое время. М.-СПб., 2012. С. 7–26.
Гришаков В. В. Павлова Н. А. Текстильные изделия Чулковского могильника: к вопросу о межплеменных контактах муромы // URL http://muromablog.blogspot.ru/ (дата обращений февраль 2017).
Гущин А.С. Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. М.-Л., 1936.
Давидан О. Л. Тани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.
Давидан О. Л. Ткани Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 22. Л., 1981. С. 100–113.
Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
Елкина А. К. Воротник древнерусской одежды, шитый золотом // Батыр. Традиционная культура народов Евразии. № 1-2. 2012 (№ 4–5) М.: Издательский дом Марджани, 2012. С. 111–113
Елкина А.К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования подревней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 143–152.
Елкина А. К., Майтдинова Г. М., Козловский В. А. Одежда конца IV–V вв. из старого Термеза // Буддийские комплексы Кара-тепе в старом Термезе. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 307–327.
Елкина А. К., Елкина Е. И. Исследование текстиля из Никитинского могильника (из раскопок 1977 г.) // *Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. : Труды отдела Охранных раскопок Института археологии Российской Академии наук (далее — ИА РАН). М., 2005. Т. 3. С. 141–146.
Елкина И. И. Текстиль из древнерусских курганов округи Звенигорода // Звенигородская земля. История, археология, краеведение. Звенигород, 2001. С. 15–28.
Елкина И. И. Текстиль из древнерусских погребальных памятников округи Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X региональной конференции. Калуга, 2003. С. 34–41.
Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. // КСИА. Вып. 107. М., 1966. С. 127–134.

Жабрева А. Э. Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2016. 480 с.
Зоц Е. П., Зоц С. А. Женский костюм и его детали по материалам курганного могильника Новоселки 2 // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Вып. 2. М.-СПб, 2012. С. 66–75.
Зубкова Е., Раммо Р. Текстиль из захоронений в могильниках Залахтовье и Раатвере. Ключ к прошлому. Псков: «Стерх», 2014.
Зубкова Е. А., Орфинская О. В. Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. // Археологические вести. ИИМК РАН. Вып. 16. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. С. 160–173.
Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Опыт исследования и реконструкции текстиля из раскопок погребений в Пскове // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. С. 294–309.
Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Предварительные итоги исследования текстиля из погребения № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. ак. В. В. Седова: Материалы LIII заседания. Псков. 2008. С. 56–75.
Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Текстиль из камерного погребения Пскова (раскопки 2006 г.) // XVI конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции. Москва-Архангельск. 2008. С. 196–198.
Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в. Т. 2. Камерные погребения древнего Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 367–388.
Зубов С. Э. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара, 2000. С. 44–51.
Иванова Н. В., Орфинская О. В., Лантратова О. Б. Образец ткани из Чулковского могильника VIII–X вв. // Культурный слой: Сборник научных статей. Вып 3. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014. С. 64–68.
Игнашина Е. В. Древнерусское лицевое и орнаментальное шитье в собрании Новгородского музея: Каталог. Великий Новгород: «Моби Дик», 2003. 128 с.
Иерусалимская А. А. Из жизни на шелковом пути: новые факты и размышления // Культура востока: проблемы и памятники: Краткие тезисы докладов научной конференции 21–25 января 1992 г. СПб., 1992. С. 79–86.
Исаева Т. И. Архаичные и традиционные технологии в современном дизайне текстиля: дис. ... канд. техн. наук. СПб., 2009.
Исланова И. В. Элементы женского костюма XI—XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996. С. 60–68.
Камиссаржевский Ф. Ф. Костюм. СПб., 1910. Переиздание: Минск, 1998; М., 2005.
Катасонова Е. Ю. Золотное шитье домонгольской Руси X–XIII вв. // Убрусъ. СПб.: Золотошвейная мастерская «Убрус». Вып. 4. Июль. 2005. С. 24–45.
Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925.

Клейн В. К. Опыт лабораторного исследования древних тканей // ГАИМК. Т. 1. М., 1928. С. 29–42.
Климов К. М. О тканях из раскопок в Удмуртском Прикамье // Поиски, исследования, открытия / сост. и науч. ред. Т. И. Останина. Ижевск, 1984. С. 93–96.
Климова Н. Т. Технология шелковых тканей из коллекции Государственного Исторического музея // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 228–244.
Клочко Л., Бреддіс Н. Дослиження текстилю // Церква Богородиці Десятинна в Киеві. До 1000 ліття освячення» / К.: «АртЕк», 1996. С. 105–109.
Клочко Л., Строкова Л. Текстиль з давнньоруського могильника поблизу с. Шарки з розкопок В.В. Хвойки // Вікентій В`ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від нарождения): Тематичний збірник наукових праць. Київ, 2000. С. 99–110.
Колтышева Н. Г., Мариев В. А. Узорные двухкомпонентные ткани средневековой Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 15. Вып. 4. 2013. С. 156–165.
Колчин Б. Д. Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село. Археология СССР. М., 1985. С. 265–269; табл. 108–109.
Кононов В. Н. Засорение красок археологических памятников в почве // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1931. № 2. С. 10–12.
Кононов В. Н. О регенерации исчезнувшей окраски тканей // Материалы по методологии археологической технологии. Вып. 12. Л., 1929. С. 13–16.
Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с., ил. 66, табл. 8.
Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Текстиль из погребений Приладожской курганной культуры (технологическое исследование) // Труды Карельского научного центра РАН. No 3. Серия Гуманитарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. С. 9–21.
Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Пермь, 2001.
Крыласова Н. Б. К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России // III Северный археологический конгресс: тез. докл. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Изд. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. С. 260–261.
Крыласова Н. Б. Костюм средневекового населения Верхнего Прикамья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 136–142.
Крыласова Н. Б. О первой находке фрагмента вязаного изделия в пермском Предуралье (к вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2010. Вып. 3. С. 7–11.
Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С. Опыт исследования тканей из могильников Ноин-Ула методом полиполяризации // Естественные науки и археология. Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 603–625.
Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С. О верблюжьей и овечьей шерсти // Археологические вести. 2017. № 23. С. 259–264.

Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 7–37.
Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII вв. // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954.
Лелеко Л. Н. К вопросу о реконструкции женского костюма (по материалам Танкеевского могильника второй половины IX-первой половины X вв.) // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006.
Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.: ГЭ, 1961.
Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М.: Восточная литература, 1994.
Майтдинова Г. Раннесредневековые ткани Средней Азии. Душанбе. 1996.
Миколайчук Е. А. Исследование состава тканей и войлоков по волокну из раскопок Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 22. Л., 1981. С. 114–122.
Михайлов К. А. Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 262–279.
Михайлов К. А. Ранние образцы древнерусского золотного шитья из Чернигова и Шестовицы // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи / від. ред. О.Б. Коваленко. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 138–153.
Михайлов К. М. Находки раннесредневековой одежды «восточного» типа из Старой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 167–177.
Монгайт А. Л. Раскопки с Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XXI. М.-Л., 1947. С. 117–125.
Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. № 49. М., 1955. 229 с.
Нахлик А. Ткани Новгорода: опыт технологического анализа // Труды Новгородской археологической экспедиции: материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. С. 228–253.
Нечвалодов А. Д. Сказания о Русской земле: в 4 ч. СПб, 1913.
Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда черняховской культуры. М., 1985.
Никитина Т. Б. Войлок в погребальном обряде Русенихинского могильника // КСИА РАН. Вып. 239. М., 2013. С. 253–256.
Никитина Т. Б. Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы. Пермь, 2017. С. 132–141.
Новицкая М. А. Золотная вышивка Киевской Руси // Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines. FASC. T. XXXIII. Prague: Academia, 1972. С. 42–58.
Новицкая М. А. Вышивки золотом с изображением фигур, найденные при раскопках в Софии Киевской // София Киевская: Материалы исследований. Киев: Будівельник. 1973. С. 62–68.
Новицька М. О. Гаптування в Київській Русі (За матеріалами розкопок на території УРСР) // Археология. Т. XVIII. Киев: Наукова думка, 1965. С. 24–38.

Новицька М. О. Давньоруське гаптування з фігурними зображеннями // Археология. Т. XXIV. Киев: Наукова думка, 1970. С. 88–99.
Оленин А. Н. Облик или портрет Великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Дьяконом, по словам очевидца. СПб., 1814.
Оленин А.Н. Объяснение фигур к письму: о славянах от времен Трояна и русских до нашествия татар. СПб., 1833.
Оленин А. Н. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени посвящения славян от времени Трояна и Русских до нашествия Татар: период первый: письма к. г. Академику в должности профессора Басину, или Опыт к составлению полного курса Истории, археологии и Этнографии для питомцев Санкт-Петербургской императорской Академии Художеств. СПб., 1832.
Орфинская О. В. Результаты анализа органических остатков седла из камерного погребения Ц-191 (Приложение II к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой) // Археологические вести. ИИМК, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 21. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2015. С. 228–230.
Орфинская О. В. Рождение и смерть шелковой ткани самит // Stratum plus. 2017. № 5. С. 337—346.
Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П., Егоров К. А. Исследование тканей из погребений средневекового могильника на территории кремля города Димитрова // Археологическое изучение Подмосковья: Димитров, Мытищи, Тарасовка. М., 2002. С. 296–314.
Орфинская О. В. Исследование текстиля (из раскопок 1978 г.) // *Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела Охранных раскопок Института археологии. Том 3. Приложение 4. М.: ИА РАН, 2005. С 147–157.
Орфинская О. В. Исследования археологического материала из кургана XII в. Мякининского могильника // *Энговатова А. В., Коваль В. Ю.* Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 г. Приложение. М., 2006.
Орфинская О. В. Крой женского платья Древней Руси IX—X веков // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: Тез. докл. междунар. науч. конф., Москва, 6-8 дек. 2012 г. / отв. ред. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М., 2012. С. 58–59.
Орфинская О. В. Льняное платье X века из погребения Ц-301 могильника Гнездово//Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М., 2014. С. 257–264.
Орфинская О. В. Методы исследования тканей и реконструкция одежды // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: в 4 т. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронении. М., 2009. С. 195–213.
Орфинская О. В. Новоселки-2. Результаты исследования текстиля XII века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 127—137.
Орфинская О. В. Опыт исследования и реконструкций изделий из археологического текстиля // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов. Часть 1. Казань, Омск, 2010. С. 369–372.

Орфинская О. В. Парчовое платье X в. из Гнездовского некрополя // Археологические вести: Институт истории материальной культуры РАН. Вып. 18. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 97–108.
Орфинская О. В. Проблемы реконструкции одежды на основе результатов исследования археологического текстиля // Поволжская археология. № 3 (13). Казань: «Фэн» АНРТ, 2015 С. 17–30.
Орфинская О. В. Русский сарафан и Скандинавия: формирование русского костюма на базе археологических данных // «Свое» и «чужое» в культуре. Материалы XI Международной научной конференции (г. Петрозаводск, 22–24 июня 2017 года). Петрозаводск, 2017. С. 96–98.
Орфинская О. В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
Орфинская О. В. Текстиль из могильника Минино II // Археология северорусской деревни X–XIII веков. М., 2009. С. 167–174.
Орфинская О. В. Технологические исследования текстиля из средневекового клада, обнаруженного во Владимире в 2008 г. // Археология Владимира-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.-СПб., 2011. С 96–105.
Орфинская О. В. Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: Материалы международного научно-образовательного семинара 9–10 ноября 2012 г. М.-СПб., 2012д. С. 76–92.
Орфинская О. В. Что носили средневековые горожане // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. С. 68–86.
Орфинская О. В., Никитина Т. Б. Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–X вв. // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 70–92.
Орфинская О. В., Рябовичева Н. Ю. Епитрахиль из Варлаамо-Хутынского монастыря из собраний Новгородского музея-заповедника // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация: Материалы VII научно-практической конференции 27-29 сентября 2016 г. Вып. 7. Великий Новгород, 2017. С. 245–262.
Орфинская О. В., Титова Л. А., Чуткина С. С. Исследования домонгольской вышивки из археологических раскопок 1966—1974 годов в городе Старая Русса Новгородской области // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 127–143.
Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П. Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 130–139.
Павлова Н. А. Мордовский мужской костюм по материалам погребения 116 Пановского могильника VIII—XI вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2012. № 6. С. 327–346.
Павлова Н. А. Текстильные изделия в погребениях поволжских финнов II тысячелетия н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
Павлова Н. А. Традиции войлоковаляния и сукноделия у поволжских финнов: общий обзор // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 55–61.

Патрушев В. С. Истоки традиционного костюма финоязычного населения // Женская традиционная культура в эпоху средневековья и Новое время. М.-СПб., 2012. С. 109—122.
Патрушев В. С. Костюм волжских финнов как этнический показатель (по данным раскопок Старшего Ахмыловского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов. Часть 1. Казань, Омск, 2010. С. 376–380.
Прохоров В. А. Материалы для истории древних русских одежд // Христианские древности и археология. 1864. Кн. 1. С. 9–12.
Прохоров В. А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохорова. СПб., 1881–1885.
Прохоров В. А. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1881.
Пушкина Т. А., Орфинская О. В. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнездове //Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 57 заседания. М.-Псков, 2011. С. 92–99.
Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 40–49.
Ржига В. Ф. О тканях до-монгольской Руси // Byzantinoslavica. T IV. V 2. Prague, 1932. С. 399–417.
Сабурова М. А. Находки деталей одежды в Суздальской земле и их значение для изучения истории формирования русского национального костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время: Материалы международного научно-образовательного семинара, 25–26 ноября 2011 г. М. ; СПб., 2011. С. 151–154.
Сабурова М. А. Вариант реконструкции женского головного убора по материалам погребений Гочевского могильника // КСИА. Вып. 222. М., 2008. С. 209–214.
Сабурова М. А. Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА. Вып. 155. М., 1978. С. 32–35.
Сабурова М. А. Древнерусский костюм // Древняя Русь: быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М., 1987. С. 103–111.
Сабурова М. А. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. 1974. № 2. С. 85–97.
Сабурова М. А. О времени появления одной из групп корун на Руси (к вопросу о путях сложения русского традиционного головного убора) // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 108–113.
Сабурова М. А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. М., 1975. С. 18–22.
Сабурова М. А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 266–272.
Сабурова М. А. Стоячие воротники и ожерелки в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976а. С. 226–230.
Сабурова М. А. Ткани XII — начала XIII в. из Суздаля// Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 290–296.

Сабурова М. А. Ткани начала XII — начала XIII вв. из Суздаля // Культура славян и Русь. М., 1988. С. 290–296.
Сабурова М. А. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. 1976. № 3. 1976. С. 127–132.
Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси. М., 1991. С. 53–112.
Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь Суздаля// Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С. 91–130.
Савенкова М. М. Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде (по материалам археологических раскопок) // Археологические вести. Вып. 21. СПб., 2015. С. 261–271.
Савенкова М. М. Реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде: по материалам Новгородской археологической экспедиции // Археологические вести. Вып. 17. СПб., 2011. С. 169–184.
Савенкова М. М. Ткани-рядинки (по материалам раскопок Новгорода) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 220–228.
Савенкова М. М. Историческая реконструкция древнерусского текстиля, выработанного в технике ткачества на дощечках // Актуальные проблемы современной науки. 2012. № 5. С. 16–22.
Савенкова М. М. Плетеные изделия из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и Археология. 2011. Вып. 25. С. 110–116.
Савенкова М. М. Поневы из средневекового Новгорода (по материалам археологических раскопок) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9. Ч. 1. С. 150–155. (URL: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/42.html (дата обращения 20.01.2018).
Савенкова М. М. Художественный текстиль древнего Новгорода X–XV вв.: дис. .. канд. искусств. М., 1997.
Самоквасов Д. Я. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916.
Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.
Седов В..В. Одежда восточных славян в VI–IX вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 30–39.
Селиванов А. В. Древности с. Старой Рязани // Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле (1887 г.). Т. II. М., 1891. С. 208–213.
Сизов В. И. «Миниатюры Кенигсбергской летописи: археологические этюды // Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 1. С. 1–50.
Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Выпуск 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. Материалы по археологии России. СПб. 1902. № 28. 134 с.
Соболев Н. Н. Очерки по истории украшения ткани. М. ; Л., 1934.
Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 6–70.
Степанова Ю. В. Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии, письменных и изобразительных источников. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. 140 с.

Стрикалов С. С. Русская историческая одежда от X до XIII в. В. 1. Спб., 1877. 26 с., 30 л. илл.
Тарасова М. В. Западноевропейские неславянские наименования тканей в русском языке XI–XX веков: дисс. ... канд. филол. наук. Тула, 2001.
Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1847–1848. Ч. 1–7.
Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844.
Тихонов Н. П. Обработка древних тканей фотоанхтигическим путем // Известия ГАИМК. № 1. Л., 1931. С. 17–19.
Толь Н. П. Заметки о китайском шелке на юге России // Seminarium Kondakovianum, Praga, 1927. С. 85–92.
Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. 218 с.
Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XШ вв. в собрании ГИМ. Каталог. «Золотная вышивка» //Тр. ГИМ. Вып. 82. М., 1993. С. 3–21.
Фехнер М. В. Изделия золотного шитья из курганов р. Оять // *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 204–207.
Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. № 3. М., 1977. С. 131–140.
Фехнер М. В. Испанско-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. Вып. 51. М., 1980. С. 124–130.
Фехнер М. В. К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 139–146.
Фехнер М. В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами северной Европы в X-XI вв. // Новое о прошлом нашей родины. М., 1967. С. 33–41.
Фехнер М. В. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. М., 1974. С. 66–70.
Фехнер М. В. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. М., 1972. С. 198–202.
Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. № 2. С. 57–70.
Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 207–227.
Фоломеев Б. А., Чернай И. Л. К вопросу о раннем ткачестве в лесной полосе Восточной Европы // История и культуры Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. Вып. 51. М., 1980. С. 49–53
Хвощинская Н. В. Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли // КСИА. Вып. 179. М., 1984.
Хвощинская Н. В. Об особенностях костюма населения Восточно-Балтийского региона // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 157–167.
Хвощинская Н. В. Финны на Западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004.
Чернай И. Л. Истоки текстильного искусства первобытного населения лесной и лесостепной зон РСФСР: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 25 с.
Черных И. Б. Новгородские ткани из Неревского раскопа // Вестник МГУ. № 4. 1958. С. 101–112.

Шабельская Н. Л. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации: Сб. Центральных Государственных Реставрационных Мастерских. Вып. 1. М.: ЦГРМ, 1926. С. 113–124.
Шеляпина Н. С. Археологические исследования в Успенском соборе // Материалы и исследования. Вып. 1. М.: Искусство, 1973. С. 54–63.
Шпилев А. Г. Этнографические параллели к костюму танцующей девушки на браслетах XII в. из ГИМ // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. М., СПб., 2011. С. 161–165.
Шутова Н. И. Женская одежда населения бассейна Чепцы в конце I тыс. н. э. (опыт реконструкции) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000. С. 133–136.
Щербакова Е. Е. Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнездове // Российская археология. 2010. № 1. С. 87–98.
Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга/ отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2005. С. 176–196.
Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. Исследование тканей из средневекового могильника в г. Дмитрове // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Тез. докл. конф. М., 2002. С. 24–26.
Якунина Л. И. О трех курганных тканях // Труды ГИМ. Вып. XI. М.-Л.,1940. С. 147–158.
Якунина Л. И. Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе // КСИИМК. Вып. XXIV. М.-Л., 1949. С. 105–107.
Якунина Л. И. Фрагменты ткани из Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XXI. М. ; Л., 1946. С. 126–127.
Frei, K.M., Makarov, N., Nosch M., Skals, I., Berghe, I.V., Zaytseva, I. An 11th Century 2/2 Twill from a Burial in Shekshovo in Russia // Archaeological Textile Review № 58, 2016. С. 34–43.
Golikov V., Orfinskaya O., Pshenitchnova E., Voskresensky D. Experimental research of the VIII-IX century's textiles from the Tcherkessk Museum collection/ Interdisciplinary Approach about Studies and Conservation of Medieval Textiles. Polermo. 1998. P 133–140.
Nahlik A. Tkaniny wsi wschodnioeuropejskie X–XIII w. Lodz: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1965.
Orfinskaya O., Engavatova A. Medieval Textiles from the necropolis of Dmitrov Kremlin, Russia//Archaeological Textiles Newsletter. Volume № 48. Spring 2009. Copenhagen. 2009. P. 10–16.
Orfinskaya O., Kochkurkina S. Archaeological textiles of the 10th to the 12th century from the Gaigovo barrow group (Russia, Leningrad oblast) //Archaeological Textiles Review No. 58. 2016. P. 21–33.
Orfinskaya O., Pushkina T. 10th century AD textiles from female burial W-301 at Gnëzdovo, Russia //Archaeological Textiles Newsletter. Volume № 53. Fall 2011. Copenhagen. 2011. P. 35–51.
Zubkova E., Orfinskaya O., Mihailov K. Studies of the Textiles from the 2006 Excavation in Pskov //North European Symposium from Archaeological Textiles X. Ancient Textiles series Vol. 5. Oxford: Oxbow Books, 2010. P. 291–298.

И. И. Рыкунова, А. Н. Рыкунов

Рыбинск

Новые находки подвесок на памятнике Усть-Шексна

Цель публикации — расширение данных об одной категории украшений поселения XI–XVI вв. Усть-Шексна — подвесках и привесках из цветного металла, а также ввод в научный оборот новых находок.

Археологический памятник Усть-Шексна, расположенный на правом берегу реки Шексны при впадении ее в Волгу на территории современного г. Рыбинска Ярославской области (рис. 1) исследуется с 1991 г. А. Н. Рыкуновым и И. И. Рыкуновой[1]. Раскопана площадь около 3500 кв.м. Собрана значительная вещевая коллекция: более 3500 индивидуальных находок и 30 тысяч фрагментов керамики.

Среди индивидуальных находок значительную группу составляют нагрудные и поясные подвески и привески, являвшиеся излюбленными украшениями славян и их соседей. Они представляют яркий элемент средневековой материальной культуры и позволяют раскрыть художественные и идеологические представления средневекового населения нашего края. Данная публикация является продолжением сделанных ранее обзоров этой категории находок[2].

---

[1] *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Средневековое поселение Усть-Шексна // Российская археология. 2005. № 4.

[2] *Рыкунова И. И.* Об одной категории ювелирных украшений средневековой Усть-Шексны // Страницы минувшего: VI Тихомировские чтения: Материалы научной конференции. Ярославль, 1997; *Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И.* Финно-угорские элементы в материальной культуре древнерусского поселения Усть-Шексна: Тезисы конференции «Социологические, этнологические и лингвистические проблемы современности», посвященной 110-летию ученого-востоковеда Н. А. Невского. Рыбинск, 2002; *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Подвески средневековой Усть-Шексны // Тверской сборник, 2008.

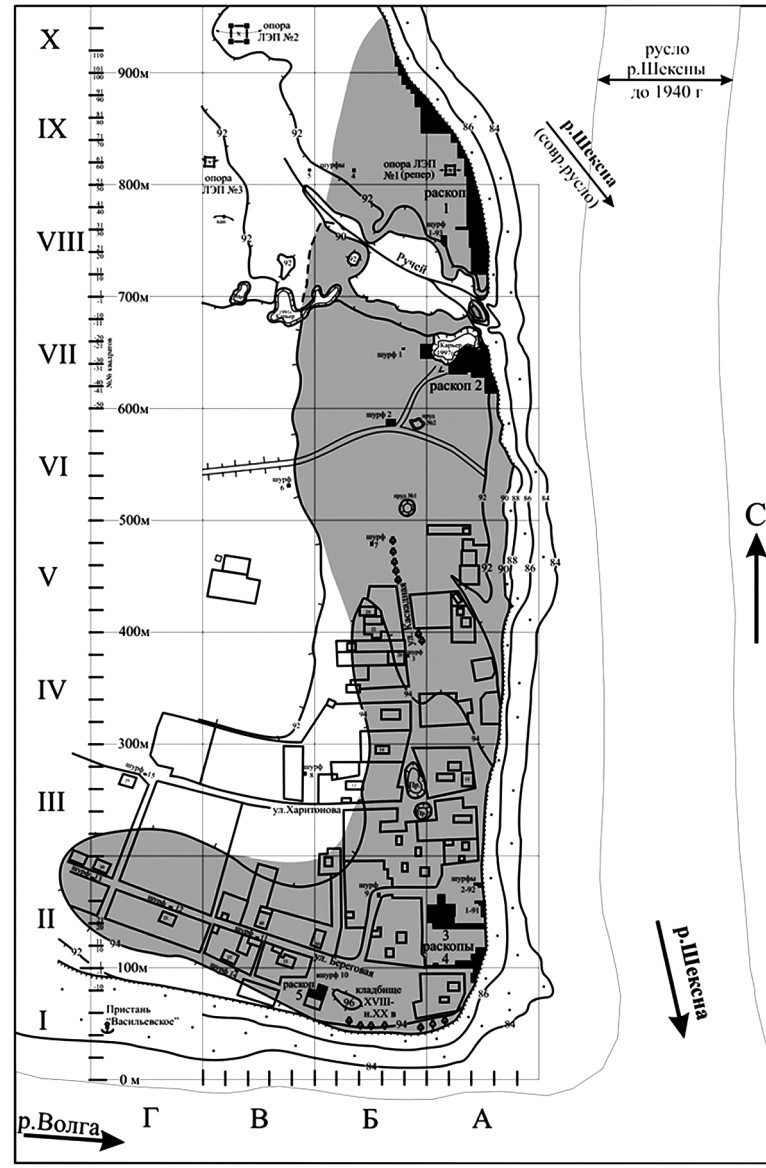


Рис. 1. Ситуационный план памятника Усть-Шексна: правый берег р. Шексны при впадении её в Волгу

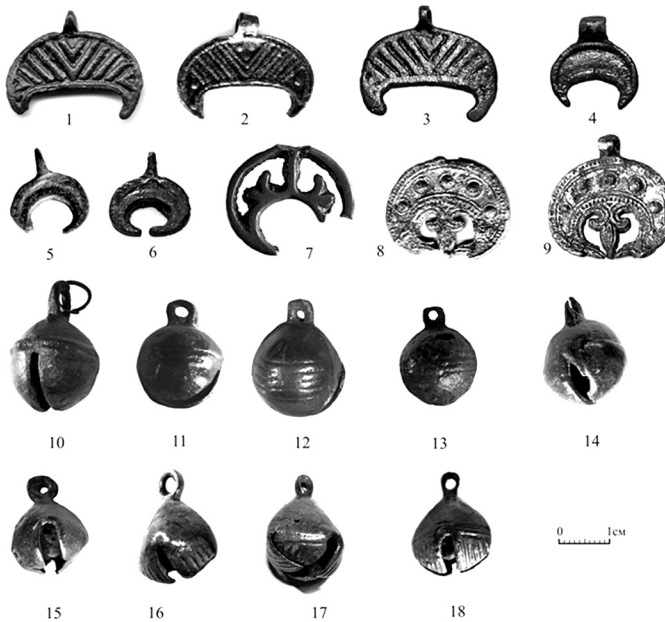


Рис. 2. Усть-Шексна. Подвески древнерусские. Цветной металл.
(Здесь и далее — раскоп-год находки)
1, 8, 12, 13, 15 — 3-2008; 2, 11, 18 — 3-2012; 3, 4, 6, 17 — 3- 2013; 5, 14 — 3-2010;
7 — 1-2010; 9, 16 — 3-2011; 10 — 1-2012

Материалы, собранные при археологических исследованиях последних лет (2008–2014) подтверждают вышесказанное и еще больше расширяют типологию и хронологию подвесок. Всего к исследуемой категории находок отнесены около 40 предметов (не включены в обзор подвески христианского круга древностей: 4 иконки, 2 змеевика, более 20 крестовтельников и энколпионов, а также 6 украшений из монет-дирхемов). Все они изготовлены из бронзы, свинцово-оловянистых и медных сплавов.

19 новых находок можно отнести к категории **древнерусских**: это лунницы, бубенчики и круглая подвеска (соответственно в нашей коллекции их стало 41). Лунниц — предметов в форме полумесяца рожками вниз — обнаружено 9. Типология лунниц, разработанная В. В. Гольмстен, приводится по М. В. Седовой[3]. Три находки относятся к типу широкорогих средних (отношение средней линии к концами 3 : 2, размеры 2,7 х 1,5 см) (рис. 2: *1–3*). У двух подвесок оглавие выполнено в виде плоского ушка, у третьей — узкого пластинчатого. Все с одной стороны украшены ре-

[3] *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981. С. 23–24.

льефным пояском по периметру и выпуклыми прямыми, составленными «елочкой», у подвески с пластинчатым ушком в центре и на концах присутствуют выпуклые круглые точки. Подобные находки широко известны по материалам курганов X–XI — начала XII вв., в Новгороде широкорогие лунницы найдены в слоях X в.[4]

Одним экземпляром представлена малая лунница (1,8 х 1,8 см) с широким пластинчатым ушком (рис. 2: *4*), украшенная по лицевой стороне по периметру рельефным пояском с поперечной насечкой. Данная находка близка к описанным А. В. Успенской литым миниатюрным лунницам, среди которых «иногда бывает трудно отделить узкорогие от широкорогих», распространенным на памятниках XI–XII вв. Московской, Смоленской, Новгородской и Брянской областей[5].

Круторогих (отношение средней линии к концами 3 : 1) лунниц найдено 4 (рис. 2: *5, 6*). Две из них относятся к малым (до 2 см), у обеих плоские петли и по обеим сторонам поля — углубления лунничной формы в нижней части. Подобные украшения получили распространение в XI–XII вв.[6], по новгородским аналогиям представлены в слоях XII–XIII вв.[7] Две идентичные подвески, выполненные из свинцово-оловянистого сплава, относятся к типу средних круторогих замкнутоконечных (рис. 2: *8, 9*) с криновидными трехлепестковыми выступами в нижней части. Односторонний орнамент в виде пояска из миниатюрных насечек по периметру и рамки, повторяющей форму подвески, из тонких двойных линий. Внутрь рамки дугой помещены 5 полушаровидных выступов. Тонкими двойными линиями украшен выступ. Оглавие в виде выпуклого ушка. Данные лунницы, вероятно, являются разновидностью замкнутых крестовключенных (замкнутокрещатых, по Успенской) известных по находкам в Костромской области[8], во Владимирских курганах и в Суздале[9].

Пока не найдено точных аналогий круторогая прорезная лунница с двумя криновидными трехлепестковыми выступами (рис. 2: *7*).

Древнерусских **бубенчиков**, которые служили украшением головного убора, входили в состав шейных ожерелий или использовались в качестве пуговиц[10], обнаружено 9. Встречены следующие виды: 1 — грушевидный гладких с крестовидной прорезью (рис. 2: *15*) — X — середина XII вв., 3 — грушевидные крестопрорезные с косой насечкой в нижней части (рис. 2: *16–18*) — того же периода, 5 — шаровидные с линейной прорезью

---

[4] Там же. С. 24.

[5] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные подвески // Труды ГИМ. Вып. 43. М, 1967. Рис. 16: 9.

[6] Там же. С. 102–105.

[7] *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. С. 24.

[8] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные подвески. С. 103.

[9] Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. Табл. 54: 20–24.

[10] *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 73.

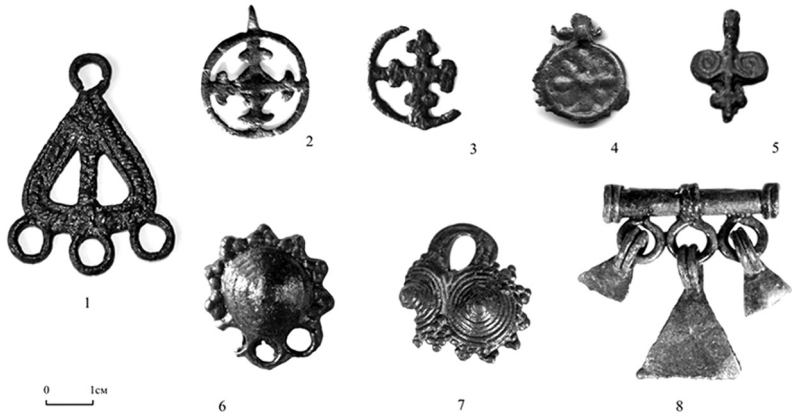


Рис. 3. Усть-Шексна. Подвески различных форм. Цветной металл.
1 — 3-2011; 2 — 2-2010; 3 — 3-2012; 4 — 1-2010; 5 — 1-2011;
6 — 5-2009; 7, 8 — 3-2008

и тройным рельефным пояском на тулове (рис. 2: *10–14*) — конец XI — начало XIII вв. Датировка приводится по новгородской хронологии[11]. Круг аналогий очень широк.

Круглая подвеска, орнаментированная с одной стороны восьмилепестковым цветком, окруженным рельефным пояском (рис. 3: *4*) относится к типу наиболее распространенных на Руси монетовидных, является первой подобной находкой на памятнике. Будучи полуфабрикатом (или браком?) также является доказательством существования собственного ювелирного производства.

Повсеместно встречаются на памятниках Северо-Восточной и Северо-Западной Руси **XII–XIII вв. и круглые прорезные крестовключенные подвески**[12]. Подобные были представлены среди находок Усть-Шексны тремя экземплярами, к которым добавились два. У обеих находок в плоские гладкие кольца включены кресты с прямыми лопастями с перекладинами. У целой подвески в ромбовидном средокрестии помещен выпуклый прямой крест (рис. 3: *2*). Подобная находка из Новгорода обнаружена в слоях XII в.[13] У фрагмента подвески угадываются в средокрестии и на концах перекладин выпуклые точки (рис. 3: *3*).

---

[11] *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 156.

[12] *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 42, рис. 14: 15. С. 108; *Рябинин Е.* А. Костромское Поволжье... С. 73. Табл. IV: 10, 11; *Кудряшов А. В.* Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец, 2006. С. 72, рис. 33: 14, 36, 3, 4

[13] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные подвески... С. 42, рис. 14: 1.

Вторым экземпляром данного типа стала крестоспиральная подвеска со сплошными щитками (рис. 3: *5*). Такие находки хорошо известны в материалах XII–XIII вв. в Белоозере и его окрестностях[14].

К **шумящим подвескам** отнесены две находки. Первая — подтреугольной формы литая каркасная с ложноплетеной рамкой (рис. 3: *1*). Аналогичные подвески считаются традиционными украшениями мерянской культуры[15]. Подобная, выполненная в наборной технике и украшенная косоплеткой, имеется в нашей коллекции, близкие аналоги выявлены также в материалах Белоозера[16]. Вторая (рис. 3: *8*) цилиндрическая с основанием из полой трубочки с тремя утолщениями-выступами (по краям и в центре), прорезью на оборотной стороне и тремя петлями внизу. В петли продеты привески трапециевидной формы. Похожие подвески часто встречаются на памятниках Северо-Восточной Руси IX–XI вв. и даже более ранних периодов: могильниках Сарского городища, Новленском, Большое Молочное и Максимовском, на Березняковском и Поповском городищах[17]. На Усть-Шексне ранее нами были обнаружены четыре подобных подвески.

Две объемных умбоновидных подвески (нашивки) характерны для финно-угорских древностей и нашли аналогии среди украшений обуви из Корбальского и Максимовского могильников X — начала XI в.[18] Первая (рис. 3: *6*) выпуклая бляха со спиральным орнаментом. По периметру в верхней части располагаются семь пирамидок из три выпуклых окружности, составленных треугольниками, имитирующими зернь, в нижней — три кольца. Вторая (рис. 3: *7*) двойная умбоновидная подвеска на крупной плоской петле, украшенной полустертой двусторонней «плетенкой». По периметру умбонов располагаются пирамидки из трех выпуклых окружностей, составленных треугольниками, имитирующими зернь. На оборотной стороне целого умбона — плоская двойная петля.

Достаточно представительной группой являются **зооморфные подвески и привески** — 13 предметов (рис. 4). Нижеприведенная классификация основана на типологии Е. А. Рябинина[19] с дополнениями по Л. А. Голубевой[20].

---

[14] *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 172–173, рис. 62: 1–4; *Макаров Н. А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. Табл. XXIV: 15.

[15] Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. Табл. XXIX: 10, 19, 21.

[16] *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро... Рис. 69: 1–3.

[17] Финно-угры и балты в эпоху средневековья... Табл. XXXIV: 6; *Леонтьев А. Е.* Археология мери. М., 1996. С. 97, рис. 37: 5, 6; с. 220, рис. 95: 2; с. 226, рис. 97: 1; с. 253, рис. 118: 13; с. 266, рис. 128: 4, 5.

[18] Финно-угры и балты в эпоху средневековья...Табл. XXII: 16, 18, 21; табл. XXXV: 8.

[19] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981.

[20] *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М., 1979.

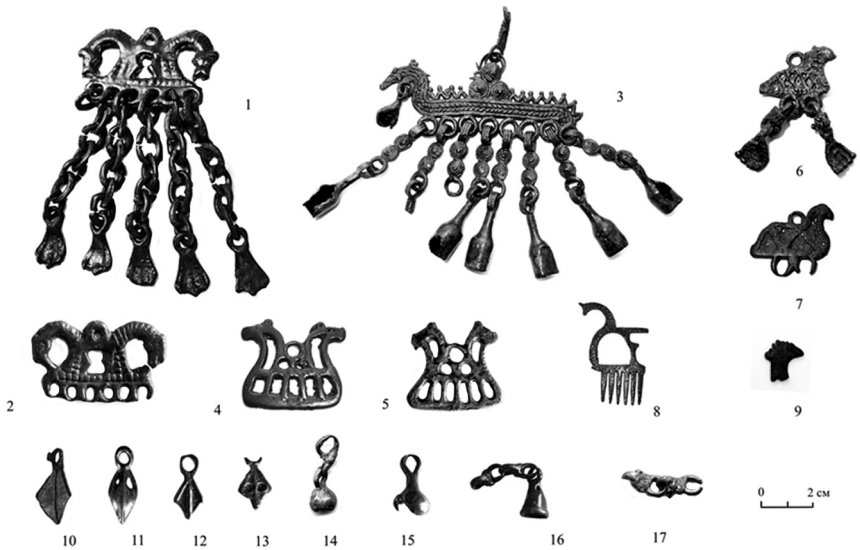


Рис. 4. Усть-Шексна. Подвески зооморфные и привески. Цветной металл. 1, 2 — 3-2012; 3, 4, 7–9 — 2-2013; 5, 12–15 — 1-2010; 6 — 2-2014; 10, 17 — 2-2010; 11— 3-208; 16 — 3-2010; 17 — 2-2010

Большая часть данных находок — восемь — относится к плоским зооморфным подвескам и включает пять двуглавых коньковых изображений (рис. 4: *1, 2, 4, 5, 8*), одно коньковое одноглавое (рис. 4: *3*) и три птички (рис. 4: *6, 7, 9*).

Две литые коньковые фигурки (рис. 4: *4, 5*) относятся к группе 2, типу VII, варианту 3 по Рябинину. Представляют собой условно переданные парные разносмотрящие головы коней на подтрапециевидной основе с вертикальными прорезями каплевидной формы. Подобные были распространены в XII—XIII вв. в северо-восточных землях Руси (Костромское Поволжье, Архангельская и Вологодская области). Известны они также в Волжско-Камской Булгарии, Марийском Поволжье и Поветлужье[21]. Находка подвески из Белоозера представляет собой бракованное изделие, что позволяет предположить местное производство[22]. Наши экземпляры различаются количеством вертикальных прорезей и проработкой деталей. В коллекции уже имеются три аналогичных подвески и одна той же группы, вариант 1.

Две литые подвески (рис. 4: *1, 2*) относятся к типу VI, вариант 2 по Рябинину. Отличаются реалистическим исполнением голов коней на

[21] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси... С. 21–22.
[22] *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро... С. 175, рис. 67: 26.

круто выгнутых шеях, опущенных вниз и соединенных с нижней частью «столбиками». В центре — битрапецоидная прорезь, над ней — плоская петля. В нижней части — шесть круглых отверстий. Украшены по шеям коней и нижней части орнаментальным пояском из выпуклых прямоугольников. У одного изделия сохранились шумящие привески. В крайнем левом отверстии — звено цепочки овальной формы из круглодротовой проволоки. В остальных отверстиях закреплены цепочки из шести литых звеньев с подвесками-лапками на концах. Подвески этой группы возникли в VII в. в Прикамье и бытовали до середины XI в. Служат этническим признаком родановской культуры (предки коми-пермяков)[23].

Частью двуглавой подвески является фрагмент литой подвески-гребня (приблизительно ½) (рис. 4: *8*). Верхняя часть — схематическая конская головка с ушками, средняя — узкая арка с частью горизонтальной перекладинки, нижняя — 8 зубьев (крайний сломан и утрачен). Имеет сходство с подвеской-гребнем типа 3, описанной Л. А. Голубевой[24].

Одним экземпляром представлена наборная подвеска-конек одноглавый с шумящими привесками (рис. 4: *3*). Тело коня длинное и узкое, в основе — косоплетка с гладкой рамкой по периметру. Голова на короткой шее с подтреугольным мелким выступом сверху (ушки?) опущена, плоская гладкая морда узкая. Снизу к шее прикреплено колечко с узкой колоколовидной привеской. Петля плоская прямая расположена сзади декоративного выступа из трех дисков-спиралей, составленных треугольником, расположена по центру верха спинки. В петлю продето незамкнутое кольцо с заходящими концами из двух витков узкой пластины, соединенное с костыльковым звеном цепи из двух колечек, соединенных шестью витками проволоки. По обе стороны петли сверху спинки располагается изогнутая треугольниками проволока с мелкими круглыми выступами у вершин (имитация зерни?). По низу конька расположено восемь колечек, сквозь которые (третье от конца сломано) продеты звенья цепочки сложной конструкции, на I, IV–VIII из которых прикреплены бутылкообразные привески, на II — мелкий фрагмент верхней части привески. Звенья цепочек состоят из четырех частей: круглодротового колечка снизу, двух дисков-спиралей и развернутой перпендикулярно с нижним деталям 3-рубчатой петли, нижний край которой сзади продолжен и прикреплен вдоль спиралей. Е. А. Рябинин относит данные подвески к группе V[25], Л. А Голубева, разработавшая дробную систематизацию, — к «мерянскому» типу изделий[26].

---

[23] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв... С. 19, 20, табл. VI: 7; 13, с. 14, табл. 17.

[24] *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров.... С. 80–81, рис. 22: 3.

[25] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв... С. 32–35, табл. XIV–XVI.

[26] *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. С. 67–82.

Такие украшения изготовлены в сложной технике набора или «воскового вязания», получившей широкое распространение у финно-угорских племен Волго-Окского междуречья. В них сочетаются различные виды проволок и зернь, а техника набора заключается в изготовлении отдельных мелких сложных деталей и соединении их с помощью пайки. Большинство подобных изделий обнаружены в Суздальском Ополье, в землях расселения мери и муромы. За пределами данной территории — в Тихвинских курганах (Приладожье), бассейне Шексны (Зубарево), в Тверском крае на Волге. Находка с Усть-Шексны дополняет эту статистику и подтверждает связи территорий в конце I — начале II тысячелетий.

Подвески-птички представлены тремя находками. Два целых экземпляра представляют собой плоские литые фигурки уточек, лишенные ажурных прорезей, с одним колечком по верху и двумя — по низу. Различаются очертаниями фигурок, наличием или отсутствием шумящих деталей и незначительно — орнаментом. Обе украшены по периметру рельефным пояском, частично — с насечками, и жгутами такой же толщины. У первой подвески (рис. 4: *6*) жгуты с одной стороны расположены короткими отрезками по три на шейке и тулове, с другой — в виде частой косой решетки. Здесь сохранились привески в виде стилизованных лапок на звеньях цепочки. У второй (рис. 4: *7*) на одной стороне располагаются три вертикальных жгута, на другой — зигзаг. Одно из нижних колечек сломано. По типологии Рябинина, относится к изделиям группы 1, типа V[27]. Подобные находки концентрируются в Костромском Поволжье и бассейне Камы, где, вероятно, изготавливались и откуда распространялись на окрестные территории. Время бытования XII—XIII вв.

Головка птички с гребешком и загнутым клювом (рис. 4: *9*) является миниатюрным фрагментом изделия группы 1, типа IV по типологии Рябинина[28]. Характерны для северных областей Восточной Европы в XII–XIII вв. В коллекции уже имеются один целый экземпляр и один фрагмент подвесок данного типа.

Деталями зооморфных и шумящих подвесок были разнообразные привески и детали цепочек (рис. 4: *10–17*). Их найдено более 10.

Таким образом, данный обзор подвесок и их деталей свидетельствует о значительном разнообразии этого вида украшений, служивших амулетами-оберегами, имевших магический смысл и охранявших их обладательниц от злых духов. Датировка находок — от X–XI до XIII–XIV вв., при этом стоит отметить большое количество предметов раннего периода. Данный факт вызывает некоторое удивление с учетом того, что в культурном слое мы не находим убедительных подтверждений столь ранней датировки. Объяснением может служить факт значительного

[27] *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения... С. 12–19, табл. V–VI.
[28] Там же. С. 12–19, табл. III, 7–9, IV, 7–10.

разрушения восточной прибрежной, вероятно, наиболее древней части поселения, и, возможно, бытовавшие традиции длительного хранения древних оберегов в более поздние периоды. Следует также отметить, что во всех хронологических группах присутствуют как украшения финно-угорского, так и славянского населения, что свидетельствует о значительной этнической пестроте региона в период средневековья.

Список литературы

Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М., 1979.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец, 2006.

Леонтьев А. Е. Археология мери. М., 1996.

Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.

Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Средневековое поселение Усть-Шексна // Российская археология. № 4. М., 2005.

Рыкунова И. И. Об одной категории ювелирных украшений средневековой Усть-Шексны // Страницы минувшего: VI Тихомировские чтения: Материалы научной конференции. Ярославль, 1997.

Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Подвески средневековой Усть-Шексны // Тверской сборник. 2008.

Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И. Финно-угорские элементы в материальной культуре древнерусского поселения Усть-Шексна: Тезисы конференции «Социологические, этнологические и лингвистические проблемы современности», посвященной 110-летию ученого-востоковеда Н. А. Невского. Рыбинск, 2002.

Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981.

Успенская А. В. Нагрудные и поясные подвески // Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

А. Н. Рыкунов, И. И. Рыкунова, Е. В. Пискунова

Рыбинск, Москва

Охрана памятников археологии и ее социальная функция на примере деятельности Рыбинской археологической экспедиции

В самой северной точке Волги, при впадении в нее реки Шексны, расположен Рыбинск — второй по величине город Ярославской области. В связи с закрытым характером городского военно-промышленного комплекса, отсутствием гуманитарного ВУЗа и ряда других факторов он долгое время оставался археологическим «белым пятном».

Лишь в 1991 г. впервые началось планомерное исследование его культурного слоя в результате создания Рыбинской археологической экспедиции (РАЭ), попытка анализа системной деятельности которой представлена в данной работе.

За прошедшие годы проведено комплексное исследование центра города с целью уточнения границ распространения культурного слоя, датируемого XVI–XX веками. Выявлены районы первоначального заселения, выделены характерные особенности последовательного залегания культурных слоев, составлена археологическая карта Рыбинска[1]. Результаты работ закреплены постановлениями администрации, в соответствии с которыми утверждены зоны охраны, что позволило в значительной степени предотвратить бесконтрольное разрушение культурного слоя.

Помимо этого, на территории Рыбинска (общей площадью свыше 10 тысяч гектаров) обнаружены следы пребывания человека самых разных эпох: от мезолитических стоянок Бутовской культуры[2] до много-

---

[1] *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., Иванов Л. М.* Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск, 2004. С. 241–242.

[2] *Аверин В. А., Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Мезолитический слой поселения Усть-Шексна в Ярославской области // Российская археология. 2011. № 2. С. 134–141.

численных артефактов льяловской, фатьяновской и других археологических культур[3].

Однако важнейшим направлением научно-исследовательских работ РАЭ являются охранные раскопки памятника археологии XI–XVI веков «Усть-Шексна»[4]. Предшественник Рыбной слободы и современного Рыбинска, этот крупный торгово-ремесленный центр обслуживал транзитную торговлю на важнейшем пути раннего средневековья «Волга-Шексна-Балтика». Статусные индивидуальные находки, усадебная застройка, производственные комплексы доказывают значимость памятника, который в результате работы ГЭС ежегодно утрачивает до 400 кв. м. культурного слоя[5]. Характеристика высокого статуса средневековой Усть-Шексны и требование обеспечения соответствующего утратам объема работ содержатся в отзывах крупнейших специалистов, среди которых Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, В. В. Седов, Н. А. Макаров и др.[6]

Свыше 70 научных публикаций, монографии, буклеты, видеофильмы, публицистика и другие материалы достаточно полно отражают полученные результаты научно-исследовательской работы РАЭ, которая является стратегической — системообразующей — доминантой ее деятельности и ведется по следующим трем основным направлениям.

1. Исследовательское направление. Проведенные (при практически полном отсутствии письменных источников) раскопки Усть-Шексны на площади до 4 тысяч кв.м. позволяют достаточно полно охарактеризовать поселение: уточнить нижнюю дату его существования, статус и динамику функционирования, этнический состав населения на разных этапах существования. В сочетании с археологическими исследованиями на остальной территории города это позволяет сформулировать три основных аспекта исследовательской деятельности.

1.1. Краеведческий, т. е. изучение исторического прошлого г. Рыбинска и округи.

1.2. Региональный, рассматривающий место и значение средневековой Усть-Шексны и ее преемников — Рыбной слободы и современного Рыбинска — в истории региона.

---

[3] *Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И., Иванов Л. М.* Рыбинск: путешествие сквозь века. Рыбинск, 2011. С. 32–51.

[4] *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Средневековое поселение Усть-Шексна // Российская археология. 2005. № 4. С. 134–149.

[5] *Рыкунова И. И.* Правый берег р. Шексны — месторасположение археологического памятника Усть-Шексна — динамика процесса разрушения // Экология городов. 1997. № 10. С. 37–39.

[6] *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., Иванов Л. М.* Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск, 2004. С. 263–267.

1.3. Общероссийский, заключающийся в изучении особенностей процесса становления и развития древнерусского города в Северо-Восточной Руси.

2. Научно-практическое направление. Основным условием его реализации явилось создание базы Рыбинской археологической экспедиции, что позволило осуществить на практике ряд аспектов такой деятельности.

2.1. На регулярной основе оказывать всестороннюю помощь Рыбинскому музею-заповеднику: пополнение фондов, обновление экспозиций, организация экспертиз, реставрация артефактов и т. п. Только индивидуальные находки средневековой Усть-Шексны составили свыше 3 тысяч единиц хранения.

2.2. Проводить работы по реконструкции древних ремесел. Возможность такого вида экспериментальной археологии определяется рядом факторов: наличествуют необходимые виды сырья, имеется удобная охраняемая территория, подготовлен исследовательский коллектив. В частности, восстановлены основные этапы становления керамического производства в регионе: реконструированы кострище, очаг, гончарные печь и горн; с соблюдением древних технологий изготовлены, а затем подвергнуты соответствующему обжигу и исследованию реплики лепных керамических изделий различных культур. Реконструированы также гончарный круг и технология изготовления средневековых сосудов. Выполнена реплика металлургического горна, аналоги которого выявлены на памятнике в слоях XII–XIII вв.; а обнаруженная болотная руда позволила произвести экспериментальную плавку, точнее — восстановление железа, и даже получить «горновую» крицу.

3. Научно-методическое направление, в основном в связи с недостатком средств, представлено слабее. Однако и здесь можно отметить два основных направления.

3.1. Привлечение и апробация методов естественно-научного анализа в практику историко-археологических исследований малых экспедиций. В частности, выполнен металлографический анализ свыше двухсот металлических артефактов; проведена сложная реставрация ряда деревянных предметов, а также сотен изделий из черных и цветных металлов; выполнены морфологический и спектральный анализы свыше ста стеклянных изделий (фрагменты браслетов, перстней, бусы); проведен дендрохронологический анализ фрагментов средневековых усадеб, что позволило получить для Усть-Шексны три надежных дендродаты: 1062, 1125 и 1220 гг., явившиеся основой соответствующей дендрохронологической шкалы региона.

3.2. Проведение научных конференций и семинаров, а также — обмен опытом с организациями, работающими в аналогичных областях научных изысканий.

Однако решение собственно научных задач в своих реалиях оказалось тесно сопряженным с различными сферами социокультурного развития региона. Археологические раскопки проводятся также в охранных, учетных, просветительских целях; имеют ярко выраженные социальный и туристический аспекты; направлены на популяризацию историко-культурного наследия; несут в себе воспитательно-патриотическую функцию. Далее представлены основные комплексы проблем социокультурного характера, так или иначе вошедших в структуру деятельности РАЭ.

1. Образовательный комплекс является, вероятно, наиболее естественным и наглядным. Здесь также можно отметить несколько направлений.

1.1. Развитие, повышение и углубление уровня знаний по историческому прошлому города и региона как среди школьников и студентов — участников экспедиции, так и среди горожан и гостей Рыбинска. Изданы 4 научно-популярных монографии, опубликованы десятки статей в региональных журналах и других СМИ, прочитаны десятки публичных лекций. Создаются видеофильмы, передвижные и стационарные выставки, экспозиции. Материалы экспедиции легли в основу ряда научных и краеведческих изданий, книг для детей и молодежи. Изготавливаются и распространяются буклеты, значки, календари, реплики артефактов и другие сувениры.

1.2. Обеспечение прохождения археологической практики студентам Ярославля, Иваново и ВУЗов других городов — вплоть до Торонто и Парижа.

1.3. Обеспечение актуальной тематикой учащихся школ и ВУЗов, в том числе и технических. Например, материалы РАЭ используются при подготовке рефератов школьниками, при выполнении студентами курсовых и дипломных работ на исторических факультетах и даже при преподавании таких технических дисциплин, как «Процессы формообразования» и «Режущий инструмент».

2. Культурно-просветительская деятельность имеет два основных аспекта.

2.1. Историко-патриотическое воспитание молодежи на основе ее привлечения к сохранению, изучению и освоению исторического и культурного наследия. Для обеспечения надлежащего объема и качества археологических работ, экспедиции требовались помощники. За прошедшие четверть века свои труд и любовь экспедиции подарили свыше тысячи волонтеров из Рыбинска и Углича, Ярославля, Иваново, Санкт-Петербурга и Москвы, Парижа и Рио-де-Жанейро. Десятки из них предпочитают летнему

отдыху палаточный лагерь и 8-часовой рабочий день уже многие годы. За что выражаем им огромную сердечную благодарность.

2.2. Повышение интереса к истории края, к наследию наших предков, а, следовательно, и культурного уровня жителей региона, на основе развития культурного туризма и создания нового культурного объекта. Так называемый «Памятный знак — сторожевая башня», являющийся как базой экспедиции, так и первым этапом, создания интерактивного музея археологии, вот уже шесть лет по предварительным заявкам принимает сотни гостей, которые могут ознакомиться с раскопом, с древнейшей историей города и края, облачиться в доспехи и пострелять из лука, попробовать свои силы в гончарстве, приобрести литературу и сувениры.

3. Охранный комплекс мер заключается в следующем.

3.1. Спасение от безвозвратной утраты невосполнимой исторической информации, закодированной в культурном слое памятника Усть-Шексна, ежегодно утрачиваемом в результате работы Рыбинской ГЭС.

3.2. Предотвращение разграбления памятника археологии частными лицами с целью продажи ими найденных, бесценных для науки артефактов.

3.3. Пресечение бесконтрольного уничтожения культурного слоя в результате деятельности хозяйствующих субъектов в этом районе города.

3.4. Разработка, корректировка, утверждение охранных археологических зон в Рыбинске и обеспечение надлежащего надзора.

4. К социальным аспектам деятельности, на наш взгляд, можно отнести следующие.

4.1. Обеспечение работой и организация досуга в летний период многих десятков людей.

4.2. Оздоровление социальной атмосферы путем решения ряда местных социально-экономических проблем: организация бардовских концертов; ремонт дороги, спусков к реке, помощь в возведении часовни и др.

4.3. Воспитательная работа с трудными подростками и молодежью в целом. Примером успешного и взаимовыгодного сотрудничества с образовательными учреждениями может служить организация археологических программ участникам летних лагерей для одаренных старшеклассников Провинциального колледжа г. Ярославля.

5. Экологические проблемы также находят свое отражение в деятельности РАЭ.

5.1. Ежегодно проводятся работы по берегоукреплению разрушающегося правого берега Шексны. В районе устья при возведении

«памятного знака» удалось добиться бетонирования части обрывистого правого берега Шексны, что полностью исключило обвалы, оползни, промывы и другие причины утраты культурного слоя. Выше по течению на протяжении свыше 300 метров функцию довольно успешного берегоукрепления выполняют специально формируемые пологие отвалы, образующиеся в результате работ на расположенных вдоль берега раскопах 1 и 2. Как показала практика, засеваемый травами пологий склон от 7 до 10 лет успешно сдерживает разрушение берега.

5.2. Силами экспедиции производится регулярная уборка участка, а также — утилизация и вывоз мусора как на арендуемой площади (0,4 га), так и на прилегающей территории (2-3 га).

6. Культурно-политический аспект также определяется двумя видами деятельности.

6.1. Координация действий и участие в работе властей городского и регионального уровней по охране памятников и развитию туризма.

6.2. Привлечение бизнеса к участию в научной и культурно-просветительской деятельности. Проведенная просветительская работа постепенно меняет отношение горожан и властей к своему историко-культурному наследию. Результатом являются спонсорские пожертвования ряда предприятий на реализацию программ РАЭ. Несмотря на очевидные трудности и скромные в своем большинстве средства, в условиях принципиально недостаточного бюджетного финансировании это делает возможным обеспечить минимально необходимый объем археологических исследований. Более того, именно эта сфера деятельности во многом обеспечила осуществление всех вышеизложенных аспектов работы. Имеются, конечно, в нашей работе и трудности. Если для научного и охранного аспектов главной проблемой является критично малое финансирование (примерно в пять раз меньше необходимого), то с точки зрения культурно-просветительской деятельности и туризма основными ограничениями являются отсутствие водных и удобных сухопутных подъездных путей, водоснабжения, недостаток электроэнергии и ряд других. Впрочем, 25-летняя история РАЭ позволяет надеяться на их преодоление. Возможные пути решения: работа с городской и областной администрациями, помощь спонсоров, инвестиционные программы, гранты, туристическая деятельность, самоотверженная работа членов экспедиции и др.

Анализируя вышеизложенное, можно прийти к заключению, что работа Рыбинской археологической экспедиции не замыкается в узконаучных рамках, а будучи взаимосвязанной с различными сферами общественной жизни, приобретает новое свойство — социальную ориентированность

научной и охранной деятельности. Ее специфическими чертами являются интегральный характер, комплексность и актуальность решаемых задач, что возвращает науке во многом утраченную способность быть действенным механизмом, активно влияющим на развитие общества.

Такой тип организации, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует современным реалиям и является перспективным для развития как науки, так и социально-правовых сфер. Поэтому опыт работы некоммерческого партнерства «Научно-практический центр «Рыбинская археологическая экспедиция» может оказаться полезным и интересным для самых различных структур, занимающимися вопросами охраны объектов культурно-исторического наследия.

Н. П. Рязанцев

Ярославль

Становление законодательства об охране археологических памятников в России в XVIII — начале XX вв.

Первые действительно законодательные акты в области сохранения культурно-исторического наследия, как признает большинство исследователей, появились в России лишь в годы правления Петра I. Но при этом нужно учитывать, что, во-первых, понятие законодательства здесь до некоторой степени условное. До начала XX в. систематическое законодательство отсутствовало, тем более в отношении археологических памятников. Во-вторых, надо иметь в виду, что до XX в. не было разработано понятие памятника и археологического памятника (употребляли термины «древности», «куриозные вещи» и т.п.).

Например, Указом от 13 февраля 1718 г. царь предписывал населению сдавать местным властям «каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи..., также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно»[1]. В указе подчеркивалось: все, что приносит население, будет принято властями и за все будет уплачено. В том же году появилось дополнение к указу, в котором уточнялись размеры вознаграждения. Было указано, что «за человеческие кости... будут платить тысячу рублев, за деньги и прочие вещи — вдвое, чего они стоят». Здесь же было добавление — « всему делать чертеж, как что найдут»[2].

Однако на практике эти распоряжения очень часто не исполнялись. Д. Г. Мессершмидт, по поручению царя проводивший исследования в Сибири, с недоумением писал: «Три иссеченные из камня фигуры животных

[1] Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв.: Сборник документов. М., 1978. С. 21.

[2] Цит. по: *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 119.

с реки Тубы, которые я... поручил здешнему воеводе...поставить в арсенал, уже разбиты народом на куски; меня просто ужаснуло страшное неповиновение воевод указам всемилостивейшего монарха»[3]. В такой обстановке и сам Мессершмидт не устоял перед соблазном. Он попытался вывезти за границу этнографические коллекции, предназначенные для Кунсткамеры[4].

Кроме того, нередко сами распоряжения царя носили противоречивый характер. Так, он поручил, например, сибирским властям покупать у «бугровщиков», которые раскапывали древние курганы, не переплавленные на металл вещи из захоронений, а сами найденные в могильниках старинные предметы. Предметы старины тем самым спасали от переплавки, при этом грабительские раскопки не только не запрещались, но даже материально поощрялись. И такой подход к археологическим древностям имел место на протяжении всего XVIII в.

Национальный подъем, ускоренный Отечественной войной 1812 г., вызвал огромный интерес в обществе к русской истории, способствовал развитию интереса к историческим памятникам. Возникло и на протяжении полувека действовало около 10 обществ, среди которых Московское Общество истории и древностей российских (1804), Одесское общество истории и древностей (1839), Петербургское Археолого-нумизматическое общество (1846) и другие. Их деятельность способствовала выявлению разного рода археологических памятников, вело к постановке вопроса об их сохранении. В частности, И. А. Стемпковский показал на примере древнего Херсонеса, как быстро разрушаются античные памятники Юга России, потому что «жители нового города строят здания из остатков древнего». Он возлагал ответственность сохранения памятников на научные общества. Общества, по его мнению, должны были не только «изыскивать, описывать и объяснять все находимые предметы», но и «спасать от совершенного разрушения остатки памятников древности»[5].

Но в то же время самый масштабный проект по выявлению и описанию памятников старины в первой половине XIX в. — «Записка для обозрения русских древностей», составленная членом Русского Археологического общества И. П. Сахаровым и опубликованная значительным тиражом в 1851 г., практически не выделяла археологические памятники в отдельную категорию древностей[6].

Наибольшую активность в деле сохранения памятников проявило Московское археологическое общество, которое было основано в 1864 г.

---

[3] *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 119.

[4] См.: *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в России (XVIII в. — первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М., 1971. С. 306.

[5] *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в России... С. 335.

[6] См.: Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв. : Сборник документов. М., 1997. С. 81–86.

по инициативе известного археолога и общественного деятеля графа А. С. Уварова. Общество почти сразу вышло за рамки чисто археологического и являлось, по существу, всероссийской организацией, занимавшейся охраной культурного наследия. Общество представляло собой серьезную научную и общественно значимую силу. К началу XX в. в нем состояло около 500 членов из различных губерний страны. В разные годы членами Общества были такие известные историки, как М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, писатели Д. Н. Мамин-Сибиряк и П. И. Мельников-Печерский, художники А. М. Васнецов, И. С. Остроухов и другие.

А. С. Уваров уже в 1864 г. поставил перед Обществом вопрос об охране памятников, полагая, что инициатива этого должна исходить от «ученых съездов». В 1869 г. был созван I Археологический съезд, на котором и был представлен так называемый Уваровский проект как возможный проект будущего закона об охране памятников древности. Этот проект, активно обсуждаемый участниками съезда, был принят ими и представлял собой, пожалуй, первый в истории России серьезный законопроект об охране памятников.

Уже в преамбуле документа А. С. Уваров отмечал, что проблема сохранения культурного наследия распадается на два отдельных вопроса: во-первых, полное и систематическое описание памятников, во-вторых, способ их сохранения от гибели. Для более успешного решения этих вопросов проект предлагал разделение всех памятников на четыре разряда. При этом городища, курганы, насыпи, то есть памятники археологии не выделялись в специальный раздел, а относились им к памятникам архитектуры.

А. С. Уваров полагал, что более всего подвержены разрушениям именно эти памятники, остальные хоть в какой-то степени сохранялись в библиотеках, музеях и других хранилищах. Для более полного составления описей и более эффективной охраны памятников все губернии страны нужно было разделить на пять археологических округов: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Одесский[7]. Таким образом, впервые предлагалась классификация памятников и их территориальная привязка к специальным административным единицам.

Проект подробно прописывал сам механизм составления списков памятников. Особо отмечалось, на чьей земле находится памятник, в каком он состоянии и требует ли реставрации. Далее подробно излагалась история памятника и причины, по которым его необходимо вносить в государственный реестр.

Собранные по губерниям списки затем должны были рассматриваться специальной комиссией из представителей археологических обществ, Академии наук, университетов и духовных академий, а также чиновников

[7] Сохранение памятников церковной старины в России. С. 104–105.

МВД и высших учреждений гражданского и духовного ведомств. Эта комиссия на основе губернских списков должна была составить общий список памятников старины, разделив их на два разряда: памятники первой важности, которые нельзя было ни исправлять, ни перестраивать без Высочайшего повеления, и памятники, которые могли быть перестроены и исправлены с разрешения МВД или Синода, но по согласованию с окружным археологическим обществом.

Археологические общества, согласно «Уваровскому проекту», должны были нести ответственность за их сохранность. Но А. С. Уваров пошел дальше. Археологические общества должны были избирать в каждой губернии одного или нескольких блюстителей, которые непосредственно исполняли бы функции контроля за сохранностью памятников. Никакой объект не мог быть подвергнут перестройке или какому-либо изменению без согласования с блюстителем. Если все же возникала опасность разрушения памятника, то блюститель обязан был поставить в известность местное гражданское и духовное руководство, требуя немедленного прекращения действий, направленных на разрушение памятника. Кроме того, об этом следовало сообщить в местное археологическое общество. В соответствии с проектом, блюстители находились под постоянным контролем археологических обществ и один раз в год должны были представлять письменный отчет о своей деятельности. Общий отчет, выполненный по итогам таких отчетов в начале каждого года, археологические общества представляли бы министру внутренних дел[8].

Пожалуй, впервые в России была сделана попытка разработать общероссийское Положение об охране памятников, которое не только попыталось ввести понятие «памятник» и предусматривало составление общероссийского списка древностей, но и, что еще важнее, предлагало действующий механизм охраны, функционирующий через специальных людей — блюстителей.

«Уваровский проект» был доработан специальной комиссией из представителей Московского и Петербургского археологических обществ, утвержден на II Археологическом съезде (1871 г.) и затем направлен министру народного просвещения Д. А. Толстому с просьбой содействовать его осуществлению. Видимо понимая, что проекту предстоят очень долгие хождения по инстанциям и за это время может исчезнуть значительная часть памятников, А. С. Уваров в сопроводительной записке к проекту просил, чтобы до окончательного разрешения вопроса местные власти не предпринимали бы никаких мер по отношению к памятникам, не согласовав свои действия с археологическими обществами[9].

---

[8] Сохранение памятников церковной старины в России. С. 106.

[9] Там же. С. 331.

А. С. Уваров, видимо, хорошо представлял внутренние механизмы функционирования государственного аппарата. Только в конце 1876 г., то есть почти через пять лет после появления «Уваровского проекта», министр народного просвещения Д. А. Толстой в докладе императору Александру II сообщил о несомненной своевременности и важности проблемы сохранения памятников старины и о необходимости создания комиссии по дальнейшей доработке проекта.

Комиссия была создана в ноябре 1876 г. Возглавил ее князь А. Б. Лобанов-Ростовский, статс-секретарь и товарищ министра внутренних дел. Кроме высокопоставленных чиновников в комиссию вошли и некоторые представители научных обществ, известные в научном мире специалисты — А. С. Уваров, А. Ф. Бычков, Н. Н. Мурзакевич, А. В. Викторов и другие. Исправленный текст проекта комиссия разослала по всем археологическим обществам, получив и от них замечания и предложения по законопроекту. К апрелю 1877 г. комиссия А. Б. Лобанова-Ростовского представила новый документ — «Проект правил о сохранении исторических памятников».

Комиссия кое-что заимствовала из «Уваровского проекта». Была, например, поддержана идея о четырех типах памятников, хотя у Уварова это было сделано более конкретно. Комиссия согласилась с разделением страны на археологические округа. Планировали создать 17 округов[10]. Но далее начинались серьезные различия.

Проект комиссии Лобанова-Ростовского предусматривал создание при министерстве народного просвещения специальной «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников». Комиссия должна была состоять из постоянных членов (чиновников), которых назначал министр просвещения, и совещательных членов (по одному представителю от духовного ведомства, министерств, Академии наук, научных обществ и т.п.). Все принципиально важные вопросы комиссия должна была решать только в присутствии постоянных членов. Председатель комиссии назначался по высочайшему указу. Таким образом, комиссия отдавала вопросы охраны древностей в руки чиновников, а не специалистов. Но даже такой проект так и не был утвержден ни во времена царя-реформатора Александра II, ни, тем более, позже, когда правительственный курс сменился на более консервативный. Сама верховная власть все еще не осознавала необходимости такого законодательства.

Но некоторые меры в этом вопросе верховная власть все же предприняла. В марте 1889 г. министр юстиции объявил Высочайшее повеление, которым Императорской археологической комиссии передавались исключительные права на проведение археологических раскопок, но только на казенных и общественных землях. Все получен-

[10] Материалы по вопросу о сохранении древних памятников. М., 1911. С. 40.

ные в ходе раскопок ценные в научном плане находки должны были передаваться в комиссию[11].

В начале XX в. российское общество вплотную приблизилось к пониманию необходимости закона об охране памятников. На протяжении последующих лет было несколько попыток разработать и принять законы об охране памятников. При этом позиция государства, православной церкви и научного сообщества принципиально расходились. В конечном счете, проиграло дело сохранения культурно-исторического наследия России.

В 1904 г. была создана Комиссия для выработки положения об охране памятников. В нее вошли граф А. А. Бобринский, академик Н. П. Кондаков, профессор Н. В. Покровский и другие лица. Возглавил комиссию товарищ министра внутренних дел Т. С. Суходольский. В течение февраля — апреля 1905 г. комиссия разработала «Основные положения» по охране памятников», которые должны были стать основой государственного законодательства в этой сфере.

Прежде всего, проект подробно перечислял пять категорий объектов, которые являлись памятниками. Среди них были указаны и объекты, «замечательные по своей древности и археологическому действию». Члены комиссии поставили вопрос так: если памятник, имеющий особое археологическое или историческое значение, находится в частном владении, то он может быть отчужден у владельца за определенное вознаграждение.

В отзыве Московского Археологического общества на этот проект особенно подчеркивалось, что окружные органы охраны даже в случае виновности властей должны иметь право «направлять обвинения за порчу или уничтожение памятника в уголовном порядке прокурорскому надзору». Принципиальная позиция МАО состояла также в том, что вывоз древностей за пределы государства должен быть запрещен законом, а государство должно иметь право преимущественной покупки таких коллекций. Попытки незаконного вывоза должны преследоваться в уголовном порядке: наказываться денежным штрафом или тюремным заключением[12].

К этому времени голоса представителей научной общественности, обеспокоенных сохранением памятников древности, стали звучать все громче и тревожнее. В апреле 1908 г. председатель МАО графиня П. С. Уварова пошла на беспрецедентный шаг. Она написала письмо императору Николаю II, в котором от имени Археологического общества просила царя объявить памятники старины «государственной собственностью без права какого-либо отчуждения, со строжайшей ответственностью всех причастных... за

[11] См.: *Рязанцев Н.П.* «Под охраной немудрых законов...»: Формирование законодательства об охране памятников старины в России в XVIII — начале XX вв. Ярославль, 2005. С. 93–94.

[12] См.: Сохранение памятников церковной старины в России... С. 205–208.

нарушение этого закона»[13]. Император наложил на письмо резолюцию: «Заслуживает серьезного внимания». Это означало необходимость рассмотрения вопроса по существу на заседании правительства. В июне 1908 г. такое обсуждение действительно состоялось. Объемный протокол заседания Совета министров по этому вопросу, по существу, заканчивался отпиской со ссылками на Свод законов Российской империи. Во-первых, напомнило правительство, неприкосновенность частной собственности является основой действующего в России законодательства, поэтому ни о какой передаче в государственную собственность не может быть и речи. Во-вторых, вопросы сохранения древних памятников «в достаточной степени удовлетворительно разрешаются действующим законодательством»[14]. Николай II согласился с таким решением своего правительства.

В августе 1908 г. делегаты XIV археологического съезда разработали собственными силами новый документ — «Меры к охранению памятников старины». В проекте закона речь снова шла о разделении территории России на археологические округа, во главе которых стояли бы научные общества. Научные общества могли привлекать к делу охраны и губернские ученые архивные комиссии, и церковные комитеты и общества, но руководство оставалось бы за окружными научными обществами. Согласно проекту, правительство должно было ежегодно выделять на эти цели 60 тысяч рублей, подобно тому, как такие деньги получает Императорская академия художеств. Предполагалось также привлечь к финансированию земства и города.

Все памятники древности подразделялись на три категории: 1 — памятники государственного значения; 2 — памятники местного значения; 3 — памятники, не имеющие особой археологической ценности. XIV археологический съезд настойчиво рекомендовал властям следующее: а) предоставить правительству право объявлять памятники, находящиеся в частном владении, имеющими государственное значение и принудительно их отчуждать, б) за разрушение памятников ввести гражданскую и уголовную ответственность в виде штрафа, ареста и обязательства восстановить разрушенное за свой счет, в) ввести ответственность духовенства за подобные проступки не перед духовным ведомством, а перед законом, г) запретить вывоз за границу памятников русской старины[15].

Проект XIV съезда подтолкнул власти к дальнейшим действиям. При МВД была создана межведомственная комиссия, которая начала разрабатывать проект закона. В конце 1909 — начале 1910 гг. товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский сообщил в Совет министров, что комиссия разработала проект будущего закона — «Положение об охране древностей».

---

[13] Сохранение памятников церковной старины в России... С. 228.
[14] Там же. С. 231–232.
[15] Там же. С. 232–234.

По этому проекту правительство получало право преимущественной покупки всех находившихся во владении частных лиц древностей. Все предметы старины могли быть вывезены за границу только после того, «как со стороны Комитета по охране древностей последует удостоверение, что правительство отказывается приобрести их». На землях, являвшихся частной собственностью, право производства археологических раскопок принадлежало Императорской археологической комиссии, которая предварительно договаривалась об этом с владельцем земли[16]. Казалось бы, дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки.

В конце октября 1911 г. проект Положения был внесен в Государственную думу и началась процедура его обсуждения в специально созданной думской комиссии. Думская комиссия, которая около года рассматривала законопроект, сделала вывод «о весьма оскорбительном стеснении права частной собственности». По вопросу о вывозе исторических памятников за рубеж комиссия внесла поправку: «Вывоз предметов древности за границу не карается законом и почитается свободным от всяких запретов»[17]. Думская комиссия выступила и против положения проекта о разрешении Императорской археологической комиссии осуществлять раскопки на частных землях. Очередной проект просто провалили.

Ситуация с сохранением памятников прошлого складывалась настолько неблагополучно, что представители «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» с тревогой писали на страницах известного издания: если ничего не менять, то «через весьма немного времени в России охранять будет нечего»[18].

До начала Первой мировой войны Государственная дума так и не сумела разрешить вопрос об охране памятников. В войну, казалось бы, было не до этого. Но к вопросам сохранения памятников древности все же пришлось срочно вернуться. Дело в том, что с оккупированных территорий начался массовый вывоз предметов старины за границу. Особенно значительными были масштабы вывоза в западных губерниях страны. Но не лучше была ситуация и в тыловых губерниях страны, в частности, в северных и северо-восточных — Пермской, Вятской, Архангельской и Вологодской. По данным МВД, значительная часть граждан, подданных воюющих с Россией стран, направлялась в эти губернии, в города, села, старообрядческие скиты и отдаленные церкви и начинала энергично скупать «нередко по весьма высоким ценам, все предметы русской старины, в особенности церковной». По сведениям МВД, которые подтверждались представителями таких научных учреждений, как Московское археоло-

[16] Сохранение памятников церковной старины в России... С. 259–266.
[17] Цит. по: *Разгон А.М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. Вып. 1. М., 1957. С. 123.
[18] Старые годы. 1912. Март. С. 49–54.

гическое общество, Императорская археологическая комиссия и другими, часть приобретенных таким способом ценностей уже была переправлена за пределы России[19].

Война, как видно из этих документов, заставила власти действовать быстрее и решительнее. В апреле 1916 г. МВД направило председателю ИАК А. А. Бобринскому отношение о необходимости создания комиссии для переработки Положения об охране древностей. Министерство предлагало сформировать максимально широкий состав будущей комиссии: из представителей МВД, министерства юстиции, министерства народного просвещения, министерства финансов, Академии наук, Академии художеств, Археологической комиссии, Московского археологического общества, Эрмитажа и т.д. Таким образом, предполагалось, что те научные общества и учреждения, которые ранее выступали с резкой критикой проекта закона 1911 г., теперь должны были сами участвовать в его разработке.

Министерство внутренних дел предлагало в срочном порядке создать чрезвычайный орган — Особое совещание, через которое немедленно запретить продажу предметов старины по всей территории Российской империи, обратив особое внимание на запрещение скупки ценностей иностранцами, обеспечить через таможни Архангельска, Владивостока и Финляндии полный запрет вывоза предметов старины за границу. МВД считало необходимым наладить учет всем без исключения памятникам старины. И совершенно необычно для государственного органа прозвучало предложение «о необходимости издания в срочном порядке закона, объявляющего все предметы старины национальной собственностью»[20], то есть о национализации объектов культурного наследия. Но было уже слишком поздно. Оставалось всего несколько месяцев до полного краха царской России.

Период от Февральской революции до Октябрьской в этом плане также ничего не изменил, хотя была определенная работа «Комиссии Горького», была попытка создания «Министерства искусств» и т. п. Но не было политической воли государственных деятелей, чтобы принять законы и создать действенный механизм охраны памятников. В этой связи А.Н. Бенуа писал, что власти «не обнаруживают объединяющей их мероприятия идеи; равнодушие и дилетантизм, почти бюрократическая вялость и конвульсивные поступки «административного энтузиазма» сочетаются и чередуются здесь точь-в-точь как при старом режиме»[21]. Первые в истории России настоящие законы (декреты) были приняты уже новой властью — Совнаркомом и ВЦИК.

---

[19] См.: Старые годы. 1916. Март. С. 52; Сохранение памятников церковной старины в России. С. 298.

[20] Сохранение памятников церковной старины в России. С. 299–301.

[21] Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 142, 144.

Декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» был опубликован в «Известиях ВЦИК» 24 сентября 1918 г. Он запрещал вывоз и продажу за границу любых произведений искусства и старины без специального разрешения коллегии Народного Комиссариата просвещения. Наркомат внешней торговли мог давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Наркомпроса. Все антикварные и комиссионные магазины, учреждения и частные лица, занимавшиеся антикварной торговлей и экспертизой подобных предметов, обязаны были в трехдневный срок со дня опубликования декрета пройти регистрацию в учреждениях Наркомата просвещения. Декрет содержал также положение об ответственности виновных за неисполнение закона «вплоть до конфискации всего их имущества и тюремного заключения»[22].

В условиях начавшейся гражданской войны, фактического отсутствия государственных границ, слабой пограничной и таможенной службы возникали серьезные препятствия для реализации декрета в его основной части, то есть на стадии запрещения вывоза предметов старины. Поэтому 5 ноября 1918 г. был принят циркуляр ВЧК «Меры против расхищения художественных ценностей». Губернские, уездные и пограничные ЧК получили приказ о принятии «решительных мер борьбы против бессовестного хищения народного достояния» и «провоза этих вещей за границу»[23]. Одна из самых действенных силовых структур новой власти была нацелена на выполнение этого декрета.

5 октября 1918 г. Совнарком принял декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В соответствии с декретом осуществлялась фактически первая в истории России государственная регистрация всех памятников искусства и старины «как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились». Никакое отчуждение или переход от одного владельца к другому, а также ремонт или переделка памятников не могли быть осуществлены без разрешения Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Владельцы взятых на учет коллекций получали охранные грамоты, но сотрудники Музейного отдела Наркомпроса имели право на их принудительное отчуждение, если им угрожала какая-либо опасность. Как и в предыдущем декрете, виновные в неисполнении законных требо-

[22] Декреты Советской власти. Т. III. М., 1964. С. 352–354.
[23] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 28. Д. 4. Л. 69.

ваний подвергались уголовному преследованию вплоть до конфискации имущества и тюремного заключения[24].

Оба декрета были тесно связаны одной идеей: регистрация предметов старины приводила к тому, что вся информация о памятниках находилась в руках государств, и теперь гораздо труднее было вывезти за рубеж официально зафиксированные произведения искусства. Декреты, без преувеличения, сыграли очень важную роль в сохранении культурного наследия России. Наконец-то были приняты законы, о необходимости которых говорилось уже много десятилетий. Началось формирование государственной системы охраны памятников, основанной на законодательстве. В целом в течение 1918 г. было принято около 20 декретов и постановлений об охране памятников искусства и старины. Они составили ту законодательную основу, на которой и начал разворачиваться процесс практической охраны памятников прошлого[25]. Правда, археологические памятники, как таковые, здесь не выделялись в особую категорию.

7 января 1924 г. ВЦИК и Совнарком приняли декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». Сравнительно небольшой объем декрета объяснялся, по-видимому, тем, что декрет принимался в дополнение и развитие ранее принятых декретов 1918 г. и 1921 г. Губернским и областным исполкомам было предписано принять энергичные и действенные меры по учету и охране памятников.

Ремонт, реставрация, переделка, слом и использование памятников архитектуры, зарегистрированных в Музейном отделе Наркомпроса, могли осуществляться только по предварительному разрешению Отдела. Были установлены меры по охране археологических памятников, в частности, проведение археологических раскопок на основании открытых листов Музейного отдела. Все клады, находки и отдельные предметы археологического значения, имущество ликвидируемых музеев, а также бесхозное имущество музейного значения разных учреждений в случае обнаружения должны были передаваться в музеи или в распоряжение Музейного отдела. Нарушители этого декрета, а также декретов 1918 г. и 1921 г. несли ответственность по ст. ст. 99, 102 и 107 Уголовного кодекса[26].

Для проведения декрета от 7 января 1924 г. в жизнь в Наркомпросе была разработана инструкция «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы». Она была утверждена Президиумом ВЦИК 7 июля 1924 г. и издана в сентябре того же года.

---

[24] Собрание Узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 73. Ст. 794.

[25] См. подробнее: *Рязанцев Н. П.* Сохранение культурного наследия в Советской России (1917–1930-й годы). Ярославль, 2011. С. 69–71.

[26] Охрана памятников истории и культуры: Сборник документов. М., 1973. С. 38–40.

Впервые инструкция содержала целый раздел, который возлагал на исполнительные органы власти обязанности «по отношению к памятникам археологии». К субъектам охраны были отнесены не только совнаркомы автономных республик и областей, губернские и областные исполкомы, но также городские, уездные и волостные исполкомы, а также сельские советы. Таким образом, вся вертикаль власти сверху донизу отвечала за охрану памятников. Но при этом, как хорошо видно из текста инструкции, практические действия органов власти по охране культурных объектов должны были осуществляться непосредственно через губмузеи[27]. Они фактически являлись органами охраны памятников с широкими полномочиями.

Эти органы должны были «принимать действенные меры» к охране памятников архитектуры и археологии, а именно: древних курганов, городищ, плотинных жилищ, стоянок, остатков древних городов; стен, земляных валов, рвов, отдельных древних могил, древних могильников и намогильных сооружений (дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и проч.; древних рисунков и надписей, высеченных на камне, мест находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов) и проч.[28].

Собственно охрана памятников археологии предусматривала следующие меры по отношению к ним: следить, чтобы памятники не распахивались, не раскапывались, не использовались в качестве строительного материала, чтобы сохранялась охранная зона археологических памятников. При проведении строительных работ случайно обнаруженные памятники не были бы разрушены. Раскопки должны были производиться исключительно лицами, имеющими открытые листы. Самовольные раскопки и другие действия, ведущие к разрушению памятников археологии, должны были пресекаться. Все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруженные при земляных работах, должны были сдаваться в близлежащие государственные музеи.

Таким образом, впервые так максимально полно был определен перечень археологических памятников, а также те конкретные меры, которые должны были предпринимать исполнительные органы власти и специальные музейные учреждения для их выявления и сохранения. Завершился длительный процесс формирования законодательства об охране археологических памятников в России. Когда-то на XIV Археологическом съезде один из делегатов заметил, что они 40 лет безуспешно пытаются создать хоть какой-то закон об охране археологических и прочих памятников. Как мы видим, от постановки проблемы прошло

[27] СУ РСФСР. 1924. № 66. Ст. 654. Губмузеи — губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, подразделения губисполкомов.

[28] Там же.

два века и потребовалось более 60 лет (если считать с «Уваровского проекта»), чтобы такой закон появился и начал действительно работать. Но для этого пришлось кардинально изменить весь государственный и общественный уклад России.

Список литературы

Александр Бенуа размышляет... М., 1968.

Декреты Советской власти. Т. III. М., 1964.

Материалы по вопросу о сохранении древних памятников. М., 1911.

Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX вв. Сборник документов. М., 1978.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. Вып. 1. М., 1957.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII в. — первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М., 1971.

Рязанцев Н. П. «Под охраной немудрых законов...»: Формирование законодательства об охране памятников старины в России в XVIII — начале XX вв. Ярославль, 2005.

Рязанцев Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917–1930-й годы). Ярославль, 2011. С. 69–71.

Собрание Узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794.

Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв. Сборник документов. М., 1997.

Старые годы. 1912. Март. С. 49–54.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

В. Н. Седых, С. С. Зозуля

Санкт-Петербург, Москва

Раскопки Иоганна Аспелина в Тимерёво в 1872 году

Первыми среди российских археологов к изучению финно-угорских древностей на территории России приступили ученые Финляндии, до 1917 г. входившей в состав Российской Империи. Основоположник финно-угорской археологии, основатель и председатель Финляндского общества изучения древностей, профессор Хельсинкского университета и первый «государственный археолог» Финляндии (пост, учрежденный по образцу шведского в 1885 г.) Иоханнес Рейнхольд Аспелин (1842–1915) (рис. 1) в 1877–1884 гг. осуществил многотомное издание в пяти выпусках — «Древности северных финно-угров»[1], не потерявшего своей актуальности и поныне. Этой энциклопедии финно-угорской археологии предшествовала формулировка основных принципов и задач нового раздела археологического знания, опубликованная Аспелином в 1875 г.[2] Через десять лет исследователь издал первую сводную работу по археологии Финляндии[3].

В рамках подготовки издания автор провел археологические исследования в ходе двухгодичной поездки по различным регионам России[4], включая Минусинскую котловину на востоке, откуда, по его представлениям, в эпоху бронзы финно-угры постепенно мигрировали на запад до Урала.

25 мая 1872 г. И. Р. Аспелин провел раскопки в Верхнем Поволжье, в районе ныне известного Тимерёвского археологического комплекса эпохи раннего средневековья. Краткая информация об этих работах была опубли-

---

1 *Aspelin J. R.* Antiquit s du Nord Finno-Ougrien. I–V. Helsingfors, 1877–1884.

2 Докторская диссертации «Основы финно-угорской культуры» (1875).

3 *Aspelin J. R.* Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki: K. E. Holm, 1885.

4 Включая музеи, библиотеки и архивы Санкт-Петербурга, Москвы, Твери, Ярославля, Казани, Вятки.

Рис. 1. Иоганн Рейнгольд Аспелин

кована в отечественных изданиях[5], более развернутая — на финском языке (рис. 2)[6]. Материалы из раскопок автор сдал в Национальный музей Финляндии, где они хранятся и в настоящий момент (рис. 3)[7].

Непонятным остается выбор могильника финским исследователем, ведь никаких точных археологических данных о Тимерёво у него быть не могло. Первым упоминанием курганного могильника у дер. Большое Тимерёво часто считается труд В. И. Лествицына[8], где он кратко описывает археологический памятник между деревнями Зиновской, Большим и Малым Тимерёво. В. И. Лествицын отметил более 150 курганов на площади около 1,5 десятин и связал кладбище с битвой 6 января 1435 г. между Василием Темным и Василием Косым, закончившейся поражением последнего[9]. Однако, есть и более ранние сведения о могильнике. На 16 лет раньше версию о датировке некрополя серединой XV в. и связи с кровопролитной битвой высказал Законоучитель студентов Ярославского Демидовского

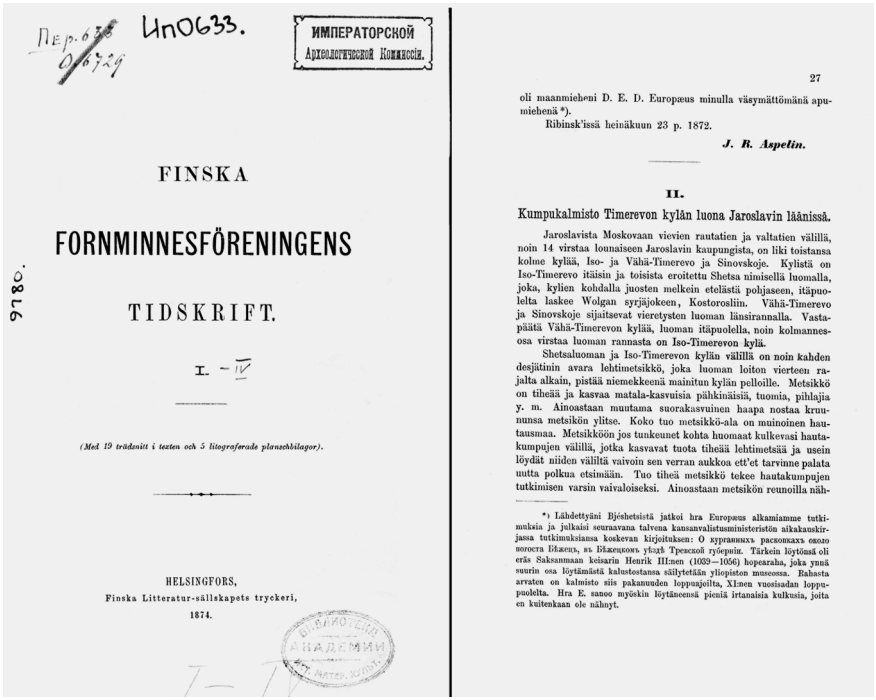
[5] Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении (продолжение) // ЗРАО. Том XI. Вып. 1 и 2. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии. Книга четвертая. СПб., 1899. С. 221.

[6] A*spelin J. R.* Kumpukalmisto Timerevon kylän luona Jaroslavin läänissä // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja I. Helsingfors, 1874. S. 27–32. Перевод статьи прилагается к данной публикации. На основании этого перевода строятся дальнейшие выводы авторов.

[7] Коллекция № 1399: 87–97. Авторы приносят глубокую благодарность за всестороннюю помощь в работе сотруднику Национального музея Финляндии L. Ruonavaara. Публикация фотографий находок проводится с разрешения Национального музея Финляндии.

[8] Вадим Иванович Лествицын (1827–1889) был примечательной личностью, прошедшей путь от преподавателя истории в Варшавском духовном училище до редактора официальной части «Ярославских губернских ведомостей»; был членом МАО и ЯГСК, участником I (Москва, 1869) и IV (Казань, 1877) археологических съездов. В. И. Лествицын оставил после себя богатую библиографию по истории, археологии, археографии, библиографии, искусству, торговле и промышленности. См.: *Никольский А.* Лествицын, Вадим Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.-М., 1896–1918.

[9] *Лествицын В. И.* От Ярославля до Москвы. Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869. С. 17–18.



Пер. 63 Ип0633.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

9780.

FINSKA

FORNMINNESFÖRENINGENS

TIDSKRIFT.

I. – IV

(Med 19 trädsnitt i texten och 5 litografierade planschbilagor).

HELSINGFORS,
Finska Litteratur-sällskapets tryckeri,
1874.

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК

oli maanmieheni D. E. D. Europæus minulla väsymättömänä apumiehenä *).

Ribinsk'issä heinäkuun 23 p. 1872.

J. R. Aspelin.

II.

Kumpukalmisto Timerevon kylän luona Jaroslavin läänissä.

Jaroslavista Moskovaan vievien rautatien ja valtatien välillä, noin 14 virstaa lounaiseen Jaroslavin kaupungista, on liki toistansa kolme kylää, Iso- ja Vähä-Timerevo ja Sinovskoje. Kylistä on Iso-Timerevo itäisin ja toisista eroitettu Shetsa nimisellä luomalla, joka, kylien kohdalla juosten melkein etelästä poljaseen, itäpuolelta laskee Wolgan syrjäjokeen, Kostorosliin. Vähä-Timerevo ja Sinovskoje sijaitsevat vieretysten luoman länsirannalla. Vastapäätä Vähä-Timerevon kylää, luoman itäpuolella, noin kolmannesosa virstaa luoman rannasta on Iso-Timerevon kylä.

Shetsaluoman ja Iso-Timerevon kylän välillä on noin kahden desjätinin avara lehtimetsikkö, joka luoman loiton vierteen rajalta alkain, pistää niemekkeenä mainitun kylän pelloille. Metsikkö on tiheää ja kasvaa matala-kasvuisia pähkinäisiä, tuomia, pihlajia y. m. Ainoastaan muutama suorakasvuinen haapa nostaa kruunuusa metsikön ylitse. Koko tuo metsikkö-ala on muinoinen hautausmaa. Metsikköön jos tunkeunet kohta huomaat kulkevasi hautakumpujen välillä, jotka kasvavat tuota tiheää lehtimetsää ja usein löydät niiden välillä vaivoin sen verran aukkoa ett'et tarvinne palata uutta polkua etsimään. Tuo tiheä metsikkö tekee hautakumpujen tutkimisen varsin vaivaloiseksi. Ainoastaan metsikön reunoilla näh-

*) Lähdettyäni Bjöshetsistä jatkoi hra Europæus alkamiamme tutkimuksia ja julkaisi seuraavana talvena kansanvalistusministeristön aikakauskirjassa tutkimuksiansa koskevan kirjoituksen: О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бѣжецъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Tärkein löytönä oli eräs Saksanmaan keisarin Henrik IIInen (1039—1056) hopearaha, joka ynnä suurin osa löytämistä kalustostansa säilytetään yliopiston museossa. Rahasta arvaten on kalmisto siis pakanuuden loppuajoilta, XInen vuosisadan loppupuolelta. Hra E. sanoo myöskin löytäneensä pieniä irtanaisia kulkusia, joita en kuitenkaan ole nähnyt.

Рис. 2. Титульный лист сборника и статьи И. Аспелина о раскопках в Б. Тимерёво

Рис. 3. Коллекция из раскопок И. Аспелина в собрании Национального музея Финляндии

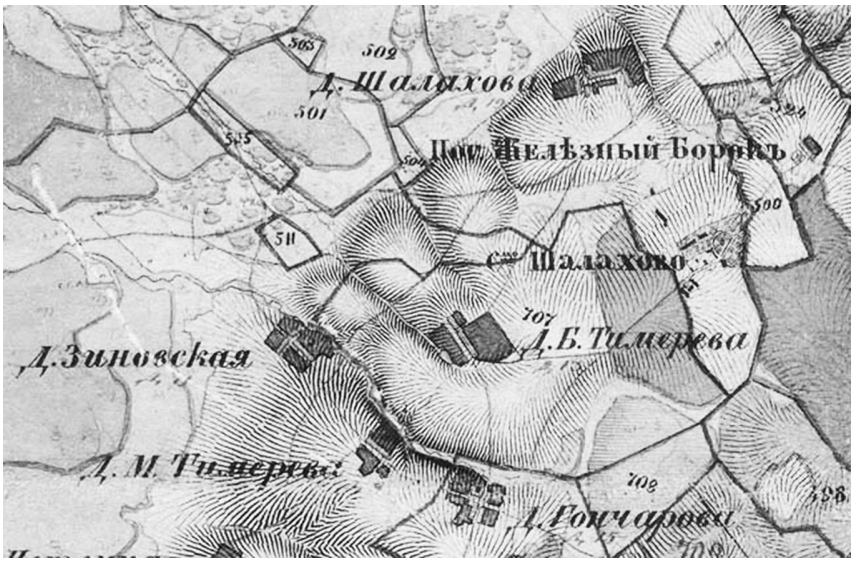


Рис. 4. Фрагмент карты А. И. Менде. 1850 г.

лицея Протоиерей Иоанн Троицкий в своем труде по истории Ярославля: «Близъ села Железнаго Борка доселе еще видны курганы, где похоронены убитые воины»[10]. Обратившись к карте Ярославской губернии, составленной генерал-лейтенантом А. И. Менде в середине XIX в., можно легко установить, что Железный Борок — ближайший к Большому Тимерёво погост, то есть ближайшая к деревне церковь[11] (рис. 4). Логично предположить, что именно этим ориентиром и воспользовался Протоиерей И. Троицкий. Возможно, эти публикации (или одна из них) были известны И. Аспелину, и, в том числе, с этим связаны его опасения о принадлежности захоронений не летописному племени меря[12].

---

[10] *Троицкий И.* История губернского города Ярославля, составленная Законоучителемъ студентовъ Ярославскаго Демидовского Лицея, Протоіереемъ Іоанномъ Троицкимъ, по случаю празднованія въ семъ заведеніи пятидесятилѣтняго Юбилея, 6 іюня 1853 года. Ярославль, 1853. С. 29–30.

[11] Расстояние от бывш. погоста Железный Борок до бывш. дер. Большое Тимерёво составляет 2 км. Воскресенская каменная церковь в бывш. погосте Железный Борок постройки 1787 г. в данный момент находится у 6-й проходной нефтеперегонного завода. Восстановлена на средства нефтегазовой компании «Славнефть», действует с 15 апреля 2007 г. после полувекового запустения. Подробнее см.: *Рутман Т. А.* Храмы и святыни Ярославля: тысячелетию Ярославля посвящается. Ярославль, 2005. С. 532–533.

[12] На некоторых картах могильник возле дер. Большое Тимерёво именуется «Татарская роща». Жители ближайшего из сохранившихся населенных пунктов —

Иоганн Аспелин исследовал 2 кургана. Один из них, небольшой, располагался на восточной опушке леса, обращенной к дер. Большое Тимерёво, второй — на опушке в западной части леса. Более подробная информация содержится в работе А. И. Кельсиева, проводившего работы в курганном могильнике в Б. Тимерёво в 1878 г. На составленном им плане раскопанных насыпей отмечены 2 кургана[13], «вскрытые правильными продольными траншеями»[14] (рис. 5). Далее в тексте содержится довольно точная характеристика работ И. Аспелина: «крестьяне на разспросы показали, что в 1872–1873 г. пріезжалъ съ переводчикомъ какой-то иностранецъ, который раскопалъ эти два кургана, и нашелъ въ нихъ человъческія кости, удила, топорики, стремена и проч.»[15].

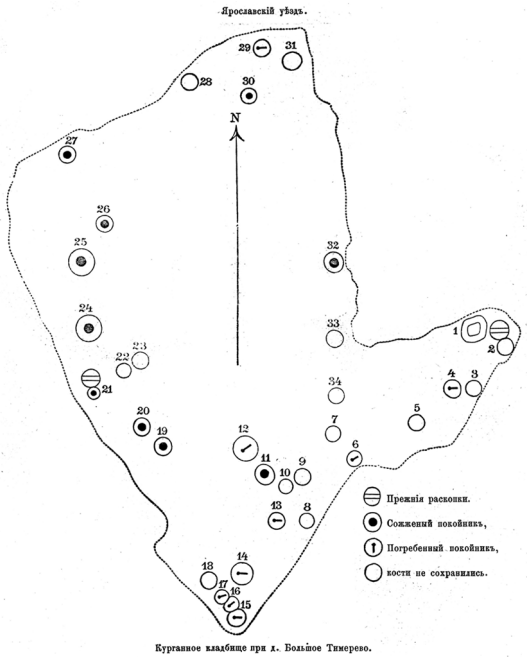


Рис. 5. План расположения курганов, исследованных А. И. Кельсиевым (по: Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878–1879. Т. III. Ч. I. С. 58)

пос. Дубки — по сей день уверены, что в роще располагаются именно «татарские могилы», и стараются не ходить туда даже за грибами. О существующих преданиях по поводу захоронений в Тимерёвских курганах татар, литвы и поляков упоминал и А. И. Кельсиев. См.: *Кельсиев А. И.* Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведенных в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878–1879. Т. II. С. 306.

[13] Около курганов № 1 и № 21 по нумерации А. И. Кельсиева.

[14] На плане А. И. Кельсиева траншеи в курганах ориентированы по линии запад-восток. В своей работе И. Аспелин указывает, что вел раскопки траншеями, ориентированными по линии север-юг. Ориентировка ингумаций, выявленная в кургане 1 из раскопок И. Аспелина, совпадает с абсолютным большинством трупоположений, выявленных в Б. Тимерёво позже, что указывает на ошибку, допущенную А. И. Кельсиевым.

[15] *Кельсиев А. И.* Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведенных в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878–1879. Т. II. С. 306–308; Т. III. Ч. I. С. 53–68.

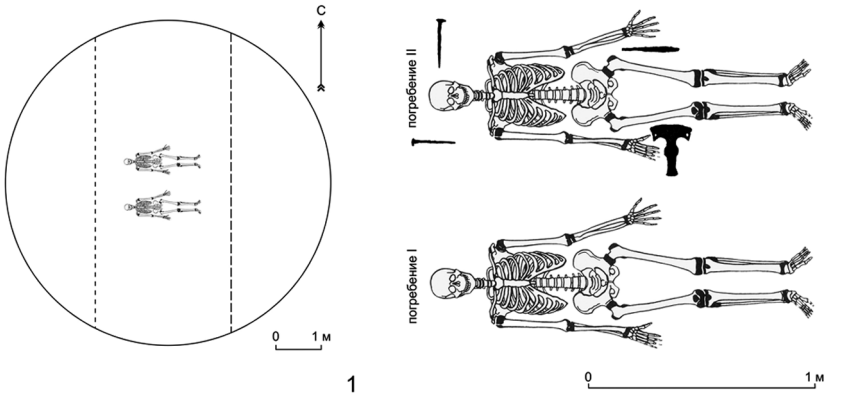


Рис. 6. Реконструкция погребений 1 и 2 из кургана I раскопок И. Аспелина 1872 г. 1 – общий план погребений (размеры траншеи даны условно, ширина неизвестна); 2 – план погребений (масштаб находок увеличен)

Приступившая к исследованию могильника у дер. Большое Тимерёво экспедиция Исторического музея в 1959 г. сняла первый инструментальный план курганной группы с обозначением раскопанных насыпей, данные по которым отсутствуют[16]. На участках, где располагались исследованные И. Аспелином насыпи, таковые курганы не отмечены. Плохо просматриваются насыпи, раскопанные траншеями, и на аэрофотосъемке Люфтваффе 1943 г.[17] Тем не менее, обратившись к Приложениям, где опубликовано краткое описание курганов Тимерёвского могильника, можно выявить курганы № 19 и № 241, соответствующие насыпям 1 и 2 из раскопок И. Аспелина[18]. Авторам была известна статья 1874 г. Так в главе, характеризующей предметы вооружения, даны рисунки двух топоров, помещенные в публикации И. Аспелина[19]. Стоит отметить, что перевод

[16] Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 6. Рис. 2.

[17] *Захаров С. Д., Зозуля С. С.* Новые полевые исследования на территории Тимерёвского археологического комплекса // КСИА. Вып. 236. М., 2014. С. 159. Рис. 1.

[18] Высказанное ранее одним из авторов (см.: *Седых В. Н.* Тимерёво: итоги исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: Сб. статей / под. ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, 2012. С. 166) предположение о соответствии кургана № 382 могильника кургану 2 раскопок И. Аспелина следует признать ошибочным.

[19] Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 59–60. Рис. 34, 2, 6; С. 98–99, 112. Подтверждением копирования рисунков из статьи И. Аспелина является тот факт, что на С. 59 в таблице, содержащей метрические характеристики топоров, для находок из курганов № 19 и № 241 размеры даны примерные, тогда как остальные находки, доступные для исследования авторам работы, измерены очень точно. Это отдельно оговаривается в ссылке 11 на С. 59.
Курган 19. В кургане полуистлевший костяк, ориентированный с запада на восток. У левого бедра топор и нож. В насыпи под костяком железные гвозди от гроба.

статьи 1874 г., который был у коллектива Исторического музея, весьма неточный[20]. Таким образом, располагая данными о результатах раскопок и выявив курганы, исследованные траншеями в указанных И. Аспелином и А. И. Кельсиевым зонах, авторы включили данные в свой свод, присвоив порядковые номера 19 и 241.

Курган 1 из раскопок И. Аспелина имел размеры 7,2 м в диаметре и 0,9 м в высоту[21] и содержал парное трупоположение на горизонте (рис. 6). Ориентировка погребенных традиционная — западная. Южный костяк не был сопровожден инвентарем. В районе головы северного костяка располагались 2 гвоздя, возможно, от гроба. Интересным может показаться факт, что парное трупоположение на уровне материка в кургане 1 — единственный документированный случай в Тимёрево. Относительно редки захоронения в гробах: на основании расположения гвоздей авторы раскопок предполагали гробы в 11 ингумациях (6 — на материке, 3 в ямах, 2 впускные)[22].

С левой стороны костяка II у бедра располагался нож, снабженный двумя уступами при переходе от черенка к лезвию. Справа обнаружен топор (рис. 7). По типологии, разработанной А.Н. Кирпичниковым, топор относится к типу II[23]. От большинства топоров типа II (характеризующихся, в большинстве случаев, изяществом форм) топорик из кургана 1 отличают массивные размеры[24], мощный обух, отгиб обеих лопастей лезвия в сторону проушины и значительные по размеру отверстия на лезвии[25]. Отверстия на лезвиях раннесредневековых топоров использовались для крепления чехлов из дерева или других органических материалов[26]. От большинства топоров, снабженных отверстиями для крепления чехла, тимерёвский

Курган 241. В кургане остатки трупосожжения, совершенного на месте. Среди кальцинированных человеческих костей находились кости лошади и следующие вещи: топорик, удила, фрагменты поясных бляшек, два бронзовых гвоздя, обломки лепного сосуда и ряд металлических вещей.

В насыпи над кострищем — нежженая кость быка.

[20] Кроме небольших несоответствий есть прямые фактические неточности. К примеру, ничего не сказано о существовании в кургане 1 безынвентарной ингумации.

[21] Здесь и далее см. перевод статьи, помещенный в конце настоящей работы.

[22] *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. № 2. 1985. С. 108, 110.

[23] Топоры типа II в курганах Ярославского Поволжья найдены в насыпях № 10 (1897) Михайловского некрополя и № 32 Петровского могильника. Последний также отличается индивидуальной формой и отнесен к типу II условно, трудно признать этот экземпляр боевым топором в целом. См.: Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 59–60. Рис. 34, *1, 3*.

[24] Вес 309,6 гр.

[25] 0,9 х 0,8 см и 0,9 х 0,7 см.

[26] Чехлы для топоров из дерева известны по материалам раскопок в Великом Новгороде, Хедебю, Дублине, Шлезвиге. См: *Каинов С. Ю., Сингх В. К.* Деревянный чехол топора из Новгорода // *в печати*. В кургане № 164 Тимерёвского могильника был обнаружен топор с остатками матерчатого чехла на лезвии. См.: Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 59, 107.

Рис. 7. Погребальный инвентарь погребения 2 кургана I раскопок И. Аспелина 1872 г. 1, 2 — гвозди, 3 — нож, 4 — топор (1–4 — железо)

экземпляр отличается их размерами и вытянутой подовальной формой, поэтому однозначно связывать эти отверстия с креплением чехла, видимо, не следует[27]. Участок перехода топора от обуха к лезвию украшен декоративным элементом — валиками[28]. Подобный прием нередко встречается на топорах, реже — на копьях. В Ярославском Поволжье аналогичный способ украшения зафиксирован на топоре типа II из кургана № 10 (1897) Михайловского могильника и типа I из насыпи № 21 Петровского некрополя.

Датировка кургана 1 из раскопок И. Аспелина укладывается в общую хронологию ингумаций Ярославского Поволжья и определяется в рамках конца X — начала XI в. Близкая датировка предлагалась и ранее[29].

Курган 2 имел 7,8 м в диаметре и 1,8 м в высоту, содержал трупосожжение, видимо, на месте сооружения насыпи (рис. 8). В насыпи, на 0,3 м выше захоронения, обнаружена бедренная кость вола (быка). Описание размещения инвентаря построено таким образом, что удается реконструировать диаметр кострища, составляющий не менее 1,8 м, а скорее близок к 2,0 м в диаметре[30].

К сожалению, антропологическое исследование костей из сожжения не проводилось, поэтому, учитывая погребальный инвентарь (рис. 9), будем исходить из предположения, что в кургане был захоронен мужчина.

---

[27] См.: *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.-Л., 1966. Табл. XII–XIII.

[28] Расстояние между бороздками, формирующими валики, составляет 1 мм.

[29] Начало XI в.: Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 60; Конец X в.: *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 170.

[30] Топор располагался у южной границы кострища, в 1,2 м севернее обнаружен «пояс», еще на 0,6 м к северу выявлены удила; на не указанном расстоянии к северу, но, видимо в пределах кострища, найдены «ледоходные» шипы; таким образом, диаметр кострища составлял не менее 1,8 м, скорее — около 2,0 м.

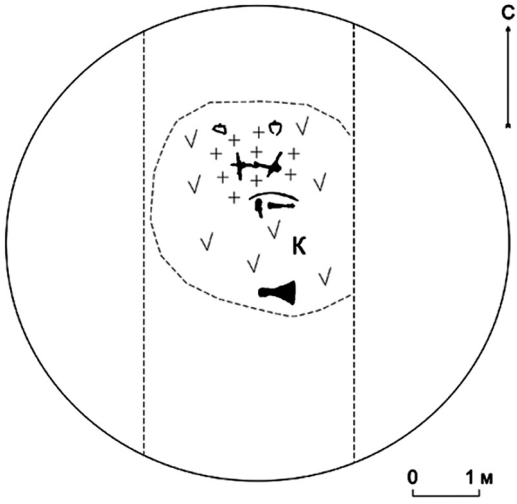


Рис. 8. Реконструкция погребения в кургане II из раскопок И. Аспелина 1872 г. (размеры траншеи даны условно, масштаб находок увеличен).
V — уголь,
+ — пережженные кости,
К — фрагменты керамических сосудов

Рис. 9. Погребальный инвентарь погребения в кургане II раскопок И. Аспелина 1872 г.
1 — удила,
2 — топор,
3, 4 — шипы,
5–7 — дужка ведра (1–7 — железо)

Предположительно — с конем. В своем фундаментальном труде А. Н. Кирпичников отмечал, что в древнерусских погребениях обычно найдены 1–2 шипа, причем подковывались шипами, преимущественно, передние ноги коня[31]. Расположение удил и шипов указывает на ориентировку коня на кострище примерно по линии север-юг, головой на север.

Топор из захоронения (охарактеризованный автором раскопок как «маленький железный топорик») представляет собой довольно интересную находку. Его пропорции не позволяют увязать форму с типами боевых топоров, выявленными А. Н. Кирпичниковым для X—XI вв. В свою очередь, метрические характеристики и качество изделия вообще ставят под сомнение возможность его использования не только в бою, но и при решении любой простейшей бытовой задачи[32]. Серия миниатюрных топоров из раскопок в Великом Новгороде была отмечена А. Ф. Медведевым, один из них автор связал с церемониальным назначением[33]. Естественной (для экземпляров простой формы, миниатюрных размеров, плохого качества, лишенных декоративных элементов) выглядит иная версия — использование в качестве игрушек. Тем не менее, изучая игрушки Великого Новгорода X — середины XV в., А. С. Хорошев отмечает только одну игрушечную деревянную копию топора[34], что свидетельствует о непопулярности подобных игрушек. Версию о вотивном назначении предмета тоже нельзя исключить, хотя подобные предметы происходят и с территории поселений[35]. Стоит отметить неразработанность данной проблемы в отечественной историографии, и, видимо, оставить вопрос о функциональном назначении данного топора открытым[36].

Деталями металлического пояса[37] с поясным крючком И. Аспелин называет дужку ведра, сохранившуюся в трех фрагментах, включающих

---

[31] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973. С. 82.

[32] Вес топора составляет 45,2 гр., размеры проушины 1,4 х 2,3 см, сварочный шов, образующийся при формировании проушины, сделан некачественно и явно не рассчитан на серьезную нагрузку.

[33] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959. С. 132.

[34] Стоит оговориться, что автор рассматривает предметы только из органических материалов — см.: *Хорошев А. С.* Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 85.

[35] Целая серия подобных топоров хранится в собрании Исторического музея в коллекции из раскопок Великого Новгорода. С. В. Шполянский любезно сообщил о находке похожего предмета на одном из селищ Суздальского Ополья.

[36] Подтверждение интерпретации топора в качестве игрушки могут дать только антропологические определения костного материала из захоронения. Пока подобные исследования не проводились.

[37] В описании кургана № 241 указаны фрагменты поясных бляшек; именно так авторы восприняли «детали металлического пояса», указанные И. Аспелином — см.: Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 112.

один из двух крючков и два фрагмента дужки, в том числе тордированный участок. Эта находка довольно типична для очень широкого круга памятников продолжительного хронологического отрезка. В Тимерёво ведра обнаружены в двух парных трупосожжениях на месте (курганы №№ 141 и 200) и трех трупоположениях (курганы №№ 297, 459, 473), суммарно датированных второй половиной X — началом XI в.[38]

Удила из погребения относятся к типу Iа. Стержни псалиев, как это и характерно для этого типа удил, увенчаны «шишечками» (по терминологии А. Н. Кирпичникова). К началу XI в. данная форма выходит из употребления и уступает место более совершенным конструкциям[39]. Удила встречены в 4-х комплексах из Тимерёво (5 экземпляров). Представлены типами Iа (курган № 265), Iв (2 экз. из кургана № 100), II (курган № 344)[40]. Находки удил приходится признать довольно редкими для Тимерёвского могильника.

Шипы представлены стандартными образцами. По предложенной А. Н. Кирпичниковым схеме, шипы из кургана 2 относятся к конским. Стоит отметить тот факт, что сама конструкция шипов была заимствована из Скандинавии, а в погребениях X в. на древнерусской территории они всего лишь в пяти случаях встречены с другим снаряжением всадника[41]. В материалах могильников Ярославского Поволжья встречены в 54-х захоронениях в количестве 87 экз.[42]. Новый цикл работ 1974–1978 гг. принес еще 10 комплексов погребений в Тимерёвском некрополе, содержащих шипы[43]. Еще один шип обнаружен в инвентаре распаханного кургана Тимерёвского кладбища в 1976 г. (раскопки И. В. Дубова)[44]. Все захоронения, содержавшие эту категорию находок, относятся к трупосожжениям. Отчасти этот факт подтверждает мнение А. Н. Кирпичникова о принадлежности большинства шипов к конским подковам[45], так

---

[38] *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. М.,1987. С. 75; *Дубов И. В., Седых В. Н.* Новые исследования Тимерёвского могильника // Древности славян и финно-угров: Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 115–123.

[39] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973. С. 14–15.

[40] *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 171–172.

[41] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973. С. 80.

[42] Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 54.

[43] *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. М.,1987. С. 77.

[44] *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь эпохи раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 128–129, 203, Рис. 6, *6*.

[45] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973. С. 81.

как трупоположений с шипами нет, как нет и трупоположений с конем (за исключением камерных).

Обнаружить в финской коллекции упомянутые в статье И. Аспелина бронзовые гвоздики не удалось.

Керамика, найденная на кострище, представлена в количестве, близком к 50-ти фрагментам. Все сосуды, помещенные в погребение, сделаны от руки. Относительно неплохо сохранившиеся 15 фрагментов венчиков позволяют предполагать, что в коллекции представлены развалы 3–4-х сосудов. Часть керамических фрагментов обожжена: очевидно, была помещена на кострище.

Значительное количество костей и их сохранность позволяют сделать несколько выводов. Видимо, в погребении обнаружены останки не только человека, но и животного, вероятно, коня. Сожжение происходило при не очень высокой температуре, иначе костный материал был бы фрагментирован в значительно большей степени.

Погребальный обряд и недостаточно выразительный в хронологическом плане инвентарь позволяют датировать захоронение только в рамках второй половины X в. Расположение кургана на окраине могильника указывает скорее на конец этого временного отрезка.

На основании комплекса данных удалось определить местоположение курганов на плане могильника 1959 г. Описание Иоганна Аспелина и коллекция предметов из его раскопок позволяют достаточно полно представить себе обряд захоронений. Скудный, невыразительный инвентарь не указывает на связь погребенных с той или иной этнической группой, лишь демонстрирует близость к дружинной среде.

Приложение

Курганный могильник вблизи деревни Тимерёво в Ярославской губернии[46]

Между отходящей из Ярославля железной дорогой и шоссе, примерно в 14 верстах к юго-западу от Ярославля находятся вблизи друг друга три деревни: Большое Тимерёво, Малое Тимерёво и Зиновская. Из деревень Большое Тимерёво самая восточная и отделена от других речкой Сечка, которая втекает в Костороcль, приток Волги. Малое Тимерёво и Зиновская соседствуют на западной стороне речки, примерно в трети версты от берега находится деревня Большое Тимерёво.

[46] Перевод выполнен Д. В. Ундиной, А. И. Саксой, В. Н. Седых.

Между р. Сечкой и д. Б. Тимерёво находится на площади около двух десятин (2,18 га — *В. С., С. З.*) широкий лиственный лесок, который от границы изгиба берега реки вторгается мысом на поля упомянутой деревни. Лесок густой и в нем растут низкие ореховые кусты, черемуха, рябина, встречаются и высокорослые осины. Вся эта территория леска является древним могильником. Вошедшие в лесок вскоре заметят, что они идут среди курганов. Этот густой лесок очень затрудняет исследование курганов. Единственно на краях леска видим некоторые открытые насыпи. В общей сложности говорят, что курганов в леске более полутора сотен — трудно учесть их количество без измерительных приборов, так как мешает густота. По своим размерам они сильно различаются. Размер большинства насыпей не превышает 0,6[47] метра в высоту и 3,60 метра в диаметре, но есть и более крупные, высота которых составляет примерно 2,4 метра, а диаметр 9–12 метров. Местные жители курганы называют «могилами». Следов прежних раскопок не видел, и жители тоже ничего о них не могли рассказать.

25 июня по дороге из Москвы в Ярославль со ст. Космодемьянская я отправился в деревню Большое Тимерёво. Надеялся здесь познакомиться с мерянскими погребальными обычаями. Раскопав два кургана, заметил, что в сравнении с мерянскими погребениями они своеобразны, подумалось, что обманулся в этом пожелании. Особенно учитывая, что некоторые исследователи считали другие могилы в Ярославской губернии «татарскими». Поэтому поехал через три дня в Москву, откуда поспешил в более восточные области своей исследовательской территории.

Находки и наблюдения в процессе упомянутого изучения были следующими:

I курган. Для исследования вначале выбрал небольшой курган на восточной окраине леска, обращенной к деревне. Он был свободен от растительности, его размеры составляли 0,9 м в высоту и 7,2 м. С помощью четырех мужиков раскопал его траншеей с юга на север. Дерн составлял примерно 12 см, затем до самого дна (основания кургана — *В. С., С. З.*) следовала глина, смешанная с землей, встречалась не тронутая (чистая) глина; встречались и некоторые угольки. Два костяка были обнаружены на глубине 0,9 м, ориентированных головами на запад, ногами на восток.

1 костяк. Считая с юга, настолько истлел, что кроме челюсти, нескольких зубов и правой плечевой кости ничего от него не нашли. Судя по положению предплечья можно сделать вывод, что руки лежали вдоль тела покойного. Находок возле скелета не обнаружено.

---

[47] В оригинальном тексте статьи размеры даны в верстах, локтях и дюймах. Пересчет в метрическую систему осуществлен авторами публикации исходя из того, что в Финляндии конца XIX в. локоть равнялся 0,59380 метра, дюйм — 2,54 сантиметра, а верста — 1,0668 километра.

2 костяк лежал с левой стороны от первого, в 0,3 м к северу. Он несколько лучше сохранился: 2–3 фрагмента черепа, челюсть, сгнившие бедренная и берцовая кости. Рядом с костяком нашли следующие железные предметы.

А. Два кованых четырехгранных гвоздя, 10,5 и 9,1 см в длину, оба хорошей сохранности, незначительно тронутые ржавчиной, с остатками дерева. Найдены слева от костяка и справа, у головы покойного. Гвоздь, находившийся с правой стороны, повернут острием в сторону черепа, вероятно, от сгнившего гроба.

В. Нож железный длиной 13,5 см, из которых 7,8 см приходится на лезвие, а 5,7 см — на черешок. Ширина лезвия составляет 1,4 см, толщина — 0,6 см. Создается впечатление, что нож был сломан и подвергся ремонту. На черенке найдены остатки кости, что говорит о том, что у ножа была костяная рукоять. Находка обнаружена слева от скелета, возле бедренной кости.

С. Железный топор, очень странной формы, видимо древний *партушка*, то есть боевой. Лезвие очень широкое, оно продолжается рукоятью, заканчивающейся молотком, но ближе к лезвию имеется «глазок» (проушина — *В. С., С. З.*) для деревянной рукояти. Дугообразное лезвие имеет длину в 11,7 см и наибольшую ширину 9,4 см. Ширина лезвия по краям равна 3,7 см, лезвие делится на две части, посередине каждой имеется сужение, в этих местах ширина лезвия составляет 3,1 см. Длина топора 13,2 см, из которых 9,5 см приходятся на обушную часть. Ее толщина между лезвием и проушиной составляет 0,9 см, ширина — 2,6 см, в районе проушины толщина равна 2,8 см, ширина — 3,8 см, между проушиной и обухом толщина 1,4 см, ширина — 2,2 см. Длина молоточковидного выступа 3,2 см, ширина 2,8 см. В отверстии для рукоятки сохранились остатки дерева, что позволяет утверждать, что топор крепился на деревянную рукоять. В углах лезвия имеются два круглых отверстия, про которые сказал бы, что рукоять для прочности крепления поддерживалась еще ремнями. Сохранились остатки дерева от днища гроба на топоре. Топор лежал справа от костяка, лезвием к бедру (рис. 6).

II курган находился на опушке в западной части леска, обращенной к речке. Не считая орешника, росшего на северо-восточной стороне, насыпь была слабо покрыта растительностью. Размеры кургана составляли 1,8 м в высоту и 7,8 м в диаметре. Раскопан траншеей по линии север — юг. Курган насыпан из так называемой «*пиклеери*» — земли, которая необычайно затвердела, с включением угля. Примерно на глубине в 1,2 м нашли толстую и целую кость, которая лежала поперек траншеи. Вскоре стало очевидным, что это бедренная кость быка. Еще в 0,3 м глубже выявился горелый «мусорный» (мешаный — *В. С., С. З.*) слой кострища с кальцинированными костями среди углей, фрагменты

керамики, железные вещи, отчасти заржавевшие. Под этим «мусорным» слоем следовала чистая материковая глина.

В погребении были обнаружены следующие предметы:

A. Маленький железный топорик, сильно поврежденный ржавчиной. Лезвие равномерно сужается от острия к втулке. Длина дугообразного лезвия топора 5,5 см, длина от острия до обуха — 8,2 см. В самом узком месте, возле втулки, ширина топора равна 1,3 см, в районе втулки — 1,7 см. Топорик был найден возле южного края «мусорного» слоя (рис. 7).

B. Обожженные фрагменты керамики обнаружены в большом количестве севернее вышеупомянутого топора. Возможно, это фрагменты двух сосудов; можно получить представление об их внешнем виде, предприняв попытку реконструкции.

C. Пять фрагментов металлического пояса. Пояс фрагментирован, очевидно, от воздействия погребального костра. По сохранившимся деталям можно предположить, что со стороны спины пояс был гладкий, 1,4 см шириной и 0,2 см толщиной, а спереди округлый, спиралевидный, размером примерно 0,5 см в диаметре. Спереди пояс застегивался поясным крючком, найденным в комке земли, который, к сожалению, быстро распался на две части. Детали пояса найдены примерно в 1,2 м к северу от места, где обнаружен топор.

D. Удила, сильно поврежденные ржавчиной, найдены в 0,6 м к северу от фрагментов пояса. Длина грызла составляет 17,5 см, длина псалиев — 10,3 см. С обеих сторон грызла находятся отверстия, куда с помощью металлических колец крепятся псалии, к которым, в свою очередь, прикреплены вожжи (поводья).

E. Два железных фрагмента седла, я думаю. Они оба в нижней части имели гвозди, для крепления к дереву, они загнуты. Лучше сохранившийся фрагмент был полосой длиной около 3,3 см и шириной 1,8 см, из которой поднимается небольшое основание или шип. Второй, несколько более поврежденный, по форме своей был совершенно таким же. Располагались в 0,3 м друг от друга, немного севернее от предыдущей находки.

F. Два маленьких бронзовых гвоздика. 0,6 см длиной, от седла, видимо, найдены около фрагментов его.

G. Металлические предметы, помимо уже упомянутых, обнаружились еще в трех местах, однако они настолько плохой сохранности, что невозможно понять, для чего они были предназначены. Один из этих предметов найден немного восточнее места находки топора, остальные — между черепками и фрагментами железного пояса.

Было собрано довольно большое количество кальцинированных костей, особенно возле деталей конской сбруи, можно предположить, что хозяин был захоронен вместе с конем. Я не смог исследовать восточную часть угольного слоя, так как для этого пришлось бы расширить траншею,

что задержало бы меня в поездке. Поскольку количество костей к той стороне уменьшалось, не думаю, что это прибавило бы что-нибудь к уже полученному результату.

Москва, 2 августа 1872 г.
И. Р. Аспелин

Список литературы

Дубов И. В. Северо-Восточная Русь эпохи раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982.

Дубов И. В., Седых В. Н. Новые исследования Тимерёвского могильника // Древности славян и финно-угров: Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 115–123.

Захаров С. Д., Зозуля С. С. Новые полевые исследования на территории Тимерёвского археологического комплекса // КСИА. Вып. 236. М., 2014. С. 157–161.

Каинов С. Ю., Сингх В. К. Деревянный чехол топора из Новгорода // *в печати.*

Кельсиев А. И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведенных в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878—1879. Т. II. С. 306—308.

Кельсиев А. И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведенных в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. I. М., 1880. С. 53–68.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.-Л., 1966.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973.

Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы. Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869.

Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959. С. 121–191.

Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 165—181.

Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.

Никольский А. Лествицын, Вадим Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.-М., 1896–1918.

Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении (продолжение) // ЗРАО. Том XI. Вып. 1 и 2. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии. Книга четвертая. СПб., 1899. С. 219–225.

Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля: тысячелетию Ярославля посвящается. Ярославль, 2005.

Седых В. Н. Тимерёво: итоги исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: Сб.статей / под. ред. А.Е. Леонтьева. Ярославль, Рыбинск, издательство «Рыбинский Дом печати», 2012. С. 157–170.
Троицкий И. История губернского города Ярославля, составленная Законоучителемъ студентовъ Ярославскаго Демидовского Лицея, Протоіереемъ Иоанномъ Троицкимъ, по случаю празднованія въ семъ заведеніи пятидесятилѣтняго Юбилея, 6 іиня 1853 года. Ярославль, 1853.
Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.
Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 82–94.
Ярославское Поволжье X–XI вв. / под ред. А.П. Смирнова. М., 1963.
Aspelin J. R. Antiquit s du Nord Finno-Ougrien. I-V. Helsingfors, 1877–1884.
Aspelin J. R. Kumpukalmisto Timerevon kyl n luona Jaroslavin l niss // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja I. Helsingfors, 1874. S. 27–32.
Aspelin J. R. Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki: K.E. Holm, 1885.

Е. В. Спиридонова, В. В. Праздников

Ярославль

Поселение Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области: раскопки 2010–2016 гг.

Селище Яковлевское-3 расположено на мысу при впадении в Волгу Яковлевского ручья, в 0,5 км к юго-юго-западу от деревни Яковлевское. Довольно спокойный ландшафт, транспортные артерии, лесные массивы, близость крупного города Углича делали его окрестности довольно привлекательными для жизни средневекового населения. Об этом свидетельствует большая концентрация памятников раннего средневековья в этом районе. Большая часть древнерусских селищ и городищ расположена на берегах рек Волги, Корожечны, Юхоти, Улеймы и др.

Археологический памятник был открыт в 1932–1933 годах О. Н. Бадером при разведочном обследовании берегов реки Волги перед началом строительства Рыбинской и Угличской гидроэлектростанций. В непосредственной близости были открыты еще два селища и курганный могильник, датируемые XI–XIII веками.

С 1954 по 1959 годы в Угличском районе работала экспедиция Государственного исторического музея под руководством М. В. Фехнер. На тот момент в районе было известно 16 средневековых селищ. За шесть полевых сезонов экспедицией ГИМ раскопано 12 сельских поселений, еще шесть памятников были отмечены как полностью разрушенные. Большинство исследованных М. В. Фехнер памятников были отнесены к X–XIII векам. По результатам многолетних исследований автором был сделан вывод: «Расположенные на близком расстоянии друг от друга, они свидетельствуют о плотности заселения этого района. Отсутствие находок XIV–XVII веков на данных памятниках дает возможность предполагать, что с татарским нашествием эти поселения прекратили свое

существование»[1]. В 1956 году в сферу внимания М. В. Фехнер попало и наше селище. Помимо керамического материала были найдены ключ от цилиндрического замка и обломок ножа[2].

В 1977 году селище было обследовано К. И. Комаровым, тогда же был снят план, определены его приблизительные границы, выяснена структура культурного слоя, составлен паспорт памятника[3].

С 2010 года раскопки селища ведет Ярославская археологическая экспедиция под руководством А. А. Пакина и В. В. Праздникова. Исследования позволили существенно уточнить границы и топографию памятника. Первоначально о его местоположении и границах существовали два разных мнения: М. В. Фехнер считала, что селище расположено на верхних береговых террасах, а К. И. Комаров – непосредственно при устье ручья. Первоначально, в 2010 году, изыскания проводились на участках, подверженных разрушению, вдоль берегов реки Волги и Яковлевского ручья, но несмотря на мощность культурного слоя, доходящего местами до 50 см, собранный материал был крайне незначителен. Поверхность раскопа имела существенные повреждения, наиболее значительные по линии берега Волги. Обнаруженные в ходе раскопок естественные углубления в виде полос образовались в результате размыва береговой линии и впоследствии были заполнены культурным слоем. Одна из таковых линий, проходящая с запада на восток, значительно углубляется в сторону берегового обрыва и представляет собой небольшой засыпанный овраг. Незначительное количество керамики (139 фрагментов) включало как древнерусскую, так и позднюю красноглиняную, чернолощеную и поливную. Находки фрагмента удил, гвоздя и монеты номиналом 20 коп. 1945 года в 1, 2 и 4 пласте соответственно также свидетельствуют о перемешанности культурного слоя.

Были подтверждены выводы, сделанные М. В. Фехнер о том, что селище занимает верхнюю надпойменную террасу, имеет протяженность вдоль берега Волги 180–200 м и ширину около 80 м. Удаленность селища от обрыва береговой линии предотвратила его обрушение, что косвенно свидетельствует о возможности неплохой сохранности ранних культурных напластований на значительной площади.

В последующие годы раскопы проводились только вдоль берега Волги. К сожалению, большая часть культурного слоя оказалась перемешана, видимо, в ходе распашки, и неповрежденный слой темно-коричневой супеси

---

1 *Фехнер М. В.* Селища Ярославского Поволжья X–XIII вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Ярославль, 1957. С. 195.

2 *Фехнер М. В.* Отчет об археологических работах в 1956 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1228. Л. 5–6.

3 *Крайнов Д. А.* Отчет о работах Верхневолжской археологической экспедиции за 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6618. Л. 34–35.

с вкраплениями угля сохранился только на части раскопа. Обнаруженные в результате исследований ямы, исходя из датировки индивидуальных находок и анализа керамического материала, несомненно, относились к времени существования селища. Так, яма 1, исследованная в 2011 году, по всей вероятности, являлась частью постройки. Исходя из формы, конструкции и заполнения, а также учитывая наличие булыжной вымостки, она относилась к небольшому жилищу, возможно временного характера. Вторая яма из того же раскопа, учитывая ее конструктивные особенности, относилась к постройке хозяйственного назначения.

В раскопе 2012 года интерес представляет яма 1, имеющая значительную глубину и сложную конструкцию. По всей вероятности, яма производственно-бытового назначения и являлась частью более крупного комплекса. Обнаруженные в непосредственной близости одинаково ориентированные канавы, вероятно, являлись частью конструкций ограждений этого комплекса, о чем свидетельствуют характерные округлые углубления в одной из канав. Ямы 2 и 3, судя по форме и конструкции, хозяйственного назначения. Довольно значительная группа небольших столбовых ям, сконцентрированных на небольшом участке, может являться частью легкой строительной конструкции, возможно, также являющейся частью производственного комплекса.

В 2013–2015 годах на материке также обнаружилось несколько ям хозяйственного и столбового назначения. Обращает на себя внимание канава 1 из раскопа 2013 года, имеющая довольно значительную протяженность. По всей вероятности, канава является частью конструкций ограждения (плетень, частокол), о чем свидетельствуют ряды характерных углублений, идущих параллельно краям канавы.

Всего за 7 лет раскопок была исследована площадь в 1450 м^2. Размеры раскопа варьировались от 294 м^2 в 2011 году до 160 м^2 в 2015 и 2016 годах. Примечательно, что количество керамического материала и индивидуальных находок зависели скорее от расположения раскопа, чем от его размеров.

Помимо находок, относящихся к средневековью, на поселении в небольшом количестве встречаются кремневые изделия мезолитического облика — нуклеусы, отщепы, ножевидные пластинки (рис. 1). Правда, их количество уменьшается по мере удаления от реки, так что возможная стоянка по большей части уже ушла под воду.

Всего в ходе исследования была собрана большая коллекция керамического материала – 14 351 фрагмент (табл. 1).

Большую часть керамики — почти 90% — составляют обломки древнерусской круговой посуды конца XII–XIII веков. Керамика среднего качества, в основном с примесью мелкой или средней дресвы. Помимо значительного числа стенок, венчиков и донец от горшков и, значительно

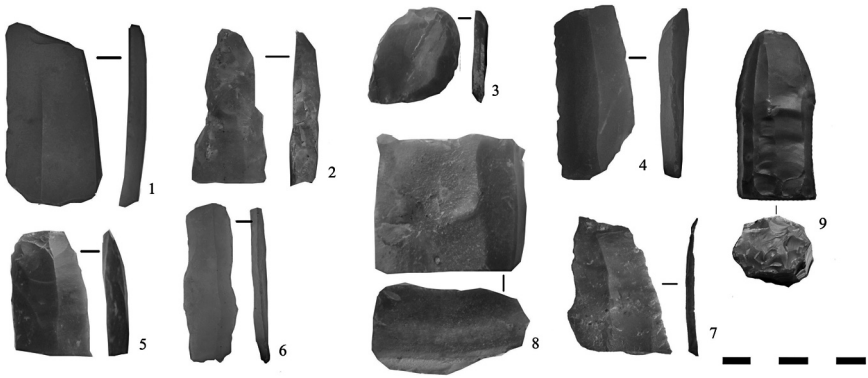


Рис. 1. Кремневые изделия: 1–6 — ножевидные пластины, 7–8 — нуклеусы

Таблица 1. Керамика из раскопок селища Яковлевское 3

Год	Древнерусская (конец XII–XIII века)	Белоглиняная (конец XII– XIII века)	Красноглиняная (XVIII–XIX века)	Поливная (XVIII–IX века)	Чернолощеная (XVIII век)	Лепная (сетчатая и ямочно-гребенчатая)	**Итого**
2010	111	10	4	9	4	1	**139**
2011	2133	154	104	22	3	1	**2417**
2012	2042	166	76	26	7		**2317**
2013	844	72	49	12			**977**
2014	1816	140	47	6	1	2	**2012**
2015	2068	189	51	30	2		**2340**
2016	3612	385	125	22	4	1	**4149**
Итого	**12 626**	**1116**	**456**	**127**	**21**	**5**	**14 351**
	87,98%	**7,78%**	**3,18%**	**0,88%**	**0,15%**	**0,03%**	

реже, мисок и чашек, иногда попадаются крышки сосудов (рис. 2: *1–3*). За все годы раскопок был найден только один полный профиль горшка начала XIII века (рис. 3: *1*).

На донцах трех сосудов имелись клейма – круг, т. н. «знак рюриковичей», и геометрический символ подтреугольной формы с вытянутым вправо верхним углом (рис. 3: *2*).

Орнаментировано около 15% керамики. Наиболее часто встречаются: линия и линейный многоряд (50%), волна и волновый многоряд (30%), прямоугольный и треугольный штамп (18%), реже лункообразные и округлые вдавления (3%), нарезы единичны.

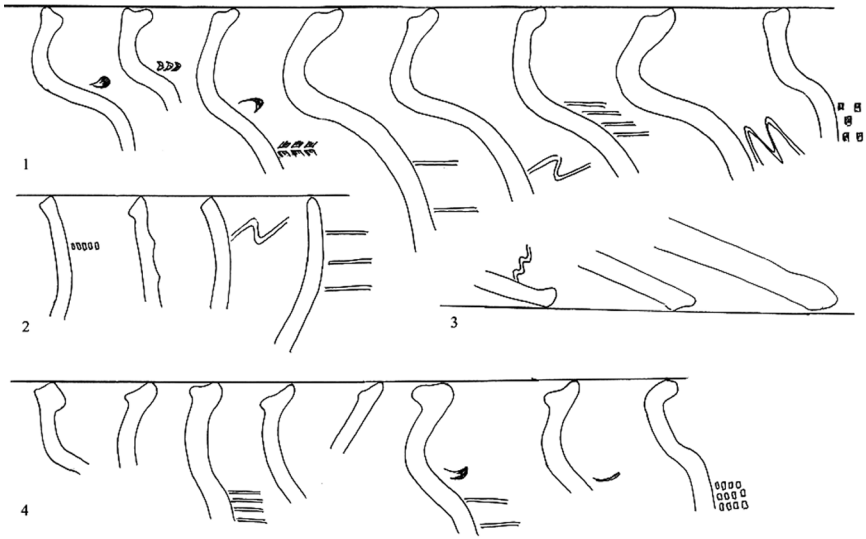


Рис. 2. Древнерусская красноглиняная гончарная керамика:
1 – горшки, 2 – миски и чашки,
3 – крышки, 4 – древнерусская белоглиняная гончарная керамика

Рис. 3. 1 – полный профиль древнерусского
гончарного сосуда, 2 – гончарные клейма

На втором месте по количеству древнерусская белоглиняная керамика — 7,78%. Полных профилей найдено не было, также как и иных форм, кроме горшков (рис. 2: *4*) Керамика сероватого цвета и среднего качества. Орнаментировано около 10% керамики, наиболее часто встречаются: линия и линейный многоряд (65%), реже – волна (15%), нарезы и прямоугольный штамп единичны.

Небольшой процент составляют фрагменты поздней керамики XVIII–XIX веков: красноглиняной (3,18%), поливной (0,88%) и чернолощеной (0,15%). Они, как и монета 1800 года, видимо попали сюда спустя значительное время после прекращения существования средневекового поселения. В материковых ямах поздний материал отсутствует.

За 7 лет раскопок в культурном слое было найдено 5 фрагментов лепной керамики, из них 1 фрагмент ямочно-гребенчатой и 4 фрагмента сетчатой. Видимо, они попали сюда случайно.

Набор индивидуальных находок традиционен для сельских поселений, но имеет свою специфику. Всего на поселении было найдено 183 предмета.

Среди железных изделий 31 нож, 13 гвоздей, 4 лодочных заклепки, 2 скобы, 2 пробоя, 2 фрагмента удил, фрагмент лезвия топора, сошник, ледоходный шип, стамеска и т. д. (рис. 4). Как показал металлографический анализ, при изготовлении многих предметов был использован металлолом. Часть ножей имеют наварные лезвия, а данная технология, по аналогии с Суздальским опольем, используется с рубежа XI–XII веков, получая широкое распространение в XII веке[4].

Железный наконечник стрелы с траченным черешком относится к типу 67 по классификации А. Ф. Медведева[5] и представляет собой срезень в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 5). Подобные стрелы появились на Руси в первой половине XIII века вместе с монголами.

Найдено также несколько фрагментов замков (две дужки и два цилиндра — тип В по Б. А. Колчину)[6] и два ключа того же типа. Датируются подобные изделия серединой XII — началом XV веков (рис. 6).

Из традиционных для сельских поселений находок можно также назвать 6 керамических рыболовных грузил и 7 оселков, один из которых с отверстием (рис. 7). На 13 шиферных пряслиц разных типов приходится всего два керамических (рис. 8).

В большом для сельского поселения количестве найдены стеклянные браслеты — 27 экземпляров (рис. 9: *1*). Большинство из них коричневого

---

[4] *Щербаков В. Л., Праздников В. В.* Кузнечные изделия из коллекции селища Яковлевское-3 в Угличском районе Ярославской области // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция. Ярославль, 2016. С. 195.

[5] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. М., 1966. С. 75.

[6] *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. №2. С. 95.

Рис. 4. Железные изделия: 1 — гвоздь, 2–5 — ножи, 6–8 — скобы и заклепка, 9 — сошник, 10, 12 — фрагменты удил, 11 — пробой

Рис. 5. Наконечник стрелы железный

Рис. 6. Фрагменты замков (1, 2, 4, 6) и ключи (3, 5)

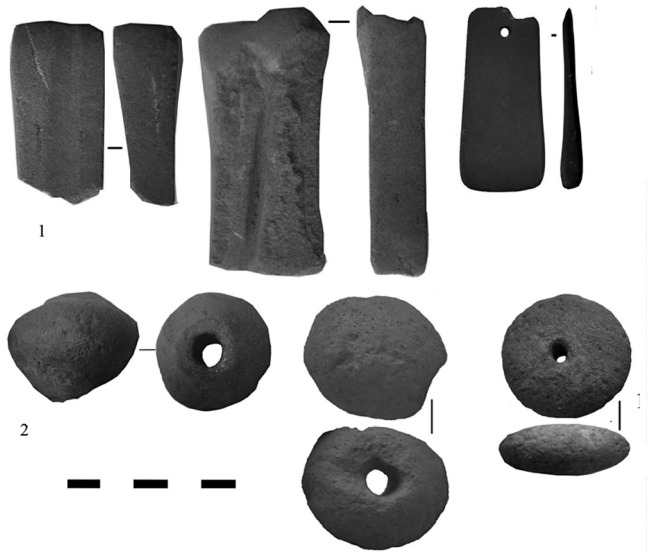


Рис. 7. 1 – каменные оселки, 2 – керамические грузила

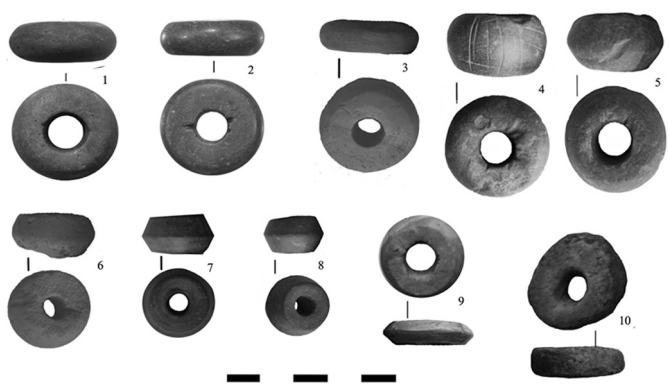


Рис. 8. Пряслица: шиферные (1–9) и керамическое (10)

или зеленого цвета, есть гладкие и крученые, причем часть крученых с желтой нитью. Найдены и сильно обожженные фрагменты, вплоть до совсем расплавленных (рис. 9: *2*).

Украшений или деталей костюма немного: две бронзовые привески от шумящих украшений, пара перстней — одно гладкое, другое ложновитое, несколько бронзовых накладок, витое височное кольцо, железная подвеска и несколько бус (круглые пастовая и стеклянная бесцветного стекла,

Рис. 9. Браслеты стеклянные (1) и расплавленный фрагмент браслета (2)

Рис. 10. Украшения и детали костюма:
1–2 — бубенчики бронзовые, 3 — бронзовая накладка,
4 — витое височное кольцо, 5–6 — перстни бронзовые,
7 — железная подвеска, 8–11 — бусины

Рис. 11. Кресты-энколпионы бронзовые

Рис. 12. 1 – фрагмент браслета, 2 – бусина

сильно патинированная, керамическая с мозаичным орнаментом и плоская костяная) (рис. 10).

Редко встречающейся на сельских поселениях категорией находок являются кресты-складни второй половины XII — начала XIII веков. Из двух найденных на селище экземпляров один представляет собой распространенную форму, а второй — редкий вариант, до сих пор известный лишь благодаря нескольким находкам их киевского региона[7] (рис. 11).

В 2016 г. в ходе раскопок были сделаны сразу две необычные находки. Во-первых, фрагмент сланцевого изделия, видимо, браслета, подтреугольного сечения, украшенного нарезками, аналогий которому пока найти не удалось (рис. 12: *1*). Во-вторых, бусина необычной формы (рис. 12: *2*). Я. В. Френкель (г. Санкт-Петербург) предположил, что это золотоордынский кашин конца XIII–XIV веков. Но, в отличие от широко распространенных круглых, биконических или ребристых светло-голубых кашинных бусин, наша имеет насыщенный бирюзовый цвет и скорее напоминает египетскую привеску амфоровидной формы: трехгранная коническая с желобками по граням с одной стороны и с двумя горизонтальными ребрами с другой. С. И. Валиулина (г. Казань) также отметила, что по цвету и качеству это больше похоже на позднеантичный фаянс, и предположила среднеазиатское происхождение бусины, поскольку там формы и отчасти качество фаянса сохранялись вплоть до XI века, после чего были полностью вытеснены иранским кашином. Так что пока вопрос и с браслетом, и с бусиной остается открытым.

Таким образом, и массовый керамический материал, и индивидуальные находки свидетельствуют о датировке селища последней третью XII– XIII веками. Поселение благополучно пережило монгольское нашествие, а судя по энколпионам, стеклянным браслетам, привозным бусам, его население было достаточно зажиточным.

---

[7] Подробнее см.: *Спиридонова Е. В., Праздников В. В.* Энколпионы с поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция. Ярославль, 2016. С. 166–173.

Список литературы и архивных источников

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2.
Крайнов Д. А. Отчет о работах Верхневолжской археологической экспедиции за 1977 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 6618.
Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. М., 1966.
Спиридонова Е. В., Праздников В. В. Энколпионы с поселения Яковлевское-3 Угличского района Ярославской области // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция. Ярославль, 2016. С.166–173.
Фехнер М. В. Отчет об археологических работах в 1956 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1228.
Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья X–XIII вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Ярославль, 1957.
Щербаков В. Л., Праздников В. В. Кузнечные изделия из коллекции селища Яковлевское-3 в Угличском районе Ярославской области // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция. Ярославль, 2016. С. 190–196.

П. Н. Травкин

Плес

Строительная жертва в основании крепостного вала Алабужского городища

Алабужское (Пеньковское) городище расположено на правом берегу Волги, в 12 км к востоку от г. Плес Ивановской области. Памятник отмечен в сводке В. Г. Пирогова в 1890 г., а затем в публикации Ф. Д. Нефедова. В 1929 г. Л. А. Евтюхова и О. А. Кривцова-Гракова произвели его шурфовку. С 1989 по 1997 гг. автор статьи исследовал раскопками почти всю площадь памятника[1].

Судя по данным раскопок, городище возникло в середине I тыс. до н. э. как мысовое укрепленное поселение, защищенное с юга валом и рвом. С запада и востока естественной защитой служили овраги. При этом овраг с восточной стороны был менее глубоким, так что первоначально дополнительной защитой здесь служил «длинный дом» вдоль всего края поселения, выполнявший одновременно и функцию крепостной стены.

Длинный дом сгорал и вновь сооружался (прослежено три строительных горизонта). Ориентировочно в середине I тыс. н.э. последний «длинный дом» прекратил свое существование, и в крепости стали возводиться отдельные срубные постройки. На месте же общего жилища с восточной стороны крепости был насыпан дополнительный оборонительный вал. Его возведение предварялось сложным ритуалом жертвоприношения, которое, очевидно, было призвано обеспечить прочность нового сооружения.

Дары божественным силам Нижнего мира были положены в основание насыпи по всей ее протяженности и представляли собой в остатках отдельные комплексы; расстояние между двумя крайними состав-

[1] Археологическая карта России: Ивановская область / сост. К. И. Комаров. М., 1993. С. 135–137.

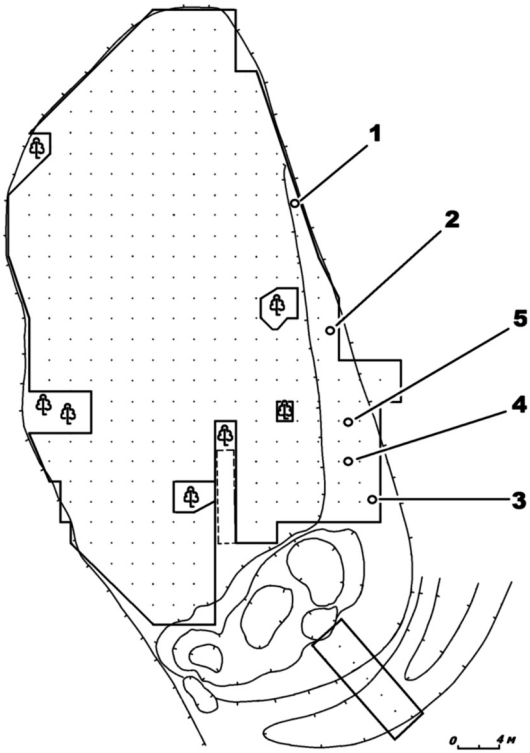


Рис. 1. Алабужское (Пеньковское) городище. Местоположение локальных комплексов строительной жертвы

ляло 30 м. Стратиграфически строительная жертва фиксировалась довольно хорошо. Насыпь легла на черный гумусированный пласт последнего сгоревшего длинного дома, а сама состояла в нижней своей части преимущественно из светлой супеси или супеси примечательного бежевого цвета, возможно, получившей такую окраску в результате перемешивания с горящими углями. Кроме углей, в этих нижних слоях насыпи было заметно присутствие довольно крупных фрагментов керамики (лепной, но с хорошо отглаженной поверхностью или лощеной) и костей крупных жвачных животных; все это, несомненно, было связано с ритуальной стороной нового строительства. Остатки жертвоприношений как раз и находились между контрастирующими по цвету слоями сгоревшего дома и насыпанного над ним вала.

Часть вала обсыпалась по склону, но западный, внутренний ее край фиксировался следами подпорной стенки, и все обнаруженные нами отдельные жертвенные комплексы за пределы это стенки не выходили, находясь восточнее, то есть внутри конструкции. Всего комплексов насчитывалось пять (рис. 1).

Два из них, в северной части, представляли собой кости жертвенных животных — двух коней — на двух разных кострищах, отстоящих на 12 м один от другого.

1. Контуры северного кострища (комплекс 1) плохо прослеживались, поскольку вокруг наблюдались интенсивные углистые отложения после сгоревшего «длинного дома». Здесь, в двух метрах от северной оконечности

подпорной стенки, под светлым слоем насыпи, в углистом слое, обнаружен конский череп плохой сохранности, лежавший носовой частью на север, без нижней челюсти. Под ним — несколько также плохо сохранившихся крупных костей, видимо, того же животного.

Рис. 2. Комплекс № 2. Кострище с костями жертвенного животного (коня)

2. Более отчетливыми были контуры второго кострища (комплекс 2), углубленного, линзовидного в сечении, метрового в диаметре. Череп также плохой сохранности, в раздробленном состоянии. Рядом, южнее, разрозненные крупные кости, в основном конечностей животного. Ребра и позвонки отсутствовали, что объяснимо, поскольку в подобном древнем ритуале мясо шло на общий пир участников, а голова и конечности предназначались богам. Свидетельства тому мы находим как в археологических, так и в древних письменных, а также этнографических источниках[2]. Под костями, среди углей, встречались довольно крупные фрагменты лепной неорнаментированной керамики (в виде скопления, но без развалов) (рис. 2).

3. На южной оконечности восточного вала, у места его смыкания с основным, под слоем бежевой супеси с угольками и на тонкой углистой прослойке, перекрывавшей слой «длинного дома», был найден нижний жернов ручной мельницы. Жернов оказался расколот на три части, но все они лежали в нужном порядке. В пяти метрах к северу найдены отдельные обломки верхнего жернова (судя по всему, парного найденному нижнему); он был изготовлен из того же местного не очень прочного ракушечника и также изрядно стерт от работы. Как представляется, мельница была

[2] *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Гамбург, 2016. С. 116; *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 50; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 87; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.

Рис. 3. Жертвенный комплекс № 3 с остатками ручной мельницы

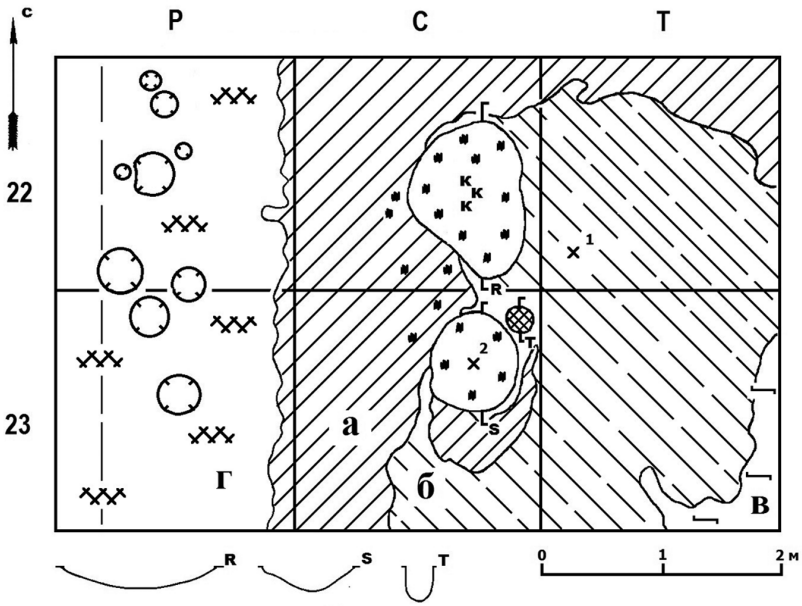


Рис. 4. Жертвенный комплекс № 4. а – черный гумусированный песчаный слой; б – бежевая супесь с углями; в – желто-коричневый неоднородный песок; г – материк. Находки: 1 – серп; 2 – чернолощеная миска

разбита одним сильным ударом сверху, остатки верхнего жернова затем разбросаны.

Изначально же, в процессе ритуала, мельница была поставлена на большой кусок бересты, который, в свою очередь, был положен на еще не до конца остывшие угли (береста частично обуглилась). Вокруг нижнего жернова были найдены челюсть крупного жвачного животного (также на куске бересты), еще несколько костей животных и крупные кости рыб (рис. 3).

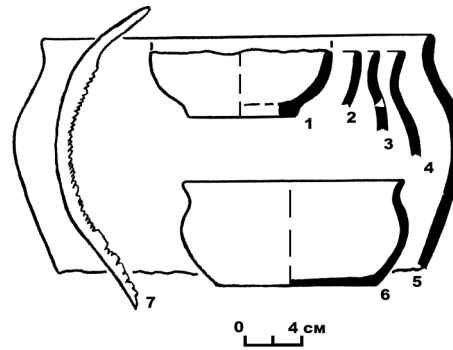


Рис. 5. Находки из жертвенного комплекса № 4: 1–5 — фрагменты неорнаментированных сосудов; 6 — чернолощеный сосуд; 7 — железный серп

4. Далее по линии дополнительного вала, в 2 м к северу от жернова и костей, были обнаружены два линзовидных в сечении кострища, диаметром 80 и 110 см, на расстоянии 40 см одно от другого (рис. 4). Кострища были выкопаны в бежевой присыпке черного слоя сгоревшего «длинного дома» и в дальнейшем засыпаны той же бежевой супесью; большая часть кострищ оказалась заглубленной в черный слой. В южном, более широком кострище, был найден развал чернолощеной миски (рис. 5: *6*). В северном — крупные фрагменты неорнаментированной хорошо отглаженной керамики (некоторые фрагменты ошлакованы), а также кости крупных жвачных животных. Между кострищами, с некоторым смещением к востоку, прослежена столбовая яма диаметром 18 см, уходившая в черный жилой слой и заполненная светлым грунтом насыпи вала. Скорее всего, здесь было поставлено какое-то изображение, перед которым и горели два костра, куда отправлялось угощение. После совершения ритуала вкопанный ритуальный предмет был вынут, а яма заполнилась землей из насыпи. В полуметре к востоку от кострищ был воткнут острием вниз железный серп. Передняя его половина оказалась в черном слое, задняя, с черешком — в вышележащем бежевом (рис. 5: *7*).

5. Пятая составляющая большого жертвоприношения (комплекс 5), еще в четырех метрах к северу, оказалась самой впечатляющей. Она представляла собой четыре сотни ювелирных изделий — металлических деталей праздничного женского костюма. В широком, до 2 м, овальном кострище с нечеткими границами, ювелирные изделия были встречены в виде двух скоплений в сорока сантиметрах одно от другого, на углях и в углях, а отчасти в перекрывающем бежевом слое насыпи

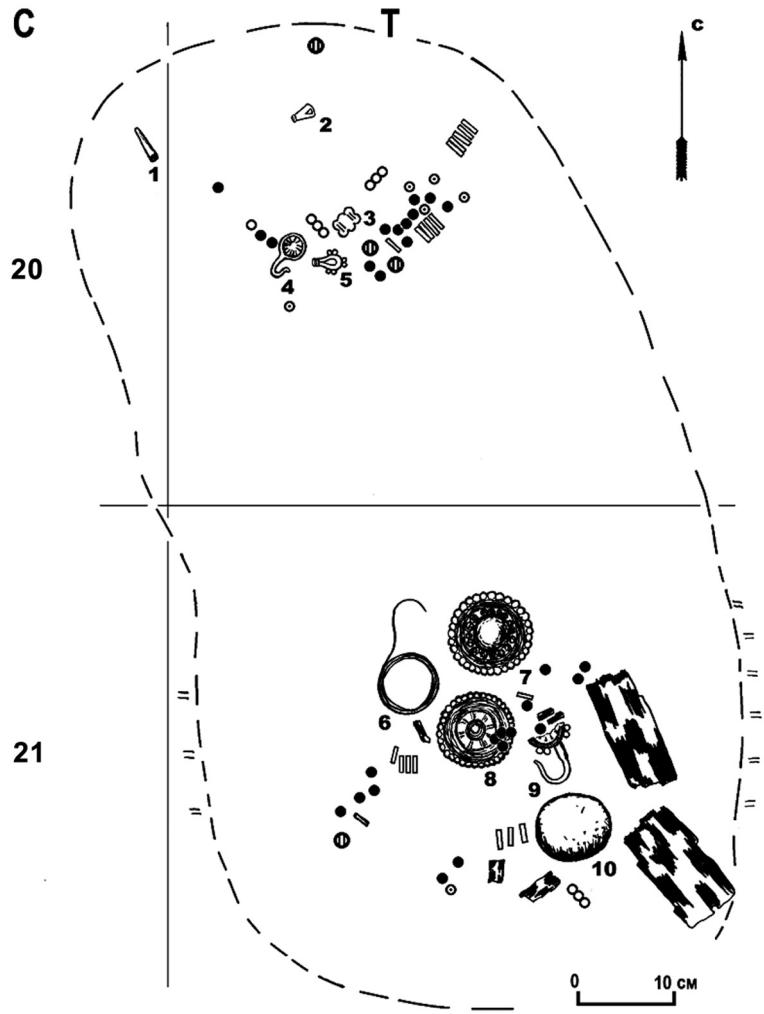


Рис. 6. Комплекс № 5 с остатками костюма. Верхний слой (глубина 108–112 см). Находки: а – пронизки; б – бляшки-скорлупки; в – тройные бляшки-скорлупки; г – обоймицы головного венца; д – стеклянные бусы; е – крупные бляшки-скорлупки; 1 – железная втулка; 2 – конусовидная подвеска; 3 – тройная волютообразная пронизка; 4, 9 – височные подвески; 5 – петлеобразная подвеска; 6 – браслет с отогнутым концом; 7, 8 – ажурные бляхи; 10 – камень-курант

дополнительного вала (рис. 6). Вокруг принадлежностей костюма были найдены:

– с южной и юго-западной стороны — три обломка верхнего жернова ручной мельницы и втулка наконечника копья, схожего с двушипными, встреченными в Кочкинском, Хотимльском и Холуйском могильниках Ивановской обл. (VII — нач. VIII вв. н. э.) и с более ранними других территорий (городище Ножа-Вар, III–V вв. н. э.)[3]; вещи обнаружены в светлом слое с углями и крупными фрагментами лепной неорнаментированной керамики, на 15–20 см выше ювелирных изделий костюма;

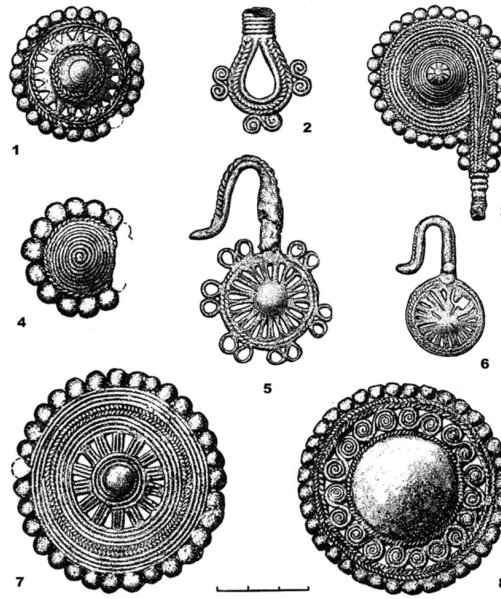


Рис. 7. 1–8 — крупные ювелирные изделия из пятого жертвенного комплекса. Цветной металл (медный сплав)

– с северной стороны — 2 втулки от небольших копий (дротиков?) и железное шило (на 3–5 см выше ювелирных изделий, в светлом и черном углистом слое).

– в самом кострище вместе с кладом ювелирных изделий (на уровне самых верхних предметов) – пест (курант) от зернотерки.

Судя по всему, в жертву Нижнему миру были отправлены принадлежности одного праздничного костюма, причем, только верхней его части и с большим количеством солярных знаков. В их число входили 4 крупные ажурные бляхи (рис. 7: *1, 4, 7–8*), ажурная головка от булавки (с обломком припаянной железной иглы на месте крепежа) (рис. 7: *3*),

[3] *Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В.* Кочкинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1988. Вып. 14. Рис. 8; *Граков Б. Н.* Дневник раскопок финского могильника у села Хотимль Шуйского уезда. Отчет об археологических раскопках и разведках в 1926 году // Архив ИГОИРМ. 07-3/2; *Голышев И. А.* Археологические находки близ слободы Холуя Вязниковского уезда // Собрание сочинений И. А. Голышева. СПб., 1899. Том 1. Вып. 2. С. 147–149; *Мясников Н. С.* Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических источников. Чебоксары, 2013. Рис. 10: 16.

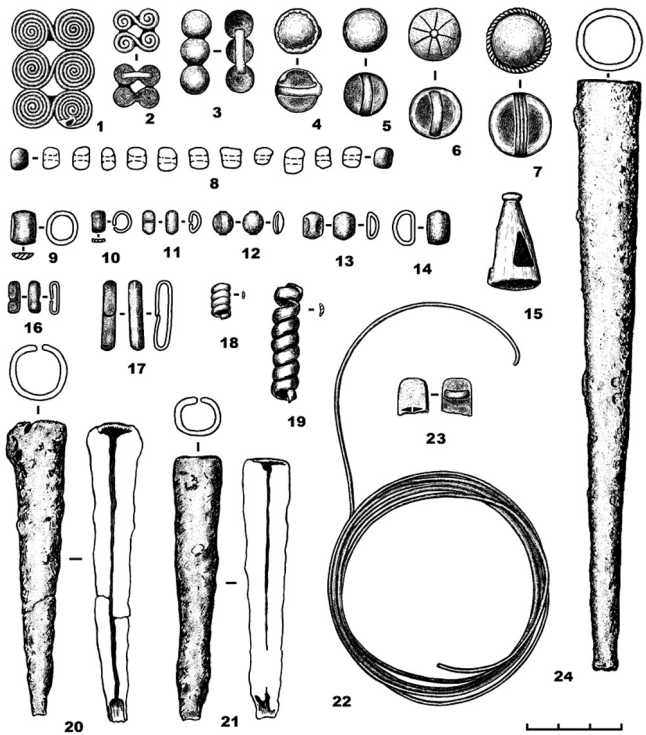


Рис. 8. Вещи из пятого жертвенного комплекса.
1–7, 9–14, 16–19, 23 — пронизки; 8 — бусы; 15 — конусовидная привеска;
20, 21, 24 — втулки наконечников копий; 22 — деформированный браслет.
1–7, 9–19, 22–23 — цветной металл; 8 — стекло; 20, 21, 24 — железо

мелкие и крупные полушарные бляшки-пронизки, волютообразные тройная и двойная пронизки, бляшки-скорлупки, в том числе тройные, колечковые и полукруглые в сечении стержня спиральные пронизки (рис. 8: *1–7, 9–14, 18–19*).

В скоплении с наибольшим количеством предметов крупные изделия лежали сверху, а почти все мелкие металлические детали снизу. Можно предположить, что большая часть мелких деталей изначально была вплетена в ткань (что традиционно для древних финнов), либо они были позднее прикреплены в какой-то орнаментальной композиции на платье. В таком случае представляется вероятным, что в ходе ритуала на кострище сначала была сложена одежда, потом на нее, сверху, полагающиеся к ней украшения. От ткани сохранился один маленький фрагмент, саржевого плетения, внутри пронизок — следы органики.

Обращают на себя внимание остатки головного убора — две височные солярные подвески (рис. 7: *5–6*). Подвески найдены не вместе, а в двух упомянутых скоплениях ювелирных изделий разнесенного надвое комплекта костюма. И так же в разных кучках были найдены пронизки от одного налобного венца (рис. 8: *17*). Из этого следует, что в ходе ритуала головной убор был специально разделен пополам. Для этого пришлось перерезать его берестяную основу (сохранились некоторые фрагменты основы и на них по нескольку пронизок). И здесь налицо свидетельство особого ритуального действия — своего рода «убийства» жертвенного предмета (в дополнение к свидетельствам о разрушении вышеупомянутой ручной мельницы)[4].

Очередное специальное ритуальное действие фиксируется находкой спирального браслета (рис. 8: *22*). Что важно: среди многочисленных предметов это единственная принадлежность нижней сакральной зоны костюма (как известно, ритуальный костюм отражает вертикальную схему мифологической картины мира). Браслет был положен на большое скопление ювелирных изделий сверху. Край браслета намеренно отогнут, ему была придана особая форма. Мало того, что спиральный браслет в древней мифологии символизировал змею, — в приданной форме угадывалась змея, свернувшаяся кольцом и с тревожно поднятой головой. Первая ассоциация: змея, стерегущая клад. Ту же роль выполнял, например, особый предмет, положенный вместе с кладом слитков цветного металла на городище Выжегша: специально деформированный, свернутый в спираль браслет с головкой змеи. В верхневолжских древностях еще немало таких примеров, которые отражают мифологическую роль змеи в контактах Нижнего и Среднего мира — будь то сохранение клада, захоронение мертвеца или жертвоприношение[5]. Очередным примером, на наш взгляд, стали так называемые «височные кольца с лопастью» из погребений могильника Большое Давыдовское 2. На самом деле, это не височные кольца (солярные символы), а спиральные браслеты с припаянными к ним декоративными наручами (в хронологически синхронном Кошибеевском могильнике их и находили, за редким исключением, на руках погребенных). Давыдовские браслеты в большинстве случаев были положены парно с одной стороны от головы умершего и, символизируя змей, призваны были «запереть»

---

[4] Уместно вспомнить в этой связи описание Ахмедом Ибн Фадланом способа казни в поволжских землях конца I тыс. н.э.: провинившегося убивали, разрубая надвое — в чем мы видим не особую жестокость, а следование ритуалу. *См.:* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.

[5] *Леонтьев А. Е.* Археология Мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 204–205; *Травкин А. П.* Символика змеи в древностях Верхневолжья // Краеведческие записки. Иваново, 2014. Вып. 15.

покойников в Нижнем мире или сопроводить их туда, где обитают предки (трактовка по материалам этнографии марийцев)[6].

Особенности таких волшебных контактов, связанные с верхневолжской раннесредневековой финской мифологией, просматриваются и в других остатках вышеописанной большой строительной жертвы. Здесь мы найдем обряд «запирания» предметов в Нижнем мире с помощью острых предметов, манипуляции с керамической посудой, включение углей в ритуальную засыпку, отметим роль огня в переходе из мира в мир, отправление в жертву божествам Преисподней символов Верхнего мира. Наконец, просто нельзя не заметить, что приношение Нижнему миру ручной мельницы — это яркая иллюстрация к финскому эпосу, где священная мельница, как видим, это не обязательно карело-финская Сампо, а эпос — не обязательно «Калевала».

Основанием для определения времени совершения обряда и строительства дополнительного вала городища могут служить, в первую очередь, ювелирные изделия упомянутого костюма. Большая часть их форм находит аналогии на памятниках первой половины — середины I тыс. н. э., и география этих памятников обширна, что объясняется активностью международных контактов и быстрым распространением стилистических «новинок» в ювелирном деле, в художественном оформлении костюма (при условии семантического соответствия).

Так, если говорить о крупных ажурных бляхах, то подобные формы (но меньших размеров, чем алабужские) происходит с той же территории, из «домика мертвых» Березняковского городища, который «едва ли может быть датирован временем позднее V века», а также из насыпи вала городища Попово[7]. Известны крупные ажурные бляхи на памятниках Подмосковья. Более 20 подобных изделий найдено А. Н. Башенькиным на территории Вологодской области преимущественно в финских курганах 1 пол. – сер. I тыс. н. э. (по мнению исследователя, формы данных изделий восходят к пьяноборским, но, как утверждал А. К. Амброз, они доживают как минимум до VI в. н. э.)[8]. Похожие по стилю оформления вещи есть даже на территории Азербайджана (до V в. н. э.) и Дагестана

---

[6] Подобное обрядовое использование браслета в единичном случае отмечается в могильниках Кошибеево и Польное-Ялтуново. См.: *Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.* Могильник Большое Давыдовское 2 — погребальный памятник I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // Российская археология. 2010. № 1. С. 44–48; *Алихова А. Е.* Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1958. Вып. 72. С. 38.

[7] *Леонтьев А. Е.* Археология Мери. С. 227; *Леонтьев А. Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 87.

[8] *Башенькин А. Н.* Восточнофинские компоненты культуры веси // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 29.

(V–VII вв. н. э.)[9]. В начале второй половины I тыс. н. э. в районе Верхней Волги используются бляхи с теми же элементами оформления, но не с умбоном в центре, а с отверстием и иглой для крепления к одежде (Холуйский, Безводнинский могильник)[10]. При этом мотив спирального умбона в ювелирных изделиях сохраняется и во второй половине тысячелетия[11].

Булавки со спиралевидным навершием, найденные в упомянутом «домике мертвых» Березняковского городища и в составе алабужского клада, формально можно отнести к одному типу, однако насколько они разнятся по качеству оформления! (рис. 7: *3*) Изящна и совершенна алабужская петлевидная подвеска (пронизка) (рис. 7: *2*). Лучшего качества изготовления и крупнее своих ближайших аналогов, как указано выше, нагрудные бляхи из клада. Здесь надо заметить, что и упомянутая булавка из клада, возможно, использовалась уже не как булавка, а как подобная бляха, поскольку впаянная когда-то в бронзовое навершие железная игла была обломана, а с тыльной стороны припаяна крепежная петля. Колокольчатые (конусовидные) привески с треугольными прорезями, аналогичные нашей, на волго-окских городищах датируются, по мнению И. Г. Розенфельдт, V–VI вв. н. э. (рис. 8: *15*). По ее же мнению (с опорой на выводы А. Ф. Дубынина, В. В. Седова, А. К. Амброза), бляшки-скорлупки, и в частности, тройные (рис. 8: *3*), в круге региональных памятников могут быть отнесены к VI–VII вв.[12] Не позволяет удревнить датировку клада и заметно большое количество лощеной керамики, оставшееся на месте алабужского жертвоприношения[13].

Следует учесть также, что многие изделия клада сильно изношены. А по свидетельству Е. А. Рябинина, изучавшего материалы ближайших к Алабужскому (Пеньковскому) городищу курганов (раскопки Ф. Д. Нефедова), в женских костюмах можно было встретить отдельные вещи более древние, чем другие, современные дате погребения (подвески-дирхемы, бусы, некоторые виды подвесок)[14].

Наконец, набор принадлежностей создает впечатление, что изначально они не составляли комплект одного носимого кем-то костюма. Возможно, жительницы поселения собрали комплект «в складчину»,

---

[9] *Халилов Дж. А.* Археологические памятники I тыс. у с. Худжбала // Советская археология. 1965. № 3.

[10] *Голышев И. А.* Археологические находки ... Рис. 9; *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М., 1980. Рис. 36: *1–2*.

[11] *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги)... С. 49.

[12] *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. С. 19, 118.

[13] По мнению И. Г. Розенфельдт, лощеная керамика появляется на городищах дьякова типа только в IV в. н.э. См.: *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. С. 177.

[14] *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 62–63, 77, 92.

делясь содержимым своих «сундуков» (колод-укладок). Важно здесь обратить внимание и на вторичное употребление упомянутой булавки, и на сломанное изделие (рис. 7: *4*), и на разность форм и размеров блях. Вызывают вопросы и две явно не парные умбоновидные височные подвески головного убора. В костюмах жительниц данного поселения в это время были распространены формы типа рис. 7: *6*; на городище найдена, вне рассматриваемого комплекса, еще одна такая же. С той же формой связана и дужка на второй подвеске комплекса. Но только дужка: она оказалась нагрубо припаяна оловом (и, кажется, не в первый раз) к краю солярного изделия, которое, возможно, изначально служило одежной бляшкой. Если изделие все-таки относилось изначально к височным подвескам, то — не известной нам разновидности; отсутствуют на нем и отчетливые признаки места крепежа «родной» дужки (рис. 7: *5*).

Все вышеупомянутые частности не позволяют отнести клад, а вслед за этим и весь сложный многочастный жертвенный комплекс, сопровождавший возведение дополнительного укрепления городища, к 1 пол. I тыс н. э. Мы склонны (с известной долей осторожности) датировать его серединой тысячелетия — может быть, VI веком н. э.

Раннесредневековый финский мир Верхнего Поволжья оставляет нам богатый археологический материал для восстановления, казалось бы, утерянной мифологии древнего населения региона, которая в значительной мере повлияла на формирование древнерусской культуры. В свою очередь, нельзя не заметить, что обладание общими знаниями в области мифологии для исследователя-археолога на сегодняшний день приобретает все большее значение в попытке понимания тех древних археологических комплексов, которые выявляются в ходе планомерных тщательных раскопок. Такие знания позволяют увеличить объем информации, извлекаемой из археологических остатков.

Список литературы и архивных источников

Алихова А. Е. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1958. Вып. 72.

Башенькин А. Н. Восточнофинские компоненты культуры веси // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Археологическая карта России: Ивановская область / сост. К. И. Комаров. М., 1993.

Граков Б. Н. Дневник раскопок финского могильника у села Хотимль Шуйского уезда. Отчет об археологических раскопках и разведках в 1926 году // Архив ИГОИРМ. 07-3/2.

Голышев И. А. Археологические находки близ слободы Холуя Вязниковского уезда // Собрание сочинений И. А. Голышева. СПб., 1899. Том 1. Вып. 2.

Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В. Кочкинский грунтовый могильник // Этногенез и этническая история марийцев. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола,1988. Вып. 14.
Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. М., 1980.
Леонтьев А. Е. Археология Мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989.
Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // Российская археология. 2010. № 1.
Мясников Н. С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических источников. Чебоксары, 2013.
Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. ; Л., 1939.
Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 50; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
Смирнов К. А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.
Травкин А. П. Символика змеи в древностях Верхневолжья // Краеведческие записки. Иваново, 2014. Вып. 15.
Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Гамбург, 2016.
Халилов Дж. А. Археологические памятники I тыс. у с. Худжбала // Советская археология. 1965. № 3.

И. В. Фролов

Ярославль

Археологическое изучение Борисоглебского района: история и перспективы

Долгое время на основе данных письменных источников считалось, что территория Борисоглебской возвышенности подверглась освоению относительно поздно, не ранее XIV–XV вв., то есть в период основания здесь ростовского монастыря Бориса и Глеба на Устье. Однако археологические исследования показали, что древнейшие памятники на данной территории относятся еще к раннему железному веку.

Первые археологические изыскания в окрестностях Борисоглебского монастыря относятся к 1880-м гг. В книге ростовского краеведа А. А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии», изданной в 1885 г., впервые упоминаются Акуловское городище и курганы у деревни Сабурово. В 1920-е гг. сотрудниками ростовского краеведческого музея проводились раскопки Акуловского городища. Об этом свидетельствует сохранившийся в архиве Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль» план городища с нанесенной схемой расположения четырех рекогносцировочных траншей и двух шурфов[1]. Однако остается неизвестным, кто руководил этими работами и каковы были их итоги[2].

Во второй половине XX в. на территории Борисоглебского района работали разведочный отряд И. В. Дубова, экспедиция Ярославского государственного университета под руководством И. Л. Станкевич и В. И. Вишневского, отряды Волго-Окской и Верхневолжской экспедиций ИА РАН под руководством А. Е. Леонтьева и К. И. Комарова. В 2008 г.

---

[1] План Акуловского городища близ дер. Акулово Борисоглебской вол. Ростовского уезд. Ростов, 1920-е гг. // ОРКРАМ ГМЗРК. №727. Л. 1.

[2] *Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В.* История ярославской археологии. М., 2009. С. 88–93.

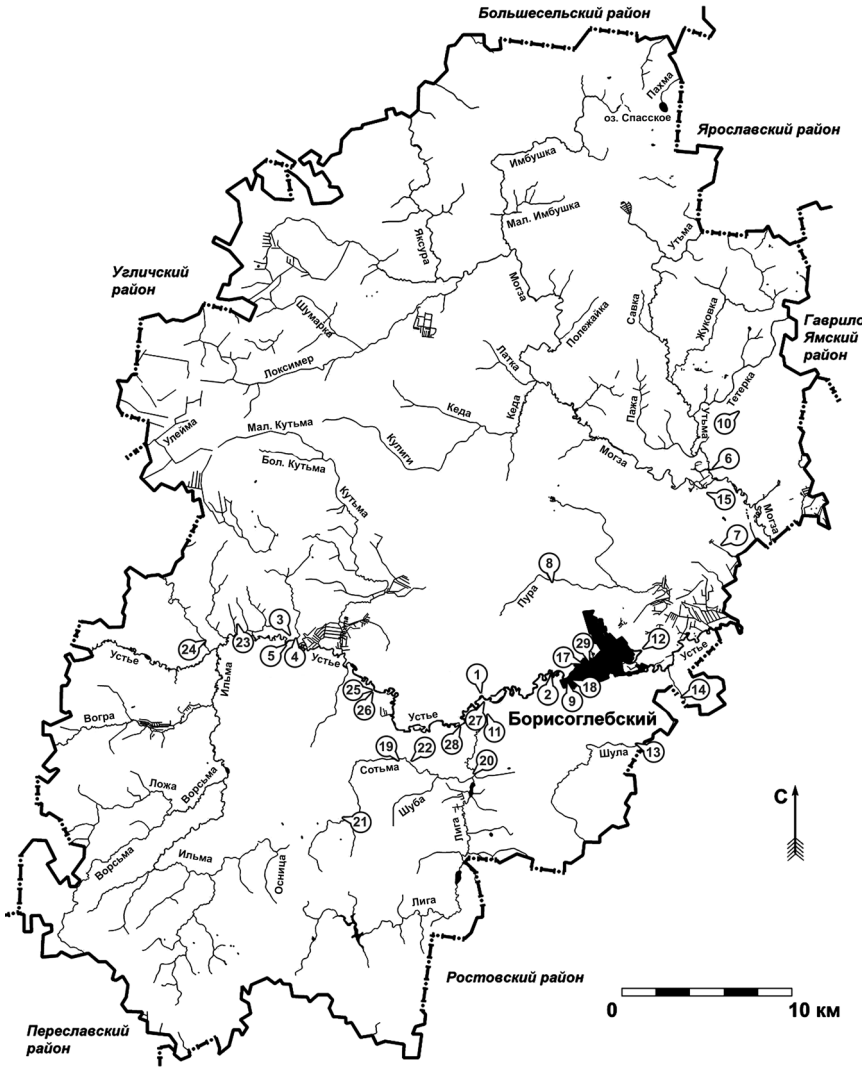


Рис. 1. Карта Борисоглебского района с указанием археологических памятников

с археологическими разведками по Борисоглебскому району прошла экспедиция ГМЗ «Ростовский Кремль» под руководством И. В. Купцова.

В 2012–2013 гг. археологические разведки на территории Борисоглебского района были организованы и проведены экспедицией ООО «Центра археологических исследований» совместно с ЯОО ВООПИК под руководством И. В. Фролова. Целью разведок было уточнить сведения Археологи-

ческой карты Борисоглебского района, сделать прогноз угроз уничтожения памятников и предложить мероприятия по их сохранению. К началу наших исследований на территории Борисоглебского района было зафиксировано девятнадцать объектов археологического наследия, семь из которых были включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации. В ходе археологических разведок 2012–2013 гг. число известных объектов археологического наследия (ОАН) возросло до тридцати двух, тринадцать из которых были выявлены впервые.

Целью данной статьи является обобщение информации об исследовании памятников Борисоглебского района на протяжении XIX — начала XXI вв., а также публикация данных о вновь выявленных в 2012–2013 гг. объектах археологического наследия.

Городища

Акуловское городище (рис. 1: *1*)[3]. Впервые памятник был упомянут А. А. Титовым. Исследователь отмечал, что площадка городища распахивалась, а впоследствии здесь был построен маслозавод[4]. На территории городища и сейчас видны следы фундамента маслобойных мельниц, стоявших здесь еще в начале XX в.

Новый этап в изучении данного объекта начался в 1970–1980-е гг. В 1976 г. И. Л. Станкевич заложила шурф площадью 2 м^2 у южного, испорченного карьером края площадки городища. В своем отчете Ирина Леонидовна писала: «Находки – в основном фрагменты керамики; кроме того, в 1 пласте найден фрагмент каменного точила, а во 2 пласте — фрагмент кости животного». Преобладание сетчатой керамики, в том числе среди подъемного материала, позволило сделать вывод о достаточно ранней датировке дьяковского городища[5]. В 1987 г. исследование Акуловского городища было продолжено В. И. Вишневским, учеником И. Л. Станкевич. Он датировал культурный слой Акуловского памятника второй половиной I тыс. до н. э., а также констатировал новые разрушения городища: у самого подножия склона был вырыт небольшой карьер с целью добычи гравия[6].

В 1993 г. при подготовке паспорта археологического памятника К. И. Комаров снял план Акуловского городища и составил его подробное топографическое описание. Константин Иванович первым из ис-

---

[3] Археологическая карта России: Ярославская область / авт.-сост. К. И. Комаров. М., 2005. С. 98.

[4] *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С.46, 49.

[5] *Станкевич И. Л.* Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1976 году. Ярославль, 1977 // Архив ИА РАН. № 6495. Л. 29.

[6] *Вишневский В. И.* Отчет о разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году. Ярославль, 1987 // Архив ИА РАН. №11934. Л. 4–6.

следователей обратил внимание на то, что за внутренним рвом поперек площадки городища отмечается овальное в плане возвышение высотой до 1 м, шириной в центре около 8 м. Исследователь выдвинул вполне обоснованное предположение, что, возможно, оно представляет собой оплывший внутренний оборонительный вал[7].

В 2013 г. осмотр Акуловского городища существенных изменений не выявил. На мысу площадки городища жители деревни Акулово вкопали стол и сделали место для костра.

Отметим, что в разное время исследователи по-разному определяли количество рвов и валов в системе фортификации городища. Так, И. Л. Станкевич называет два вала и два рва соответственно. К. И. Комаров насчитал три вала и два рва с напольной стороны и следы сильно оплывшего вала со стороны мыса. Наши наблюдения позволяют констатировать наличие трех валов и трех рвов с напольной стороны[8].

Устьинское городище (рис. 1: *2*) было открыто И. Л. Станкевич в 1973 г. Обнажение культурного слоя с керамикой раннего железного века было обнаружено в 0,7 км к юго-западу от д. Селище и в 17 м к востоку от деревянного моста через р. Устье, между двумя дорогами. Останец, по словам И. Л. Станкевич, представлял собой песчаный холм, вытянутый с запада на восток на 27 м, при наибольшей ширине около 3 м, и в том же направлении, судя по зачистке склонов, утоньшался культурный слой. Среди находок были фрагменты керамики дьякова типа (сетчатая керамика – 76%, штрихованная – 9%, гладкостенная –15%), а также три мелких кремневых отщепа. Эти находки позволили Ирине Леонидовне датировать культурный слой серединой-второй половиной I тыс. до н. э.[9] В 1987 г. изучением памятника занимался В. И. Вишневский. По его сообщениям, на городище к тому времени сохранилась лишь узкая полоска культурного слоя менее двух метров в ширину и не более десяти метров в длину. По соотношению групп керамики была подтверждена датировка культурного слоя серединой I тыс. до н. э.[10]

В период с 1989 г. по 1994 г. различными исследователями предпринимались безуспешные попытки зафиксировать остатки Устьинского городища. Был сделан вывод, что памятник полностью уничтожен. В 2013 г. снова была предпринята попытка уточнить местоположение

---

[7] *Комаров К. И.* Отчет о работе ярославского отряда в 1993 году. Москва, 1994 // Архив ИА РАН. № 18453. Л. 7.

[8] В будущем, для проверки наших выводов, планируется произвести изучение фортификации городища неразрушающими культурный слой методами геофизики, в том числе, методом точной тахеометрии.

[9] *Станкевич И. Л.* Отчет об археологических разведках в Ярославском и Борисоглебском районах Ярославской области в 1973 году. Ярославль, 1974 // Архив ИА РАН. № 4988. Л. 9–12.

[10] Там же. Л. 6–7.

Устьинского городища. Основные ориентиры, указанные в отчетах исследователей — мост и геодезический знак — не сохранились. Визуальный осмотр берегового обрыва позволил выявить небольшой участок обнажения культурного слоя протяженностью 0,75 м и мощностью около 0,07 м. В обнажении видно несколько очажных камней. Остаткам культурного слоя грозит окончательное уничтожение в результате естественной водной эрозии и выгона скота на водопой. Останец, упомянутый И. Л. Станкевич в отчете за 1974 г., представляет собой остатки прируслового вала, который на фоне карьерных разработок аллювиального песка (его добывали здесь с 1920-х гг.) выглядел значительной возвышенностью. Таким образом, заключение, что перед нами «незначительная часть почти полностью разрушенного дьяковского городища»[11], основанное на том, что культурный слой находится на уровне трех метров выше воды, вряд ли можно считать достаточно обоснованным. Вода в реке в летние месяцы находится на минимальном уровне. В период весеннего половодья вода в р. Устье может подниматься на 6 и более метров. Скорее всего, перед нами редкий случай обнаружения пойменного селища раннего железного века.

Городище на территории Борисоглебского монастыря (рис. 1: *17*). О возможности существования поселения, предшествовавшего Борисоглебскому монастырю, мы пришли в ходе тщательного осмотра территории монастыря, в ландшафте которого сохранились остатки мореного холма коренного правого берега р. Устье. В собранном подъемном материале оказался фрагмент стенки лепного неорнаментированного керамического сосуда. По аналогиям его можно датировать временем не ранее VII в. и не позднее XI в. Для более аргументированного заключения необходимо в будущем заложить разведочный шурф на месте остатков городища.

Курганные группы

Курганный могильник у д. Сабурово (рис. 1: *12*)[12]. Курган близ села Сабурово упоминается в труде А. А. Титова под названием «Панова гора»[13]. Краевед объяснял и происхождение подобного названия: крестьяне называют курганы «пановы могилы» или «панки», связывая их с панами, т.е. поляками, хотя в действительности подобное название имеет более древние корни и связано с финно-угорскими названиями погребальных памятников[14].

---

[11] *Станкевич И. Л.* Отчет об археологических разведках ... // Архив ИА РАН. № 4988. Л. 9.
[12] Археологическая карта России... С. 99
[13] *Титов А. А.* Указ. Соч. С. 473.
[14] Там же. С. 7.

В 1994 г. К. И. Комаров, опираясь на данные архива Ростовского музея, открыл курганный могильник у д. Сабурово. Памятник расположен в километре к ЗЮЗ от д. Сабурово на склоне левого коренного берега р. Устье на высоте 15–17 м. Согласно описанию, данному исследователем, курганная группа состоит из пяти полусферических насыпей высотой 0,3–0,6 м, диаметром 3–5 м. У кургана № 5 были заметны овальные в плане ровики. В 20 м к юго-востоку от него читались следы раскопа, в котором можно было заметить несколько валунов, вероятно, от каменной обкладки кургана. По внешним признакам К. И. Комаров атрибутировал курганную группу как древнерусский могильник домонгольского времени[15].

В 2008 г. курганная группа у д. Сабурово была повторно обследована И. В. Купцовым. В отчете исследователь отмечает, что еще один курган оказался испорчен кладоискательской ямой[16].

Тогда же была обнаружена вторая курганная группа у деревни Сабурово, которой было присвоено название **Сабурово-2** (рис. 1: *16*). Памятник находится в 110 м к юго-западу от курганной группы Сабурово-1 в небольшом перелеске посреди распаханного поля. Возможно, в древности обе группы входили в единый комплекс. Могильник насчитывает 14 насыпей высотой 0,5–1,2 м и диаметром до 6,5 м. Следов кладоискательских ям и каких-либо иных разрушений не выявлено. Типологически и по аналогии с первой группой датировку данного памятника можно определить в пределах XI–XII вв.[17]

Осмотр 2013 г. показал, что состояние обеих курганных групп за прошедшее время не изменилось. Следов новых нарушений целостности курганных насыпей не было зафиксировано.

Курганный могильник у д. Степаново (рис. 1: *11*)[18] упоминался в переписке Ростовского музея за октябрь 1926 г. — сентябрь 1927 г., из которой следует, что сотрудники музея планировали раскопки курганов[19]. Скорее всего, инициатором археологических работ мог быть Д. А. Ушаков, но планы так и не были осуществлены. Курганы были вновь открыты в 1993 г. К. И. Комаровым. Они находятся в 1,8 км к северо-западу от деревни на пологом склоне второй террасы правого берега р. Устье на высоте до 20 м относительно реки. Группа насчитывала 35 полусферических насыпей. По типологическим признакам К. И. Комаров датировал памятник X–XIII вв.[20]

---

[15] *Комаров К. И.* Отчет о работе ярославского отряда в 1994 году // Архив ИА РАН. № 22657. Л. 3.

[16] *Купцов И. В.* Отчет об археологических разведках в Борисоглебском районе Ярославской области в 2008 году. Ростов Великий, 2009 // ОРКРАМ ГМЗРК № А1957. Л. 11.

[17] Там же. Л. 11–12.

[18] Археологическая карта России... С. 99.

[19] *Комаров К. И.* Отчет о работе... Л. 8.

[20] Там же. Л. 8.

К. И. Комаров проверял сведения о других курганных группах на территории Борисоглебского района. Одиночная насыпь, зафиксированная И. В. Дубовым на окраине села Степановское (в настоящее время нежилое), не сохранилась. На указанном месте в ходе разведок 1993 г. К. И. Комаровым была зафиксирована яма от исчезнувшего жилого строения[21]. Проверены были и другие сведения о курганах, большая часть которых оказалась вымыслом местных жителей, народным преданием, не имеющим под собой достаточных оснований. Например, в д. Холм местными жителями курганом назывался высокий моренный холм. По предположению К. И. Комарова, именно он был ошибочно отмечен как курган на карте И. А. Тихомирова. Также не подтвердились сведения о курганах около с. Николо-Бой, у деревень Чудиново и Козлово. Во всех случаях речь шла о возвышенностях естественного происхождения[22].

В 2013 г. нами также были проверены сведения о кургане около деревни Дорки. Так называемый «курган» оказался останцом первой надпойменной террасы, сохранившимся благодаря растущим на нем вековым березам. Забавной выглядит попытка грабительских раскопок в поисках клада. Зачистка стенки кладоискательской ямы наглядно показала естественное строение всхолмления.

Возможность обнаружения на территории Борисоглебской возвышенности не известных археологам курганных групп сохраняется, но маловероятна. Скорее всего, курганные насыпи уничтожены в ходе механической распашки во второй половине XX в. Есть сведения о случайных находках на полях Борисоглебского района предметов, входящих в круг погребального инвентаря древнерусского времени, но они нуждаются в проверке.

Селища

В результате работ А. Е. Леонтьева в 1977 г. был выявлен целый ряд новых памятников археологии Борисоглебского района: селища Козлово, Сартаново (Андреевское селище), Троица-Бор, Заречье. Первое из них, **селище у д. Козлово** (рис. 1: *6*), располагалось на южной окраине одноименной деревни на левом коренном берегу р. Утьмы недалеко от ее впадения в р. Могзу. По совокупности подъемного материала А. Е. Леонтьев датировал культурный слой селища XI–XII вв. На момент разведок вся площадь селища была занята огородами и современными постройками[23].

---

[21] *Комаров К. И.* Отчет о работе... Л. 10.
[22] Там же. Л. 10–11.
[23] *Леонтьев А. Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА РАН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. № 6838. Л. 1, 7–8.

Селище у деревни Сартаново (или Андреевское селище) (рис. 1: *7*)[24] находилось в двух километрах к северо-востоку от одноименной деревни и занимало левобережное равнинное плато р. Устье, у восточной окраины бывшей д. Сартаново. По керамическому материалу селище было датировано А.Е. Леонтьевым XIV–XV вв.[25]

В 1977 г. А. Е. Леонтьевым также было обследовано **селище Заречье** (рис. 1: *8*)[26]. Оно располагалось в 0,3 км к юго-западу от одноименной деревни, на правом берегу р. Пуры. Поверхность селища подвергалась активной распашке. Подъемный материал селища был представлен в основном фрагментами керамических сосудов, среди которых преобладали красно- и сероглиняная гладкостенная керамика XIV–XV вв.[27]

Селище Троица-Бор (рис. 1: *9*)[28] впервые было обследовано в ходе археологических разведок 1986 г. А. Е. Леонтьевым. Оно расположено на юго-западной окраине поселка Борисоглебский в конце улицы Троица-Бор на мысу коренного правого берега реки Устье. Территория селища частично застроена, культурный слой местами был перекрыт остатками разрушенных церковных построек. Среди находок присутствовала гончарная керамика XIV–XVI вв. и значительно большее количество керамики XVII–XVIII вв., обломки изразцов, человеческие кости из разрушенных погребений, кости животных. По мнению исследователя, культурный слой памятника представляет собой остатки слободы, возникшей в позднее средневековье при одноименной церкви[29].

В 2012 г. было открыто **селище Троица-Бор-2** (рис. 1: *18*), расположенное на распаханной первой надпойменной террасе правого берега реки Устье. Поверхность памятника нарушена регулярной распашкой. Подъемный материал представлен в основном фрагментами керамических сосудов, самые ранние из которых могут быть датированы XIV в., а самые поздние рубежом XIX–XX вв. Основная масса керамики относится ко времени XVI–XVII вв. По всей видимости, перед нами селище, генетически связанное с селищем Троица-Бор. Скорее всего, это следы линии несохранившейся застройки одноименной слободы, известной по письменным источникам с середины XVI в.

В 1987 г. В. И. Вишневский выявил **Селище Горки-1** (рис. 1: *3*), которое располагалось в километре к югу-юго-западу от д. Горки Георгиевского сельсовета. Малое количество подъемного материала и отсутствие шурфов не позволило исследователю датировать селище каким-то определенным

---

[24] Археологическая карта России... С. 98.
[25] Там же. С. 99.
[26] Там же. С. 99.
[27] Там же. С. 99.
[28] Там же. С. 98.
[29] Там же. С. 98.

временем[30]. **Селище Горки-2** (рис. 1: *4*) было обнаружено в 0,5 км к югу от той же д. Горки на второй террасе левого берега р. Устье. По подъемному материалу объект был датирован В. И. Вишневским XVIII–XIX вв.[31]

Вновь окрестности д. Горки были обследованы И. В. Купцовым в 2008 г. Исследователь, не располагая сведения о предшествующих разведках В. И. Вишневского в этом месте, выявил селище на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Устье в 0,6 км к юго-западу от деревни. И. В. Купцов произвел сбор подъемного материала, который был представлен двумя небольшими фрагментами неорнаментированных стенок лепных керамических сосудов, а также двумя фрагментами печины. В западной части селища был заложен разведочный шурф, в котором были обнаружены четыре фрагмента стенок лепных сосудов, а также два фрагмента красноглиняных керамических сосудов плохой сохранности, которые предположительно можно датировать XIV–XV вв. Керамика XV–XVI вв. представлена единичным фрагментом стенки сосуда с линейным орнаментом. Из поздних образцов были обнаружены два фрагмента стенок поливных красноглиняных сосудов начала XX в. Состав находок позволил И. В. Купцову сделать заключение о наличии в структуре культурного слоя селища двух исторически сложившихся горизонтов[32].

Пока непонятно, являются ли селище, открытое в 2008 г. И. В. Купцовым, и селище Горки-1, выявленное в 1987 г. В. И. Вишневским, одним и тем же археологическим объектом, или перед нами случай обнаружения двух разных, хронологически последовательных друг другу селищ. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Селище Дедухино-1 было выявлено В. И. Вишневским на склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Устье. Оно располагалось в 0,5 км к юго-западу от одноименной деревни. По совокупности подъемного материала В. И. Вишневский датировал селище XVII–XIX вв.[33] **Селище Дедухино – 2** было обнаружено через овраг к западу от Дедухино-1, в 0,5 км к югу от той же деревни. Недостаточное количество подъемного материала не позволило В. И. Вишневскому дать однозначную датировку памятника[34]. Весьма вероятно, перед нами снова случай «блуждающего» пятна культурного слоя, который маркирует одно из мест бытования селища в прошлом. Расположение селища и датировка культурного слоя требует дополнительных исследований.

---

[30] *Вишневский В. И.* Отчет о разведках... Л. 4.
[31] Там же. Л. 4.
[32] *Купцов И. В.* Отчет об археологических разведках в Борисоглебском районе Ярославской области в 2008 году. Ростов Великий, 2009 // ОРКРАМ ГМЗРК № А1957. Л. 9–10
[33] Там же. Л.3.
[34] Там же. Л. 3.

Селище у с. Никола-Бой (рис. 1: 10) выявлено К. И. Комаровым в 1989 г. у южной окраины одноименного села на овальном в плане холме высотой 10–12 м, примыкающем с юго-западной стороны к более обширному холму высотой свыше 20 м с церковью на вершине. Северный и южный участок холма разрушены карьерами, уничтожившими значительную часть селища. В обрыве карьера был зафиксирован развал глинобитной печи. В обнажениях исследователем была собрана гончарная керамика, в том числе с линейным и волнистым орнаментом, подковка, верхний диск каменного жернова[35]. На основании найденных фрагментов керамики исследовательдатировал селище XII–XIII вв.[36]

Селище Красново (рис. 1: *13*) было открыто И. В. Купцовым в 1,3 км к югу от с. Красново. Обнажение культурного слоя в южной части селища произошло в результате проведения работ по благоустройству территории, прилегающей к источнику св. Иринарха. С восточной стороны культурный слой пострадал при строительстве шоссейной дороги Красново — Хаурово. На сегодняшний день значительная часть культурного слоя безвозвратно утрачена. Находки немногочисленны и представлены фрагментами стенок лепных неорнаментированных керамических сосудов и очажными камнями. Находки позволили исследователю датировать селище VIII — началом XI вв.[37]

Селище Свагуново (рис. 1: *14*), также выявленное И. В. Купцовым, располагалось на первой надпойменной террасе левого берега р. Шулы, в 0,5 км к западу от одноименной деревни. Поверхность селища почти полностью разрушена неглубоким карьером, в срезе которого на некоторых участках прослеживаются обнажения культурного слоя. Находки представлены фрагментами керамических сосудов, самые ранние из которых датируются временем не ранее XVI в., а поздние — концом XIX — началом XX вв.[38]

На правом коренном берегу р. Могзы в 0,3 км к югу от погоста Внуково И. В. Купцовым было открыто **селище Внуково** (рис. 1: *15*). Поверхность селища, по сообщению исследователя, задернована, местами нарушена кабаньими рытвинами, в которых прослежены обнажения культурного слоя. Подъемный материал представлен немногочисленными незначительными фрагментами круговой красноглиняной керамики, которые можно датировать XIV–XV вв. Найден также единичный фрагмент сероглиняного керамического сосуда XVI в.[39]

---

[35] *Комаров К. И.* Отчет о работе ярославского отряда в 1989 г. Москва, 1990 // Архив ИА РАН. №14805. Л.1.
[36] Археологическая карта России... С. 99.
[37] *Купцов И. В.* Отчет об археологических разведках... Л. 4–5
[38] Там же. Л. 5–6.
[39] Там же. Л. 6.

Селище Андреевское-на-Лиге (рис. 1: *20*), также выявленное в 2013 г., расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Лиги и занимает восточную окраину одноименного села. Южная часть селища уничтожена при строительстве бетонного моста через реку на участке шоссейной дороги п. Борисоглебский – с. Инальцыно. Через все селище проложена траншея оптико-волоконного кабеля шириной около одного метра. На поверхности засыпки траншеи нами был произведен сбор подъемного материала, представленный в основном фрагментами керамических сосудов XVI–XVIII вв.

Селище Дорки (рис. 1: *21*) было обнаружено в 2013 г. на левом коренном берегу безымянного левого притока реки Сотьмы. Оно занимает центральную часть и северо-восточную окраину одноименной деревни. Культурный слой частично уничтожен небольшим прудом, который, со слов местных жителей, выкопан недавно. В основании мостков на пруду нами зафиксирован каменный жернов. Распространение культурного слоя прослежено благодаря засыпке траншеи оптико-волоконного кабеля, проложенного незадолго до начала наших разведок. Подъемный материал представлен в основном фрагментами чернолощеных сосудов XVIII в. и красноглиняной керамикой XVI–XVIII вв. Встречаются и более ранние фрагменты керамики XIV в. Найдены также железные кованые изделия, преимущественно, гвозди и два кованых серпа XIX в.

Селище Прудищи (ур. Онуфриево) (рис. 1: *19*) выявлено в 2013 г. в 0,5 км к юго-западу от д. Ильково на левом коренном берегу р. Сотьмы. Поверхность селища, свободная от леса, регулярно распахивалась. При осмотре местности был собран подъемный материал, позволивший датировать селище XVII – началом XVIII вв.

Селище Малое Хвастово (рис. 1: *23*) расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Устье в 0,8 км к северу от русла. На момент открытия памятника в 2013 г. в д. Малое Хвастово имелось несколько пустующих домов XIX в. Подклеты их сложены из кирпичей с клеймами XIX в. на известковом растворе. В центре деревни стоял деревянный сруб примерно 4 х 6 м, внутри был обустроен колодец архаичной конструкции. Наряду с чернолощеной и краснополивной керамикой, были найдены фрагменты грубой красноглиняной посуды, которую можно датировать XIV–XV вв.

Селище Зманово (рис. 1: *24*) было выявлено на первой надпойменной террасе левого берега р. Устье, на мысе при впадении в нее безымянного притока. Селище занимает центральную часть одноименной деревни. На улице по красной линии домов в 2013 г. были зафиксированы обнажения культурного слоя. Среди фрагментов керамической посуды встречаются образцы, которые можно датировать XV–XVI вв.

Производственные комплексы

В ходе разведок 2012 г. был выявлен объект археологического наследия **Березники-на-Устье-1** (рис. 1: *25*). Он расположен примерно в 2,3 км на север-северо-запад от д. Березники (старое название деревни Березники-Рыжковы) на правом берегу р. Устье. Поверхность повреждена множественными карьерами. Стерильная песчаная прослойка делит культурный слой на два разновременных яруса. Верхний ярус (более светлый по цвету) начинается сразу после дерна. Он включает в себя фрагменты бутылочного стекла и тянутые гвозди. Со слов местных жителей, здесь регулярно велась заготовка кормов для молочной фермы в д. Брезники (она прекратила свое существование примерно за 10 лет до момента обследования). Под прослойкой песка в 1–2 см залегает второй ярус культурного слоя, более темный, почти черного цвета. При его зачистке собрано незначительное количество фрагментов керамических сосудов позднего средневековья и кованых кузнечных изделий, преимущественно, гвоздей. В северной стенке карьера в обнажении культурного слоя был зафиксирован профиль ямы производственного назначения. Ее заполнение представлено большим количеством древесного угля и металлургического шлака. Среди находок были фрагменты металлургической крицы со следами топорной рубки. Нижний ярус возник в ходе существования здесь металлургического комплекса по производству железа из пойменных руд (лимонитов). Использование этого сырья сходит на «нет» к первой четверти XVIII в. Таким образом, мы можем датировать металлургический производственный комплекс Березники-на-Устье-1 XVI–XVII вв.

Комплекс гидротехнических сооружений Березники-на-Устье-2 (ур. Душиловский Лес, мельница Крутец) (рис. 1: *26*). Мельница находилась в 2,3 км на север-северо-запад от д. Березники на правом берегу р. Устье. На поверхности воды видны остатки деревянных конструкций. В ходе осмотра местности выявлена искусственная хорошо утрамбованная площадка, на которой прослеживаются фундаментные рвы каменного строения. Были найдены фрагменты рукомесного доиндустриального красного кирпича, остатки кирпичной кладки на известковом растворе. Часто встречались крупные фрагменты керамической черепицы. В обрыве речного берега видны деревянные конструкции, связанные с водяным колесом и другими инженерными конструкциями. На карте середины XIX в. мельница Крутец отсутствует. Аналогичная черепица встречалась нами при осмотре домов конца XIX — начала XX вв., это позволяет предположить, что мельница была построена между 1890–1910-ми гг.

Водяная мельница Горки-3 (рис. 1: *5*) самая крупная из отмеченных на карте середины XIX в. Она находится в 1,3 км к югу-юго-западу от одноименной деревни на обоих берегах р. Устье в ее пойме. Сохранились деревянные конструкции трех плотин, образующих каскад искусственных водопадов на участке реки протяженностью около 0,5 км. На карте А. И. Менде обозначены три строения, остатки которых читаются в современном рельефе. Две постройки, одна — на правом, вторая — на левом берегах, располагались на искусственных хорошо утрамбованных площадках. Третья была сооружена на сваях непосредственно над водой. Можно предположить, что в ней располагалось само водяной колесо. Мельница датирована нами 1850-ми гг.

Водяная мельница у деревни Гавино (ур. Алмазиха) (рис. 1: *27*) также была найдена благодаря отметке в Топографическом межевом атласе А. И. Менде за 1857 г. (отмечена как «Мельница Алмазова»). Находится в 1,7 км к северу от д. Гавино в пойме на обоих берегах р. Устье. На поверхности воды видны остатки деревянных конструкций. Судя по карте, подъезд к мельнице существовал только один, со стороны деревни. Мельница также датируется 1850-ми гг.

Водяная мельница у деревниАкулово (Акуловкская мельница) (рис. 1: *28*) находилась в 0,3 км к югу-юго-востоку от одноименной деревни в 0,15 км к востоку от Акуловского городища, на обоих берегах р. Устье, в пойме. На поверхности воды видны остатки деревянных конструкций. Мельница также датируется 1850-ми гг. Интересно, что на карте 1857 г. не обозначена ветряная мельница, остатки фундаментных рвов которой отмечают все исследователи Акуловского городища. Можно предположить, что она заменила Акуловскую водяную мельницу на реке Устье.

Помимо археологических памятников поселенческого типа, курганных могильников и производственных комплексов, на территории Борисоглебского района расположен ряд исторических некрополей. Практически все деревенские погосты, сохранившиеся на территории современного Борисоглебского района, берут свое начало не позднее XVII в. Наиболее раннее и хорошо сохранившееся кладбище позднего средневековья находится на территории Борисоглебского монастыря. При земляных работах рабочими монастыря здесь были найдены белокаменные надгробные плиты XVI–XVII вв. К сожалению, каменные надгробия часто становились вторичным материалом для строительства. Практически все действующие кладбища при сельских храмах спустя 100 лет с окончания их эксплуатации будут объявлены объектами археологического наследия. На сегодняшний день при изучении погребений XVIII–XIX вв. в составе действующих исторических некрополей используются методы научной фиксации старинных погребений, их картографирование и другие неразрушающие приемы ландшафтной археологии.

В свете возросшей строительной активности хозяйствующих субъектов на территории Борисоглебского района представляется необходимым проведение здесь дальнейших археологических разведок на регулярной основе с целью выявления ранее не известных объектов археологии, их паспортизации и постановке на государственный учет и охрану.

Приложение 1

Объекты археологического наследия Борисоглебского района Ярославской области

(порядковые номера соответствуют номерам карты на рис. 1)

№	*Наименование*	*Тип*	*Датировка*
1	Акуловское городище	Городище	РЖВ, V в. до н.э. – V в. н.э.
2	Устьинское поселение	Селище	РЖВ, V в. до н.э. – V в. н.э.
3	Горки 1	Селище	XIV-XVII в.
4	Горки 2	Селище	XVIII–XIX вв.
5	Горки 3	Гидротехнические сооружения Водяной мельницы	XVIII–XIX вв.
6	Козлово	Селище	XI–XII вв.
7	Сартаново (Андреевское)	Селище	XIV–XV вв.
8	Заречье	Селище	XIV–XV вв.
9	Троица-Бор	Селище	XIV–XIX вв.
10	Никола-Бой	Селище	XII–XIII вв.
11	Степаново	Курганный могильник	X–XIII вв.
12	Сабурово	Курганный могильник	Не позднее XIII в.
13	Красново	Селище	VIII – началом XI вв
14	Свагуново	Селище	XVI – началом XX вв.
15	Внуково	Селище	XIV–XVI вв.
16	Сабурово 2	Курганная группа	XI–XII вв.
17	Борисоглебское городище	Городище	VII–XI вв.
18	Троица-Бор 2	Селище	XIV–XIX вв.
19	Прудищи (Онуфриево)	Селище	XVIII–XIX вв.
20	Андреевское-на-Лиге	Селище	XVI–XIX вв.
21	Дорки	Селище	XVI–XIX вв.
22	Ильково (Гнильево)	Селище	XVII – начала XVIII вв.

№	*Наименование*	*Тип*	*Датировка*
23	Малое Хвастово	Селище	XIV/XV–XIX вв.
24	Змановo	Селище	XV–XVI вв.
25	Березники-на-Устье 1 (Березники Рыжковы)	Остатки производственного металлургического комплекса	XVI–XVII вв.
26	Березники-на-Устье 2 (ур. Душиловский лес, мельница Крутец)	Гидротехнические сооружения Водяной мельницы	XVIII – начало XX вв.
27	Гавино (ур. Алмазиха)	Гидротехнические сооружения Водяной мельницы	XVIII–XIX вв.
28	Акулово (Акуловская мельница)	Гидротехнические сооружения Водяной мельницы	XVIII–XIX вв.
29	Исторический некрополь Борисоглебского монастыря	Кладбище	XV–XIX вв.

Список литературы и архивных источников

Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История ярославской археологии. М., 2009.

Археологическая карта России: Ярославская область / авт.-сост. К. И. Комаров. М., 2005.

Вишневский В. И. Отчет о разведках в Борисоглебском и Гаврилов-Ямском районах Ярославской области в 1987 году. Ярославль, 1987 // Архив ИА РАН. № 11934.

Комаров К. И. Отчет о работе ярославского отряда в 1989 г. Москва, 1990 // Архив ИА РАН. № 14805.

Комаров К. И. Отчет о работе ярославского отряда в 1993 году. Москва, 1994 // Архив ИА РАН. № 18453.

Комаров К. И. Отчет о работе ярославского отряда в 1994 году // Архив ИА РАН. № 22657.

Купцов И. В. Отчет об археологических разведках в Борисоглебском районе Ярославской области в 2008 году. Ростов Великий, 2009 // ОРКРАМ ГМЗРК. № А1957.

Леонтьев А. Е. Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. № 6838.

План Акуловского городища близ дер. Акулово Борисоглебской вол. Ростовского уезд. Ростов, 1920-е гг. // ОРКРАМ ГМЗРК. № 727. Л. 1.

Станкевич И. Л. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1976 году. Ярославль, 1977 // Архив ИА РАН. № 6495.

Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.

В. Л. Щербаков

Кострома

Технология изготовления ножей в Костромском Поволжье в XII–XIII вв. (по материалам погребальных памятников)

На протяжении длительного времени в отечественной археологии не ослабевает интерес к истории заселения славянами Верхневолжского региона и отдельных его территорий. В центре внимания исследователей чаще всего оказывались вопросы взаимодействия пришлого (смешанного славяно-финского) и местного (финно-угорского) населения[1]. Материалом для изучения характера взаимодействия были особенности тех или иных сторон материальной культуры и погребального обряда. В этой связи представляется очевидной ценность данных о технологии изготовления предметов быта, орудий труда и оружия, так как археологами убедительно доказано, что для разных по происхождению групп населения, зачастую, характерны и разные способы изготовления кузнечных изделий[2].

В данном исследовании мы обратимся лишь к материалам Костромского Поволжья, в частности, рассмотрим ножи из коллекций костромских курганов XII–XIII вв.[3] Металлографически нами было изучено 39 предметов, происходящих из коллекций 16 памятников – курганных могильников XII–XIII вв.: Пьянково, Покров, Аксениха, Васильевское, Погост, Залогино, Сулятино, Турыгино, Куликово, Терешино, Гридино, Чижево, Исаево, Кузьмино, Тимонино, Мыльниково (рис. 1).

---

1 *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-окского междуречья // МИА. 1961. 266 с.; *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. 160 с. и др.

2 *Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. 318 с.; *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М., 2009. 264 с.

3 КГИАХМЗ. Ф. КОК 15419, 15430, 15452, 15458, 15464, 15465, 15466, 15468, 15469, 15471, 15472, 15475, 15477, 15483, 15484, 15485.

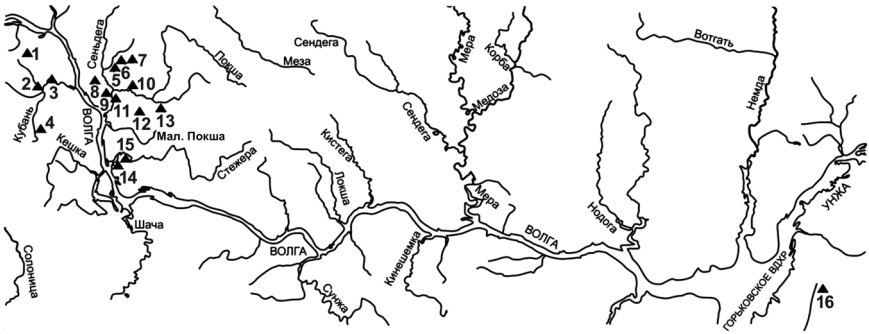


Рис. 1. Курганные могильники Костромского Поволжья, коллекции которых использованы в исследовании:
1 – Чижево; 2 – Пьянково; 3 – Покров; 4 – Сулятино; 5 – Васильевское; 6 – Терешино; 7 – Гридино; 8 – Куликово; 9 – Тимонино; 10 – Турыгино; 11 – Исаево; 12 – Мыльниково; 13 – Залогино; 14 – Кузьмино; 15 – Погост; 16 – Аксениха

При описании технологии изготовления ножей учитывалось ставшее традиционным в отечественной археологии деление артефактов на две технологические группы. В группу I входят технологические схемы, «связанные с изготовлением цельнометаллических изделий из железа и стали, а также с использованием пакетированного металла в процессе формовки заготовки»[4]. Группу II составляют «технологические схемы, основанные на сварке железной основы изделия и стального лезвия»[5].

К технологической группе I относятся 23 из 39 исследованных металлографически ножей. Соответственно, к группе II относятся 16 предметов этой категории (рис. 2: *3*). Группа I составляет почти 3/5, а группа II немногим более 2/5. Распределение схем внутри групп выглядит следующим образом: в первой: целиком из железа — 10 экз., целиком из стали — 10 экз., цементация — 3 экз.; во второй: трехслойный пакет — 5 экз., сварка из двух полос — 2 экз., косая боковая наварка — 5 экз., торцовая наварка — 3 экз., пакетирование — 1 экз. Таким образом, зафиксировано 8 технологических схем, использовавшихся при изготовлении ножей. В группе I явно преобладают изделия целиком из железа и целиком из стали, а во второй группе больше всего ножей, изготовленных в технологии косой боковой наварки и трехслойного пакета. Три из пяти представленных в выборке трехслойных ножей изготовлены только из стальных полос (№ 16, 46, 51), хотя на лезвие во всех случаях выходит наиболее качественная сталь. Нами зафикси-

[4] *Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 35.
[5] Там же. С. 35.

рован только восточноевропейский вариант трехслойной технологии. Обращает на себя внимание тот факт, что в группе I термообработана 1/3 от количества изделий (за вычетом железных, которые неспособны воспринять термообработку), а в группе II – около 9/10. Иначе говоря, термообработка коррелирует именно со сложными технологическими схемами (табл. 1).

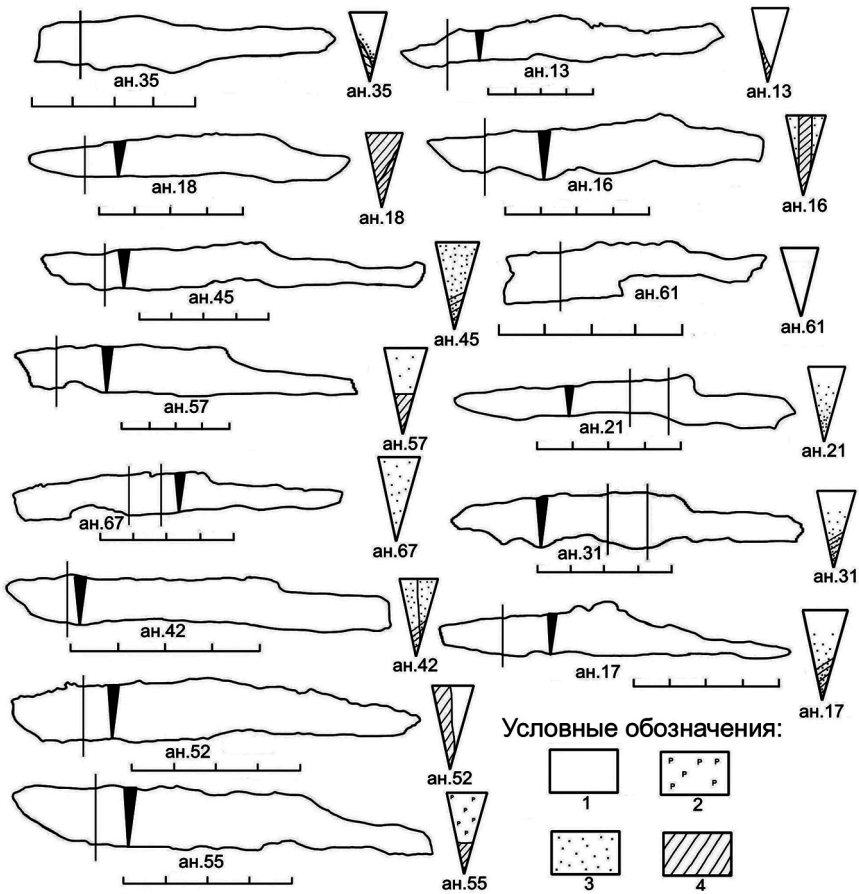


Рис. 2. Ножи из курганов Костромского Поволжья и технологические схемы их изготовления. Условные обозначения (здесь и далее): 1 – железо; 2 – фосфористое железо; 3 – сталь; 4 – термообработанная сталь

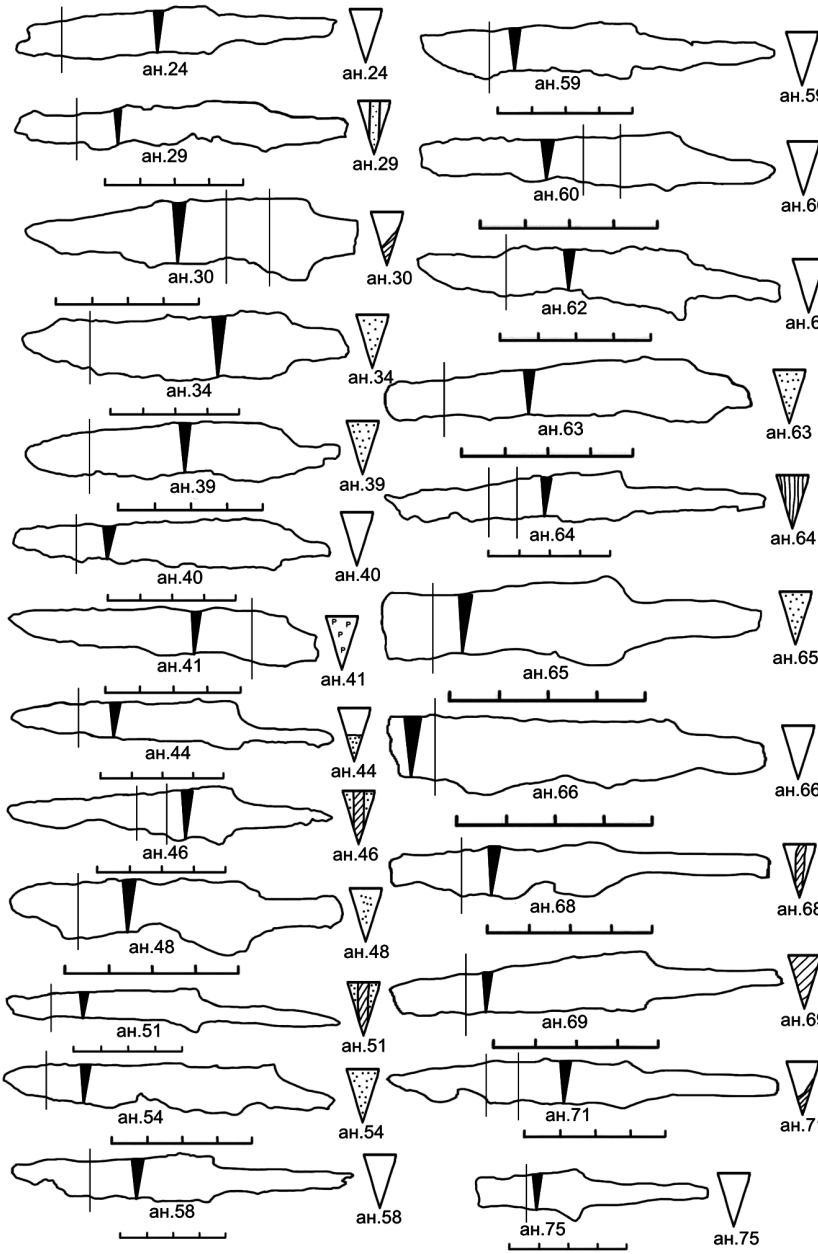


Рис. 3. Ножи из курганов Костромского Поволжья и технологические схемы их изготовления (продолжение)

Таблица 1. Технологические схемы изготовления ножей

	Группа I				*Группа II*				
	Целиком из железа	*Целиком из стали*	*Цементация*	*Пакетирование*	*Трехслойный пакет*	*Сварка из двух полос*	*Косая боковая*	*Торцовая наварка*	*Всего**
Пьянково	1		2/1		1/1		2/2		6/4
Покров			1/1		1/0		1/1		3/2
Аксениха		1/0					1/1		2/1
Васильевское	1	1/0							2/0
Погост	1	2/1			1/1	1/1		1/0	6/3
Залогино					1/1				1/1
Сулятино						1/1			1/1
Турыгино		1/0						1/1	2/1
Куликово								1/1	1/1
Терешино	1								1/0
Гридино	4	1/0							5/0
Чижево				1/0					1/0
Исаево		1/0							1/0
Кузьмино	1								1/0
Тимонино		3/2			1/1		1/1		5/4
Мыльниково	1								1/0
ВСЕГО	10		3/2	1/0	5/4	2/2	5/5	3/2	

* Через дробь указано количество термообработанных предметов.

Выявить взаимосвязь формы клинка и технологии изготовления затруднительно, так как значительная часть ножей представлена в обломках разной величины. Отметим лишь наличие в выборке 2 ножей с прямой спинкой и уступчиком при переходе от клинка к черенку со стороны лезвия. Технологически они никак не выделяются среди остальных поковок — один изготовлен по схеме косой боковой наварки, другой — цельнометаллический. Остальные ножи имеют либо единственный уступ — со стороны спинки клинка, либо 2 уступа — и со стороны лезвия, и со стороны спинки. Пропорции ножа удалось проследить лишь в нескольких случаях: длина черенка у всех экземпляров меньше длины клинка.

Сравнение ножей Костромского Поволжья и Волго-Клязьменского междуречья показывает, что соотношение технологических схем в синхронных материалах сопредельных регионов существенно отличается.

Для Костромского Поволжья соотношение групп I и II приближается к 3/2, а для селищенских материалов второй половины XII–XIV в. из цен-

тральных районов Северо-Восточной Руси — 2/5[6]. Распределение схем внутри группы I в рассматриваемых регионах близкое: изделия из кричного железа и сырцовой стали представлены примерно равными долями. В обеих выборках встречены изделия, подвергнутые цементации. В Волго-Клязьминском междуречье прослежено использование металлолома. В группе II в изученных нами сельских материалах второй половины XII–XIV в. в центре Северо-Восточной Руси почти равными долями представлены трехслойные клинки и ножи с наваренным лезвием (9 и 10 соответственно), в Костромском Поволжье ножей с наваренным лезвием больше, чем с трехслойным клинком. В обоих регионах трехслойная технология представлена, главным образом, своим восточноевропейским вариантом.

Распределение технологических схем на примере ножей Костромского Поволжья XII–XIII вв. требует специального объяснения. На наш взгляд, в данной ситуации большое значение имеет характер металлообработки населения Костромского Поволжья до колонизации. На длинном отрезке Волги ниже Тимерева, включающем и Костромское Поволжье, не известны клады[7], маркирующие вовлеченность территории в Волжско-Балтийскую торговлю. Мы отнюдь не склонны отрицать опосредованные торговые связи местного населения, однако, есть основания предполагать, что Волжско-Балтийская торговля не оказала такого влияния на производственную сферу Костромского Поволжья, как, например, в случае с летописной мерей, в период активизации международной торговли ознакомившейся со скандинавскими производственными традициями[8], в частности, с изготовлением трехслойных ножей.

В этих условиях в Костромском Поволжье технология трехслойного пакета, видимо, не получила широкого распространения в среде местных кузнецов в доколонизационный период. Древнерусская колонизация территории в XII–XIII вв. совпала по времени с широким распространением

---

[6] Для селищ приводится соотношение, вычисленное по данным, полученным автором статьи. Материалы этих исследований частично опубликованы (*Каретников А. Л., Щербаков В. Л.* Кузнечные изделий из коллекций средневековых селищ исторической округи Ростова Великого: Технологическое исследование // История и культура Ростовской земли, 2013. Ростов, 2014. С. 13–17; *Праздников В. В., Щербаков В. Л.* Технология изготовления кузнечных изделий из коллекции селища Налуцкое-1 // Сообщения Ростовского музея. Вып. 20. Ростов, 2014. С. 163–170; *Щербаков В. Л.* О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // Российская археология. 2014. № 1. С. 32–39 и др.). Соотношение по материалам, изученным специалистами из ИА РАН иное — доля схем группы II еще выше (см., например, *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012. С. 190–231).

[7] Сводка и описание кладов см.: *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Москва; Вологда, 2012. С. 383–401.

[8] *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012. С. 193–195.

наварной технологии в кузнечном производстве исходного региона – центра Северо-Восточной Руси. В то время, когда в сельской металлообработке исходного региона сохранялся технологический импульс, выраженный в изготовлении трехслойных клинков, полученный в предшествующий период, в Костромском Поволжье получили распространение разные варианты наварки. Большая доля изделий, откованных по схемам группы I, связана с металлообработкой предшествующего периода (IX–XI вв.), развивавшейся без технологических инноваций извне. Кроме того, часть технологически простых изделий можно рассматривать как продукцию кузнецов невысокой квалификации или мастеров, не имеющих связи с источниками качественного сырья (стали) в условиях «стихийной» колонизации территории.

Таким образом, выражением связи Костромского Поволжья с сельскими поселениями центральных районов Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв., давшими основную массу колонистов, стало постепенное распространение сложных технологических схем, основанных на кузнечной сварке, главным образом, разных видов наварки при производстве качественных орудий.

Список литературы

Горюнова Е. И. Этническая история Волго-окского междуречья // МИА. М., 1961. 266 с.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М., 2009. 264 с.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012. С. 190–231.

Каретников А. Л., Щербаков В. Л. Кузнечные изделий из коллекций средневековых селищ исторической округи Ростова Великого: Технологическое исследование // История и культура Ростовской земли, 2013. Ростов, 2014. С. 13–17.

Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Москва; Вологда, 2012. С. 383–401.

Праздников В. В., Щербаков В. Л. Технология изготовления кузнечных изделий из коллекции селища Налуцкое-1 // Сообщения Ростовского музея. Вып. 20. Ростов, 2014. С. 163–170.

Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 35.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. 160 с.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. 318 с.

Щербаков В. Л. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // РА. 2014. № 1. С. 32–39.

А. В. Энговатова, Е. Е. Васильева

Москва

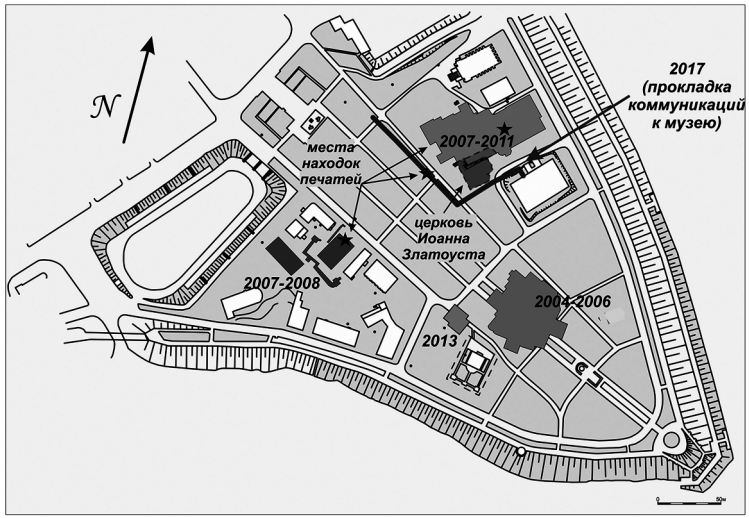
Археологические исследования в Ярославле в 2017 году (предварительные результаты)

В 2017 году Ярославской археологической экспедицией Института археологии РАН продолжены спасательные археологические работы на территории Стрелки — места основания города Ярославля в начале XI в. Работы велись на участке прокладки канализации, примыкающем к объекту культурного наследия «Соборный дом».

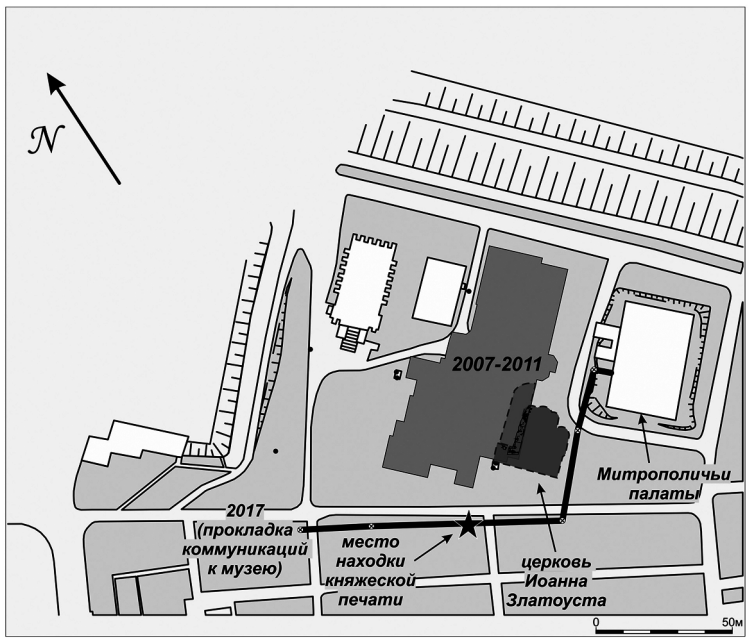
Для исследований была заложена траншея длиной более 150 м при ширине от 1 до 2 м (в зависимости от проекта), общая изученная площадь составила около 250 м (рис. 1: *А, Б*). Участок археологических исследований полностью попал в границы древнего города, поэтому работы проводились в режиме раскопок с переборкой и промывкой грунта.

Несмотря на то, что в границы исследования попало значительное количество перекопов XX в., участки с непотревоженным культурным слоем занимали большую часть траншеи. Мощность культурного слоя составляла порядка 2–2,5 м. В общей свите напластований нижний горизонт культурного слоя XI — начала XIII вв. был перекрыт мощным слоем песка (до 80 см). Выше слоя песка залегали отложения второй половины XIII–XVIII вв. На значительном участке траншеи (в северо-западной ее части) фиксировался слой, связанный с устроением Плац-парадной площади в Ярославле по регулярному плану г. Ярославля, высочайше конфирмованного в 1778 г. В северной части траншеи домонгольский слой перекрыт слоями XVII–XIX вв., связанными с находившейся поблизости церковью Иоанна Златоуста (утрачена в 1930-е гг.) и зданием Архиерейского дома.

В результате работ удалось получить дополнительные данные о планиграфии древнего города – исследованы участки фортификационных сооружений (рва и вала) и посада домонгольского Ярославля. Кроме



А



Б

Рис. 1. Раскопы Института археологии РАН на территории Стрелки города Ярославля (2004–2017). А – общий план; Б – участок работ 2017 г.

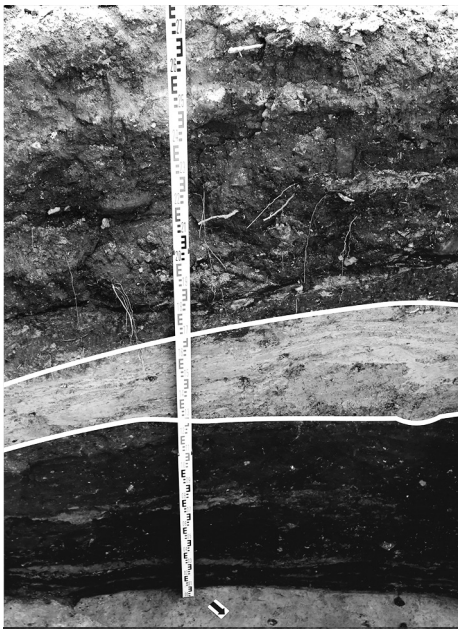


Рис. 2. Фотография стенки траншеи. Выделен слой песка из насыпи вала, перекрывший культурный слой XI – начала XIII вв.

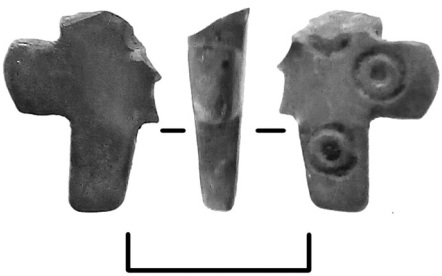


Рис. 3. Нательный янтарный крест с циркульным орнаментом

того, благодаря работам 2017 г. оказалось возможным продолжить исследование кладбища при церкви Иоанна Златоуста и уточнить данные о планировке ограды Архиерейского дома.

Культурные напластования домонгольской эпохи. Раскопом 2017 г. были исследованы участки, содержащие материалы домонгольской эпохи, в том числе фрагменты лепной керамики второй половины XI в. Культурный слой оказался не только не разрушенным позднейшими строительными работами на данном участке, но и хорошо законсервированным. Вероятно, это произошло в то время, когда старые древоземляные укрепления были заменены новыми. Закладка ростовским князем Константином Всеволодовичем новых городских укреплений, судя по всему, относится к 1209 г.[1] Видимо, остатки старого вала были снивелированы, в результате чего культурный слой оказался перекрыт мощным (до 80 см) слоем песка, который фиксируется практически по всей длине траншеи (рис. 2).

Из напластований, оказавшихся перекрытыми песком, происходит около ста индивидуальных находок, время бытования которых относится

[1] Полное собрание русских летописей. Т. 37. Вологодская летопись. Т. 37. Л., 1982. С. 164; *Энговатова А. В.* Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленый Город II–2008 г.») // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Москва; Вологда, 2015. С. 53.

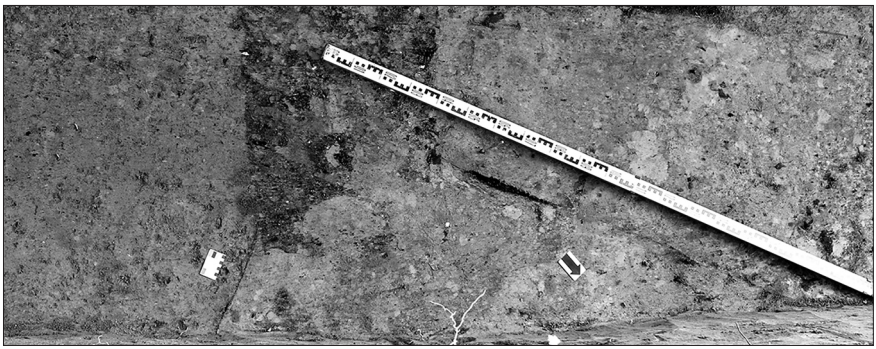


Рис. 4. Остатки внутривальной конструкции

к периоду XI — начала XIII веков: многочисленные обломки стеклянных браслетов, стеклянные бусы и бисер (синего и белого цветов), обломки импортных стеклянных сосудов, костяные гребни, янтарный крест с циркульным орнаментом (рис. 3), обрывки серебряной проволоки, шиферные пряслица и др. Находок, относящихся к более позднему времени (в том числе обломков керамических сосудов), обнаружено не было, что также подтверждает наличие на данном участке «чистого» законсервированного слоя. Такой представительный набор предметов является типичным для крупного древнерусского города. Стоит отметить, что, несмотря на организацию промывки всего объема законсервированного культурного слоя, количество обнаруженного бисера незначительное — всего 8 единиц.

Уникальной находкой является свинцовая княжеская печать конца XII — начала XIII вв., вероятно принадлежавшая супруге великого князя Владимирского Константина Всеволодовича и матери первого ярославского князя. На ее сторонах изображены святые — Константин и Мария. Константин Всеволодович княжил в Новгороде (1205–1208), Ростове (1208–1216) и Владимире (1216–1218). В 1196 г. он женился на дочери смоленского князя Мстислава Романовича. Ее мирское имя до сих пор не было известно. Было лишь установлено, что после смерти мужа она постриглась в монахини и до смерти в 1220 году носила иноческое имя Агафья. Изображение святой на печати помогло установить, что мать первого ярославского князя звали Мария. Стоит отметить, что всего известно лишь около двух десятков домонгольских печатей, владелицами которых были женщины[2].

В зону исследований попала часть древо-земляных укреплений — так называемого позднего вала. К сожалению, из-за малой ширины траншеи не удалось исследовать деревянные внутривальные конструкции в полном объеме. В раскоп попала лишь часть одной городни (рис. 4), расположенная

[2] Подробнее о печати см. статью П. Г. Гайдукова в настоящем сборнике.

под углом относительно линии вала, направление которого было установлено работами 2007–2011 гг. Остатков внутривальных конструкций укреплений XI в. не было обнаружено вовсе, так как данный участок сильно поврежден котлованами заглубленных построек XVII века. Можно говорить лишь о том, что фиксируется край песчаной насыпи, поверхность которого перекрыта слоем песка и серой супеси, насыщенным органикой.

Позднейшие культурные напластования. Раскопками 2017 г. была зафиксирована часть городской застройки XVI–XVIII вв., несколько подвалов жилых и хозяйственных построек, а также развалы глиняных печей. Согласно историческим источникам, после пожара 1658 г. город был очень плотно застроен жилыми дворами, которые принадлежали посадским людям, ремесленникам, приказным и церковникам. Всего по переписной книге 1709 г. здесь находилось около 150 домов. Неоднократные пожары периодически уничтожали деревянную застройку, как это случалось в 1711 и 1768 гг. Судя по дорегулярным планам Ярославля, жилая застройка в кремле располагалась около Ильинской и Златоустовской церквей, восточнее Никольской церкви и к югу от Успенского собора.

После реализации регулярного плана планировка Рубленого города претерпела большие изменения. Вокруг Успенского собора была организована площадь, вокруг которой расположились жилые кварталы. По трассам Мостовой и Пробойной улиц, между Успенским собором и церковью Илии Пророка, образована Плац-парадная площадь. Прослойка, маркирующая расположение плаца, фиксируется на большей части раскопа 2017 г.

В площадь траншеи попал участок фундамента ограды Архиерейского дома (ранее фиксировалась раскопами 2007–2008 гг.). Это позволило скорректировать исторические планы города, на которых линия ограды была посажена не точно. Обнаружены свидетельства того, что строительство ограды велось на территории, ранее принадлежащей находящейся рядом церкви Иоанна Златоуста: фундаментный ров нарушил погребения XVIII в. Человеческие кости, которые были вынуты при сооружении ограды, были перезахоронены рядом с ней на новоприобретенной территории Митрополичьих палат в специальном деревянном ящике.

Также интересны находки обломков керамических изразцов, красноглиняных и поливных, поскольку они, скорее всего, относятся к убранству Митрополичьих палат. Изразцы можно датировать периодом XVII–XVIII вв. (рис. 5).

Кладбище. Раскопки 2017 г. захватили восточную часть кладбища при церкви Иоанна Златоуста. Было исследовано 60 погребений, совершенных по православному канону. Ориентация погребений совпадает с ориентацией каменной церкви, часть фундамента которой обнаружена

Рис. 5. Фрагмент красноглиняного изразца XVII в.

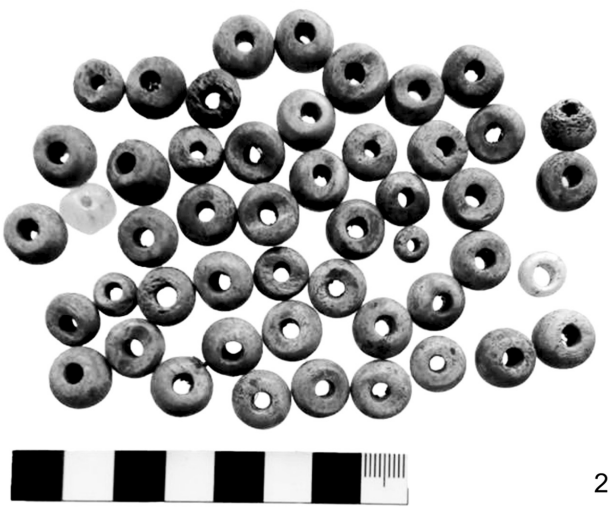


Рис. 6. Четки из погребения № 180. 1 — положение «insitu»; 2 — набор бусин

раскопками 2010 г.[3] Плотность захоронений, особенно в центральной части зафиксированного участка некрополя, высока и достигает шести ярусов. В юго-западной части кладбища плотность погребений невысока, что дало возможность проследить контуры пятен могильных ям. Погребения были совершены в деревянных гробах. На основании разработанной типологии деревянных погребальных конструкций[4] можно утверждать, что все захоронения относятся к периоду конца XVII–XVIII вв.

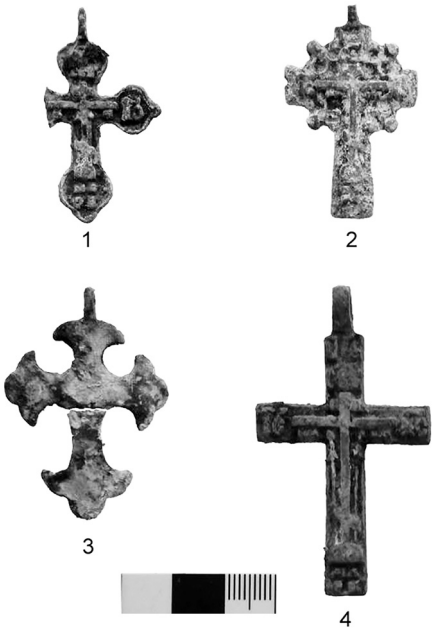


Рис. 7. 1-4 – нательные кресты XVII–XVIII вв. из погребений кладбища при церкви Иоанна Златоуста

До работ 2017 г. в 225 погребениях этого некрополя было обнаружено всего два нательных креста во фрагментах, и в отдельных погребениях были зафиксированы остатки обуви, в том числе ритуальной (судя по крою и отсутствия признаков изношенности) обуви XVI века. В 2017 г. были открыты два монашеских погребения с четками из костяных и стеклянных бус (рис. 6), в 13 погребениях обнаружены нательные кресты (рис. 7).

Заключение. Спасательные археологические работы, проведенные Ярославской археологической экспедицией ИА РАН в 2017 году, позволили уточнить данные о планиграфии Ярославля. Особый интерес представляет собой обнаружение еще одного участка фортификационной системы древнего города.

---

[3] *Васильева Е. Е., Энговатова А. В.* Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: уточнение времени бытования некрополя по археологическим и дендрохронологическим данным // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сборник статей, Ярославль, 2016. С. 29.

[4] *Васильева Е. Е.* Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле: типология и хронология выявленных погребальных сооружений // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: Сб. науч. трудов. 2017. С. 192.

Список литературы

Васильева Е. Е., Энговатова А. В. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: уточнение времени бытования некрополя по археологическим и дендрохронологическим данным // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2016. С. 28–33.

Васильева Е. Е. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле: типология и хронология выявленных погребальных сооружений // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: Сб. науч. трудов. 2017. С. 192–193.

Полное собрание русских летописей. Т. 37. Вологодская летопись. Л., 1982. 228 с.

Энговатова А. В. Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленый Город II-2008 г.») // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М., Вологда, 2015. С. 53–68.

А. В. Энговатова, Е. К. Кадиева

Москва, Ярославль

Характеристика керамических комплексов из девяти массовых захоронений на территории древнего кремля г. Ярославля

В ходе спасательных археологических исследований Института археологии Российской Академии наук (ИА РАН) в г. Ярославле в трех раскопах, заложенных в пределах древнего ярославского кремля (т. н. «Рубленый город» или «Стрелка») в 2004–2008 гг. были выявлены девять коллективных захоронений, предположительно первой половины XIII в.[1] (рис. 1):

- на раскопе «Успенский»: 2005 г. — сооружение 9; 2006 г. — сооружение 27, яма 262;
- на раскопе «Волжская набережная, д. 1»: 2007 г. — яма 42, яма 110 (колодец); 2008 г. — сооружения 60, 156, яма 125;
- на раскопе «Рубленый город II — 2008 г.» — сооружение 76.

Захоронения были выявлены в ходе разборки зафиксированного по площади всех трех раскопов слоя мощного городского пожара, относящегося к периоду не позднее первой половины XIII в. Все девять комплексов являлись закрытыми: они представляли собой заполненные костями людей и животных подклеты сгоревших построек, колодец и в одном

[1] *Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н.* Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская археология. 2009. № 2. С. 68–78.; *Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпухин А. А., Осипов Д. О.* Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (Результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, Рыбинск, 2012. С. 185–208; Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). М., 2012. С. 232–265.

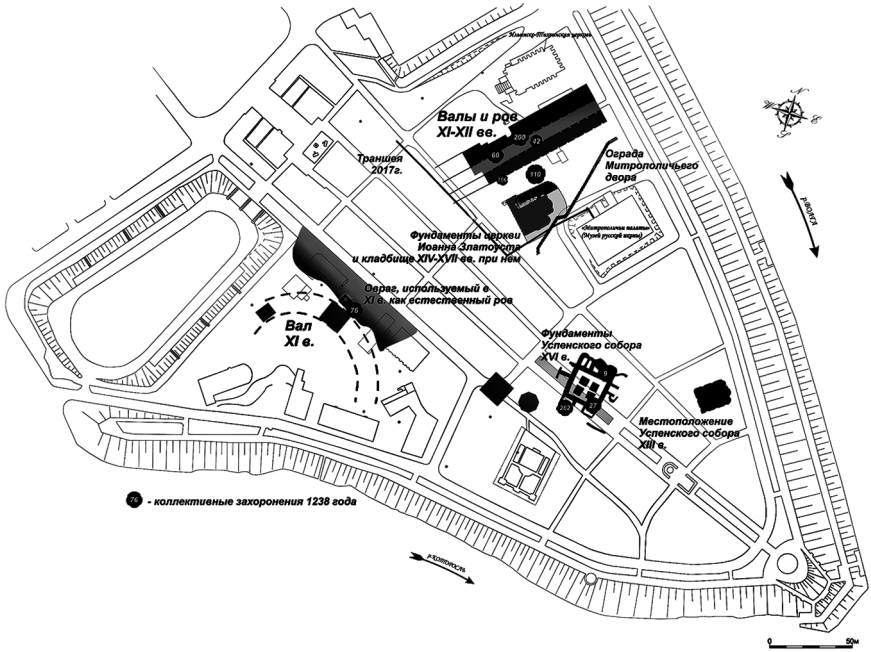


Рис. 1. Схема археологических объектов, открытых в ходе раскопок ИА РАН на территории «Стрелки» г. Ярославля

случае специально вырытую яму, единовременно засыпанные грунтом (культурным слоем) и прикрытые сверху плахами и/или камнями.

В погребениях были обнаружены многочисленные вещи, в том числе имеющие датирующее значение. Это, главным образом, детали одежды и украшения (бронзовые перстнеобразные проволочные височные кольца, кресала, пряжки, каменный четырехконечный крест-тельник, стеклянные бусы, обломки стеклянных браслетов, фрагменты различных тканей). Найдены также предметы из дерева (в том числе часть составного лука), веревки, войлок, керамика (как многочисленные фрагменты, так и целые сосуды и крышки). В засыпке одного из погребений также найден фрагмент витражного стекла, предположительно от Успенского собора, построенного в 1215 г. На основании типологии артефактов все погребения датируются не позднее первой трети — середины XIII в.

Время строительства использованных для погребений сооружений позволили уточнить данные дендрохронологии. Спилы были получены от деревянных конструкций подклетов сгоревших домов и колодца. Согласно

проведенным исследованиям[2], эти постройки были возведены не позднее конца 1220-х гг.[3] Также были проанализированы спилы сгоревшей деревянной постройки, располагавшейся рядом с одним из коллективных погребений, совершенным в специально выкопанной яме. Время строительства сооружения по данным дендрохронологии определятся периодом не ранее 1212 г. Дом погиб в пожаре. Богатый инвентарь остался внутри. Здесь найдены многочисленные обломки стеклянных браслетов (более 200 фрагментов), стеклянные бусины, более десяти железных иголок, шилья, ножи, женские украшения, гребни (костяные и деревянные) и пр. Многие из артефактов обгорели, как и часть венцов дома. В конце 1240-х гг. (по данным дендрохронологии) на месте сгоревшей было возведено новое, большее по площади жилище.

При анализе данных дендрохронологии нужно обратить внимание на общую недолговечность деревянных сооружений в средневековой Руси. Средняя продолжительность бытования деревянной постройки в подобных ярославскому региону климатических условиях составляет около 30 лет[4]. Лишь немногие дома могли стоять без серьезной починки более полувека. Соответственно, уничтожение этих построек должно было произойти в интервале от начала 30-х до конца 40-х гг. XIII века. Единственное летописное свидетельство подобной катастрофы в этот период — нашествие Батыя на Русь и разгром многих русских городов в 1238 г.

В связи с совершенствованием технологий и с ростом точности радиоуглеродного метода в последние десятилетия все больше археологических объектов средневекового периода датируются при помощи анализа С-14. Нами были отобраны образцы костей как человека, так и животных изо всех девяти ярославских коллективных захоронений для радиоуглеродного датирования комплексов. По данным радиокарбонного анализа, все погребения были совершены в один временной период. Даты по С-14 для костных остатков из погребений соотносятся с дендродатами из сооружений, в которых они были сделаны, и с датой летописного события — 1238 г.[5] Данные радиоуглеродного анализа не противоречат археологической стратиграфии и датировкам археологических артефактов по типологии. Радиоуглеродное датирование позволило получить независимый дополнительный источник для определения времени образования рассматриваемых нами комплексов как первая половина XIII столетия.

---

[2] Дендрохронологические исследования выполнены Карпухиным А. А.

[3] *Карпухин А. А., Соловьева Л. Н., Энговатова А. В.* Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011. С. 92–114.

[4] Там же.

[5] *Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И.* Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. М., 2013. С. 96–115.

Археологи в Ярославле смогли изучить девять закрытых и четко датированных археологических комплексов. В заполнении всех девяти коллективных погребений содержались многочисленные керамические материалы, которые могли попасть туда двумя путями – во время бытования построек, либо во время засыпки захоронений сложившимся ранее культурным слоем. Таким образом, была получена уникальная керамическая коллекция, с достаточно узкой датировкой, содержавшая статистически значимое количество фрагментов, частей сосудов и целых форм, характеризующая керамическое производство Ярославля в первой половине XIII в.

Всего в девяти закрытых комплексах выявлено более 4000 фрагментов и 15 сосудов с полным профилем. Подавляющее большинство керамики (95,8%) относится к древнерусской круговой первой половины XIII в. Встречены также белоглиняные и поливные фрагменты домонгольского времени (0,7% и 0,5% соответственно). Выявлена незначительная доля ранней керамики: славянской лепной второй половины XI в. (1,2%) и древнерусской круговой XII в. (1,8%) (см. табл. 1), попавшей в захоронения при их засыпке культурным слоем.

Таблица 1. Количество разных видов керамики из комплексов с погребениями

	венчик	*стенка*	*донце*	*крышка*	*ручка*	*блюдце*	*миска*	*стакан*	*чашка*	*итого:*	%
Лепная	10	33	4							47	1,19%
Древнерусская круговая (XII в.)	12	51	9	1						73	1,85%
Древнерусская круговая (нач. XIII в.)	790	2500	404	48		4	2	27	5	3790	95,80%
Белоглиняная	13	8	6							27	0,68%
Поливная		8	1			10				19	0,48%
Итого:	**860**	**2702**	**432**	**53**	**1**	**14**	**2**	**27**	**5**	**3956**	**100,00%**

1.1. Древнерусская круговая керамика (3775 фрагментов, 11 сосудов и 4 крышки, имеющие полный профиль).

В тесте у круговых фрагментов из комплексов преобладает примесь средней дресвы и песка (80%), встречены также примеси мелкой и крупной дресвы с песком. Большинство фрагментов (примерно 85%) имеют окислительный обжиг: цвет фрагментов и сосудов полного профиля, как правило, коричневый, охристый или темно бежевый. Стенка в изломе

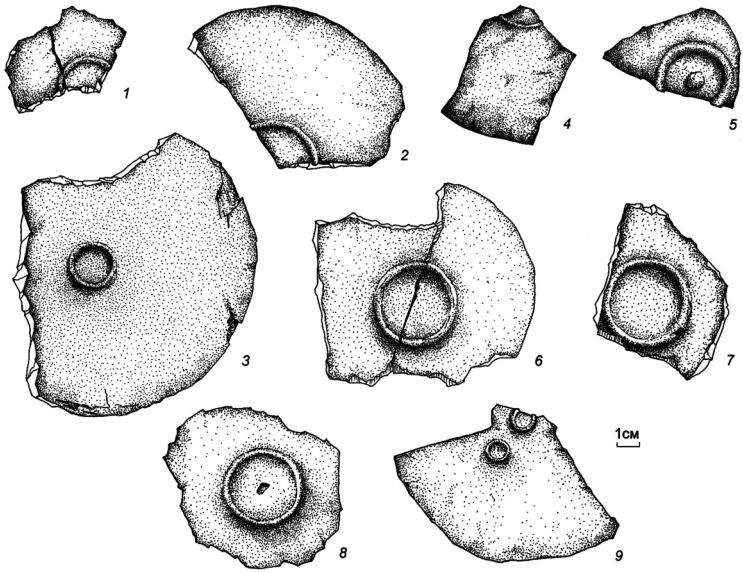


Рис. 2. Донца сосудов с клеймами из засыпки коллективных захоронений 1238 г.: Раскоп «Волжская набережная, д.1»: 1–3 — яма 110; 4–5 — яма 125. Раскоп «Успенский»: 6–7 — сооружение 27; 8–9 — сооружение 9

1–3-слойная, при этом толщина срединного слоя, имеющего черный или серый цвет, не превышает половины толщины черепка. Остальные фрагменты имеют розовый или оранжевый цвет и излом темно-серого цвета. Данные сосуды явно не привозные, поскольку морфологически они не отличаются от основной массы посуды, и в тесте у них отмечены примеси, характерные для керамического материала Ярославля в целом (средняя и мелкая дресва с песком). Очевидно, такой цвет фрагментов следует связать с окислительно-восстановительным обжигом.

Донца изготовлены на ручном круге легкого типа. У большинства из них отмечены следы подсыпки песка. Лишь на нескольких нижних частях сосудов зафиксированы следы золы. На донцах девяти сосудов (вероятно, горшков) обнаружены клейма: восемь с изображением окружности (рис. 2: *1–8*) и одно — с неопределенным рисунком, сохранившимся фрагментарно (часть трехсторонней розетки?) (рис. 2 : *9*).

Выявлены следующие категории посуды[6] (рис. 7).

[6] При характеристике керамики использована классификация круговой посуды центральных районов Ростово-Суздальской земли. (*Кадиева Е. К.* Принципы морфологической обработки круговой керамики второй половины X–XIII вв. // Антиковедение и медиевистика. Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 83–89).

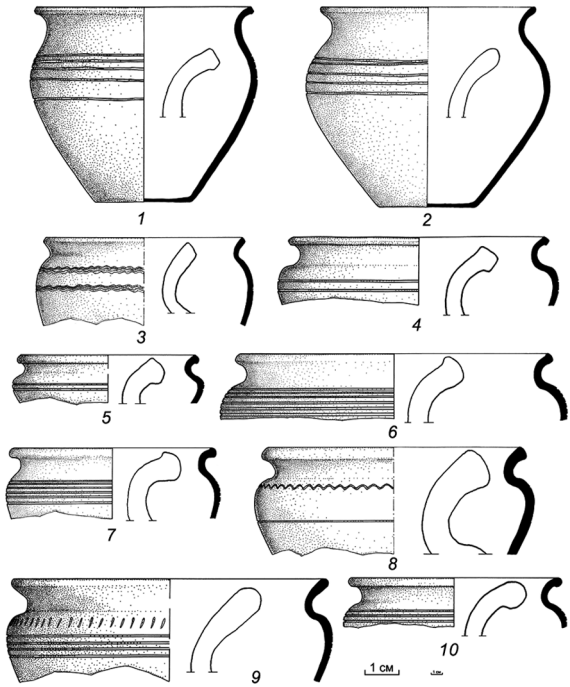


Рис. 3. Горшки группы I из засыпки коллективных захоронений 1238 г.: Раскоп «Успенский»: 1, 2, 5, 6, 9 — сооружение 27; 3 — яма 262; 8 — сооружение 9. Раскоп «Волжская набережная, д. 1»: 4, 7 — яма 125. 1–3— вариант 1; 4 — вариант 2; 5–7 — вариант 4; 8–10 — вариант 7

Горшки — наиболее распространенная категория посуды. Всего обнаружено 786 верхних частей, 404 донца и 4 горшка полного профиля, что составляет 93,5% от общего количества исследованной керамики. Встречены горшки следующих групп.

Группа I. (92% от всего количества горшков) (рис. 3–4). К ней отнесены сосуды так называемого «эсовидного» профиля, имеющие низкую отогнутую наружу шейку, плавно переходящую в плечики. Горшки данной группы играли роль кухонной посуды. Выявлены во всех комплексах. Размеры горшков варьируются от миниатюрных до крупных: диаметр венчиков составляет от 9 до 34 см.

Два сосуда полного профиля происходят из сооружения 27. Один сосуд, обнаруженный на глубине — 360 см, имеет следующие параметры: d венчика = 18,7 см, d донца = 8,5 см, h = 17,3 см (рис. 3: *2*). На глубине — 376 см обнаружен еще один горшок: d венчика = 19 см, d донца = 8,2 см, h = 16,8 см (рис. 3: *1*). Горшки очень похожи между собой и по форме, и по технике изготовления. Очевидно, они сделаны одним мастером. В колодце (яма 110) на глубине — 351 см (5 ярус) также обнаружен сосуд полного профиля, который имеет следующие размеры: d венчика = 15 см, d донца = 8 см, h = 15,2 см (рис. 4: *4*).

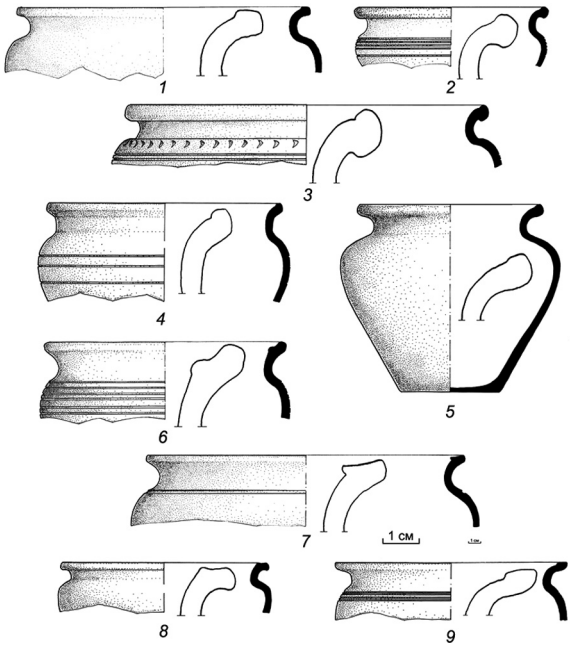


Рис. 4. Горшки группы I из засыпки коллективных захоронений 1238 г.: Раскоп «Успенский»: 1, 6 — сооружение 9; 2, 3, 8 — сооружение 27; 7 — яма 262. Раскоп «Волжская набережная, д. 1»: 4 — яма 110; 5, 9 — яма 125. 1–5— вариант 8; 6, 7 — вариант 9; 8, 9 — вариант 10

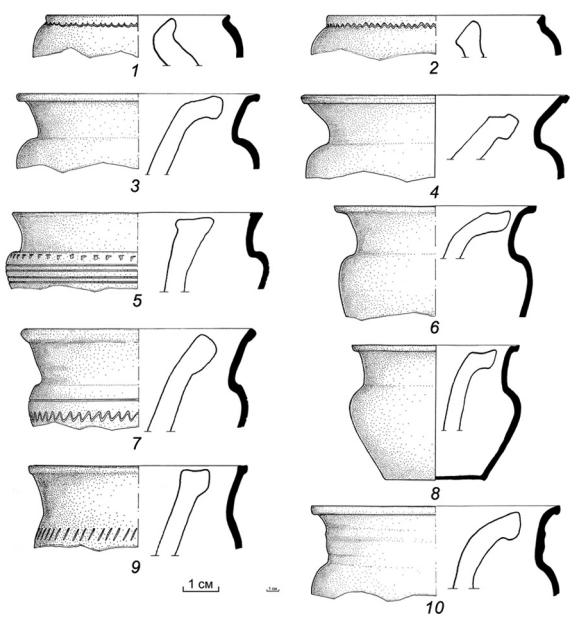


Рис. 5. Горшки групп II, III, IV из засыпки коллективных захоронений 1238 г.: Раскоп «Успенский»: 1, 4 — сооружение 27; 2, 5 — яма 262; 3 — сооружение 9. Раскоп «Волжская набережная, д. 1»: 6 — яма 110; 7 — сооружение 60; 8, 9 — яма 125. Раскоп «Рубленый»: 10 — сооружение 76. 1, 2 — группа II; 3–9 — группа III; 10 — группа IV. 1, 7 — вариант 7; 2 — вариант 9; 3 — вариант 8; 4–6, 8, 9 — вариант 10; 10 — вариант 1

Группа II. (2,1 % от всего количества горшков) (рис. 5: *1, 2*). В эту группу включены широкогорлые горшки. Шейка низкая, прямая вертикальная или с незначительным наклоном внутрь. Использовались в качестве хозяйственной и кухонной посуды. Встречены только в комплексах Успенского раскопа (сооружение 27 и яма 262), где представлены горшки малых и средних размеров: d горла = 14–18 см.

Группа III. (6,8% от всего количества горшков) (рис. 5: *3–9*). Включает сосуды с высокой прямой отогнутой наружу раструбовидной) шейкой. Данные сосуды употреблялись в качестве кухонных и столовых. Имеют средние размеры: d венчика составляет от 16 до 23 см. Горшки данной группы зафиксированы в тех комплексах раскопов «Успенский» и «Волжская набережная, д. 1», которые до 1238 г. имели хозяйственное назначение (в ямах, погребах), а также в колодце, где их доля варьируется от 2,5% (комплекс 9) до 19 % (комплекс 60).

Сосуд полного профиля, извлеченный из ямы 125 (прослойка тлена), имеет следующие размеры: d венчика = 14 см, d донца = 8,3 см, h = 11 см (рис. 4: *8*).

Группа IV. (0,1% от всего количества горшков) (рис. 5: *10*). Горшки с высокой прямой вертикальной или несколько наклоненной внутрь шейкой, часто имеющей снаружи несколько валиков. Горшки этой группы являлись первыми кринками. Они, как правило, использовались как столовая посуда для хранения жидкостей. В Ростово-Суздальской земле такие сосуды бытовали в основном до XIII века и к моменту нашествия Батыя уже практически не использовались в хозяйстве. Комплекс 76 (раскоп «Рубленый»), в котором зафиксирована верхняя часть сосуда группы IV средних размеров (d венчика=21 см), является погребальной ямой, выкопанной в материке специально для совершения захоронения. Соответственно, можно предположить, что фрагмент данного горшка попал в заполнение комплекса из более раннего времени[7].

Стаканы(19 верхних частей, 4 донца, 4 полных формы) (2%) (рис. 6: *1–5*). К данной категории посуды относятся сосуды миниатюрных размеров вытянутых пропорций: диаметр горла составляет от 10 до 13,5 см. Стаканы выявлены в комплексах раскопов «Успенский и «Волжская набережная, д.1», где их процент довольно высок. Это можно объяснить как близостью комплексов к храмовой территории (стаканы — сосуды для причастия)[8], так и особенностями ярославской керамики домонгольского времени. Особенно выделяется яма 262 (Успенский рас-

---

[7] *Энговатова А. В., Антипина Е. Е.* и др.

[8] *Кадиева Е. К.* Древнерусская круговая керамика Ярославля XII — середины XIII вв.: морфология и орнаментация (по материалам Успенского раскопа) // Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2007. С. 66.

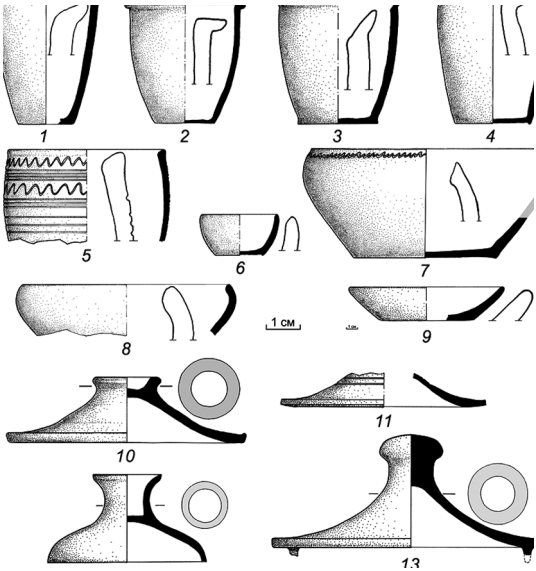


Рис. 6. Керамика первой половины XIII в. из засыпки коллективных захоронений 1238 г. Раскоп «Успенский»: 1, 9, 10 — сооружение 27; 2, 6 — яма 262; 8 — сооружение 9. Раскоп «Волжская набережная, д. 1»: 3 — яма 110; 4, 7, 11–13 — яма 125; 5 — сооружение 156. 1–5 — стаканы; 6, 7 — чаши; 8 — миска; 9 — блюдце; 10–12 — крышки группы I; 13 — крышка группы II

коп) в которой зафиксирована очень высокая доля стаканов (5,7%) даже по сравнению с остальными комплексами.

У нескольких сосудов данной категории воссоздан полный профиль. Сосуд из сооружения 27 имеет венчик варианта 9 и следующие размеры: d венчика — 10 см, d донца — 5,6 см, высота — 11,5 см (рис. 6: *1*). Стакан полного профиля из ямы 262 имеет следующие параметры: d венчика — 11 см, d донца — 5,3 см, высота — 10,5 см (рис. 6: *2*). Один сосуд полного профиля найден в колодце (яма 110) (глубина залегания — 303, 2 ярус). Его высота составляет 11 см, d донца — 7 см (рис. 6: *3*). Стакан полного профиля извлечен также из пласта 9 (–339) ямы 125. Он имеет венчик варианта 10 и следующие размеры: d венчика — 10 см, d донца — 6,6 см, высота — 11,8 см (рис. 6: *4*).

Чаши (чашечки) (3 верхних части, 2 полных формы) (0,45%) (рис. 6: *6, 7*). К чашам (чашечкам) отнесены слабопрофилированные сосуды с максимальным расширением тулова, превышающем в 1,3–1,6 раза общую высоту. Встречены сосуды различных размеров: диаметр горла варьируется от 7 до 20 см. Чашечки могли, вероятно, употребляться и как столовая, и как кухонная посуда (готовили пищу детям?). Чаши выявлены в комплексах Успенского раскопа (яма 262) и раскопа «Волжская набережная, д. 1» (ямы 110, 125).

Сосуд полного профиля найден в яме 262. По пропорциям он отнесен к категории чашечек, но имеет миниатюрные размеры (d венчика = 7 см, d донца = 4,3 см, высота = 3,6 см). Отсутствие нагара позволяет пред-

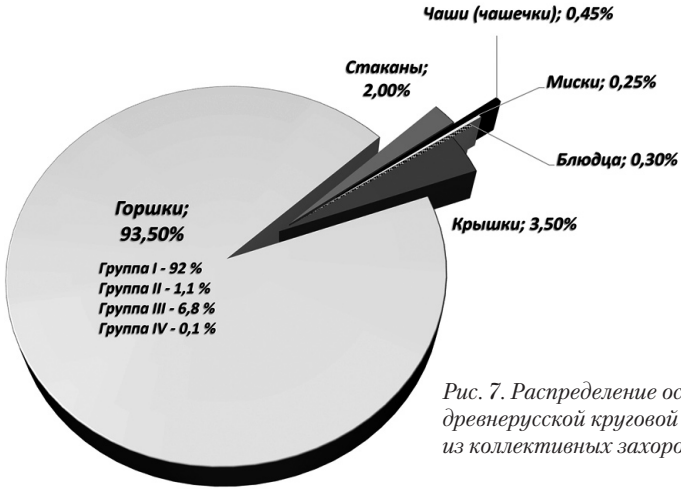


Рис. 7. Распределение основных категорий древнерусской круговой посуды из коллективных захоронений 1238 г.

положить, что сосудик использовался для столовых нужд (масленка?) (рис. 6: *6*). Интерес представляет сосуд средних размеров из ямы 125 с восстановленным полным профилем: d горла = 20,2 см, d донца = 12,5 см, высота — 9,4 см (рис. 6: *7*). По пропорциям он отнесен к категории чаш, однако, очевидно имел вполне определенную функцию. Отверстие диаметром 2,8 см в средней части тулова (вероятно, туда был вставлен носик?), а также нагар на внутренней стороне стенок позволяет предположить, что данный сосуд мог использоваться для отстаивания молока.

Миски (2 верхних части) (0,25%) (рис. 6: *8*). К мискам отнесены непрофилированные сосуды, наибольший диаметр которых в 2–2,5 раза превышает общую высоту. Данная категория посуды встречена только на Успенском раскопе, в комплексах 9 и 27. Миски имеют конусовидное тулово (диаметр горла = 18–23 см). Использовались в основном как столовая посуда.

Блюдца (2 верхних части, 1 полная форма) (0,3%) (рис. 6: *9*). К данной категории посуды принадлежат миниатюрные непрофилированные сосуды с максимальным расширением тулова, превышающим в три и более раз общую высоту. Обнаружены лишь на Успенском раскопе, в комплексах 27 и 262. Диаметры верхних частей составляют 12–13 см. Блюдца могли служить столовыми сосудами (масленки, сметанницы и т. д.), а также применяться в качестве светильников или крышек для горшков.

Блюдце, сохранившееся целиком (сооружение 27), имеет округлые края и следующие размеры: d венчика — 13 см, d донца — 7 см, высота — 2,8 см (рис. 6: *9*). На венчике фиксируется нагар. Возможно, использовалось как светильник.

Крышки (39 нижних частей, 6 верхних частей, 4 полных формы) (3,5%). Вспомогательная категория посуды, обязательно прилагающаяся к сосудам. По морфологическим и функциональным признакам крышки выделенных комплексов можно разделить на две группы:

– группа I (рис. 6: *10–12*). Крышки без бортика конусовидной формы. Они предназначались в основном для кухонной керамики, поэтому на многих из них фиксируется нагар. Внешний вид таких крышек довольно разнообразен. Так, во-первых, зафиксированы крышки с кососрезанными или округлыми краями (38 нижних частей, 4 верхние части и 2 крышки полного профиля) (рис. 6: *10*). Диаметр наружной части крышек составляет 19–30 см. Во-вторых, одна нижняя часть относится к крышкам с приподнятыми кверху краями. Диаметр наружной части — 18 см (рис. 6: *12*). В-третьих, одна из крышек полного профиля имеет загнутые вниз края (d нижней части = 13,6 см) (рис. 6: *11*). Верхние части крышек данной группы выполнены в виде полуконуса (d = 5–7 см) с полым пространством изнутри. Крышки данной группы встречены в ямах 110 и 125 раскопа «Волжская набережная, д. 1» и во всех комплексах раскопа «Успенский». Особенно интересно сооружение 27 Успенского раскопа, где доля крышек группы I составляет целых 7,4%.
– крышки группы II (одна крышка полного профиля) (рис. 6: *13*). Крышки с внутренним вертикально поставленным бортиком, направленным вниз. Ими накрывали сосуды, использовавшиеся для столовых или хозяйственных целей. Соответственно данные крышки, как правило, не имеют нагара, или он в незначительном количестве фиксируется по бортику. Крышка группы II полного профиля найдена в яме 125. Диаметр нижней части крышки составляет 24,5 см. Длину бортиков определить точно нельзя, но, вероятно, она могла доходить до 2 см. Верх крышки сформирован в виде выступа с округлым навершием диаметром 5,3 см. Следует отметить, что такие крышки, как правило, были распространены в более раннее время (ими закрывали кринковидные сосуды) и в рассматриваемый период уже практически не употреблялись.

Наиболее распространенными вариантами венчиков у сосудов из комплексов следует считать варианты 8 (со скругленным, загнутым внутрь краем), 4 (с заостренным верхним краем и округлым нижним), 7 (с округлым краем). В меньших количествах найдены венчики с кососрезанным краем (вариант 1), с горизонтальным краем (вариант 10), со срезанным внутрь краем (вариант 9). В яме 125 (раскоп «Волжская набережная, д. 1») выявлен также довольно редко встречающийся в Ярославле венчик с двумя косыми срезами (вариант 2). Также стоит отметить, что венчики вариантов 7, 9 и 10, использовались не только для оформления верха горшков, но и блюдец,

стаканов, чашек и мисок. Значительное количество верхних частей сосудов с вариантами венчиков 9 и 10, кроме Ярославля, встречено только на Усть-Шексне и в Угличе[9]. Таким образом, данные оформления венчиков можно считать характерными именно для Ярославского Поволжья.

Часть посуды из комплексов орнаментирована. Во всех комплексах как элемент орнамента на посуде доминирует прямо проведенная линия толщиной 3 мм. Кроме этого, выделяются линии 1 мм и 5 мм, прочерченные ножом или острой палочкой по подсушенной глине (правда, последний элемент был больше характерен для более раннего периода). Отмечены также вдавления различной формы, сделанные заостренной палочкой. Среди них следует выделить лунковидные (комплексы Успенского раскопа, ямы 42, 110, 125 раскопа «Волжская набережная, д. 1»), которые в целом были характерны для ярославской керамики. Керамика из комплексов также декорирована волной, нарезами и сочетаниями линий с волнами и вдавлениями. Украшены горшки, чаши, стаканы и крышки. Зависимости между элементами орнамента и разными категориями посуды практически не прослежено за исключение горшков группы II, происходящих из комплексов 27 и 262 Успенского раскопа. Они декорированы волной, идущей по шейке (рис. 5: *1–2*). Как особенность следует также отметить довольно низкую долю орнаментированной посуды в ярославских погребениях: на Успенском раскопе она составляет от 10 до 15 %, на раскопе «Волжская набережная, д. 1» — от 32 до 38%[10].

1.2. Белоглиняная керамика. 27 фрагментов (0,7%).

Данная керамика резко выделяется на фоне древнерусской круговой: изготовленная из беложгущейся глины, она имеет очень светлый цвет (от кремового до сероватого) и лучшие технологические характеристики: качественный окислительно-восстановительный обжиг и наличие в тесте в качестве примеси только песка. Все верхние части относятся к горшкам групп I (6 фрагментов (46%)) и III (7 фрагментов (54%))[11]. Высокая доля последних не случайна: белоглиняные горшки в домонгольское время в основном использовали в качестве столовой посуды. Орнаментировано более 90% сосудов. Среди элементов орнамента выделяются линии, лунковидные вдавления, расположенные по плечикам горшков. Вероятно, белоглиняные сосуды в Ярославле в домонгольское время не изготавливались. Они могли поступать в город по Волге из Углича или Усть-Шексны, где очевидно существовало производство такой керамики (в раскопах данного поселения белоглиняные фрагменты составляют от 5 до 8%).

---

[9] *Кадиева Е. К.* Круговая керамика поселения Усть-Шексна (вторая половина XI — середина XIII вв.) // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2006. С. 245. Рис. 2.

[10] *Энговатова А. В., Кадиева Е. К.* Указ. соч. С. 50. Рис. 27; С. 52. Рис. 30.

[11] Там же. С. 47. Рис. 24: *8*.

1.3. Поливная керамика. 19 фрагментов (0,5%).

Тесто у фрагментов имеет примеси средней дресвы с песком и окислительный обжиг. Керамика изготовлена из красножгущихся глин. Зафиксированы нижние части крышек (?) (d = 20 – 23 см) и придонная часть небольшого сосудика (диаметр донца = 3,5 см). Полива имеет светло-зеленый цвет и покрывает фрагменты с внешней стороны[12]. В Ярославле наличие производства поливной керамики в домонгольское время не доказано, но в крупных городах центра Северо-Восточной Руси оно существовало. Например, во Владимире, в комплексе усадьбы первой половины XIII в. на территории «Ветшанного города», была найдена кружка с двусторонней светло-зеленой поливой и с клеймом на донце, которое было абсолютно идентичным клейму на донце другого горшка явно местного производства[13]. Вероятно, и ярославская поливная керамика могла происходить оттуда, на что указывают ее технологические характеристики.

Следует отметить, что все фрагменты поливной керамики обнаружены в сооружении 27 Успенского раскопа. Здесь же и в яме 262 найдено и 59% белоглиняной керамики.

Итак, в результате исследований керамики из комплексов с массовыми захоронениями 1238 года на территории ярославского кремля можно сделать следующие выводы:

1. В целом керамическая коллекция соответствует первой трети (1210–1230-м гг.) XIII века[14]. Об этом свидетельствуют как технологические, так и морфологические ее характеристики. Более ранние керамические фрагменты (XI–XII вв.) попали в комплексы при засыпке захоронений из нижних культурных слоев.
2. Рассмотренный керамический материал позволил выделить специфические черты ярославской керамики домонгольского времени: малая доля орнаментированной посуды; большой процент чаш, стаканов и крышек; наличие значительного количества венчиков с горизонтальным краем (вариант 10) и со срезанным внутрь краем (вариант 9).
3. Керамика из комплексов Успенского раскопа и раскопа «Волжская набережная, д. 1» несколько отличается по морфологическим показателям и орнаментации. Так, только в сооружениях Успенского раскопа выявлены горшки группы II и миски, значительно больше доля стаканов и крышек, более разнообразно украшены сосуды.

---

[12] *Энговатова А. В., Кадиева Е. К.* Указ. соч. С. 47. Рис. 24: *6, 7, 9*.

[13] *Кадиева Е. К.* Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII вв. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 321.

[14] *Энговатова А. В., Кадиева Е. К.* Круговая керамика Ярославля первой половины XIII из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 23–60.

Также только на Успенском раскопе обнаружена поливная керамика. Вероятно, это можно объяснить особенностями бытования и локальными связями жителей отдельных городских усадеб.

Список литературы

Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). М., 2012.

Кадиева Е. К. Принципы морфологической обработки круговой керамики второй половины X–XIII вв. // Антиковедение и медиевистика. Вып. 2. Ярославль, 2000.

Кадиева Е. К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII вв. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.

Кадиева Е. К. Круговая керамика поселения Усть-Шексна (вторая половина XI – середина XIII вв.) // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2006.

Кадиева Е. К. Древнерусская круговая керамика Ярославля XII — середины XIII вв.: морфология и орнаментация (по материалам Успенского раскопа) // Археология: история и перспективы: Третья межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2007.

Карпухин А. А., Соловьева Л. Н., Энговатова А. В. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011.

Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская археология. 2009. № 2. С. 68–78.

Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпухин А. А., Осипов Д. О. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (Результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: Сб. статей. Ярославль, 2012. С. 185–208.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. 2013.

Энговатова А. В., Кадиева Е. К. Круговая керамика Ярославля первой половины XIII из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018.

А. В. Яганов

Москва

К исторической топографии Углича: Богоявленский девичий монастырь

Крайняя малочисленность письменных источников, освещающих историю города Углича, недостаток актового материала XV–XVI вв. повлекли за собой возникновение ряда противоречивых и спорных моментов, которые затрудняют ее объективную оценку. Сведения о раннем периоде существования города и региона исчерпываются несколькими упоминаниями в общерусских летописных сводах. Даже период краткого расцвета Углича в годы существования удельных княжеств Андрея Васильевича (1462–1491) и Дмитрия Ивановича (1505–1521) практически не получил в документах должного отражения.

Нехватка достоверной информации, помноженная на безудержную местную инициативу по изучению истории края, послужила основанием для появления на рубеже XVIII–XIX вв. многочисленных «легенд» и «преданий», объективность которых мы оставляем на совести их сочинителей. Эти литературные произведения, созданные на рубеже XVIII–XIX вв., являют собой образец крайне вольного изложения истории города и изобилуют придуманными подробностями, фактами, датами, фальсифицированными документами. Списки «летописцев» были широко распространены у местных обывателей и, по сути, являлись главным пособием для изучения истории Углича в этой среде. Ссылки на них можно найти в почти каждой краеведческой работе XIX–XX вв., где почерпнутые из них сведения используются без надлежащей критики.

Темой нашего исследования является крайне запутанная история возникновения и бытования Богоявленского девичьего монастыря, начало которого местная краеведческая традиция относит к концу XIII в., что, как увидим, не находит достоверного документального подтверждения.

В литературе сведения о существовании в городе Угличе двух Богоявленских монастырей — мужского и женского — впервые появляются в старообрядческих сочинениях, именуемых «Угличскими летописцами». Но, несмотря на негативную характеристику материалов свода поздних «преданий», позволим себе обратиться сначала к ним и рассмотреть содержащиеся здесь данные по этим двум монастырям[1].

1. Богоявленский мужской монастырь.

Находился в Заволжской части города, на берегу Волги, «на высокой горе близ Кашинской дороги» (*УЛ*. С. 59; 64. *ЦЛ*. С. 115), «при самом посаде ж западного конца тоя предместныя слободы града» (*ЦЛ*. С. 552), «за Крутым ручьем на высоком берегу», в одной версте от Покровского Паисиева монастыря (*УЛ*. С. 102. *ЛТ*. С. 123–124), «при Кашинской набережной дороге, на прекрасной горе» (*ЦЛ*. С. 552–553), «иже и ныне место то называется Богоявленскою горою» (*ЛТ*. С. 97).

О времени его основания данные одного и того же источника разнятся. В одном случае монастырь «построен в начало княжения благоверного князя Романа Углическаго, сына же Владимерова Угличского... в лето 6775 (1267) году» (*ЦЛ*. С. 510). В следующей версии «летописец» относит его «поставление» к 6781 (1273) г. тем же князем Романом Угличским (*ЦЛ*. С. 553).

Строения монастыря названы деревянными: это холодная церковь Богоявления Господня с приделом Иоанна Предтечи и теплая церковь с трапезой Илии Пророка с приделом чудотворца Ипатия (*ЦЛ*. С. 59; 115). При монастыре имелась слобода «на Кашинской дороге» (*УЛ*. С. 68).

В Смутное время (видимо, речь идет о разгроме Углича тушинцами в 1609 г.) Богоявленский монастырь был сожжен («круг монастыря натаскавше множество хврастия и дров и обложивше оный, огнем пожгоша» *ЛТ*. С. 123–124. *ЦЛ*. С. 20. О сожжении монастыря см. также *УЛ*. С. 59; 102. *ЦЛ*. С. 115; 510; 553). При разорении погиб игумен Авраамий (*ЦЛ*. С. 20; 553), количество сгоревшей братии в разных вариантах колеблется от 35–37 (*ЦЛ*. С. 20; 553. *ЛТ*. С. 124) до 40 (*УЛ*. С. 147. *ЦЛ*. С. 310), а укрывшихся здесь горожан – от 300 (*ЦЛ*. С. 20. *ЛТ*. С. 124) до 400 и 500 (*ЦЛ*. С. 553. *УЛ*. С. 147. *ЦЛ*. С. 310). В других вариантах указывается, что были убиты игумен и вся братия (*УЛ*. С. 59; 102. *ЦЛ*. С. 115).

2. Богоявленский девичий монастырь.

Находился в крепости (кремле) Углича «во углу к полуденной стороне, и по-за прудом пригорожен к западной стене городовой»

---

[1] Так как в различных вариантах «Угличских летописцев» содержатся взаимно противоречащие сведения, в своей работе мы используем три опубликованных списка: Угличский летописец. Ярославль, 1996 (УЛ); Царе-Углический летописец. Углич, 2013 (ЦЛ); Угличский летописец (по списку Археографической комиссии. № 18) // ТЯГУАК. М., 1890. Вып. 1. С. 86–142 (ЛТ).

(*УЛ*. С. 57; 98. *ЦЛ*. С. 111; 164; 172; 199; 506), «за Николскими вороты, как из города идешь, на правой стороне, за прудом» (*УЛ*. С. 82), «городовой, построен назади прудища, к полуденной стороне пригорожен был к острогу забором» (*УЛ*. С. 85).

Основан «благочестивым князем Димитрием Борисовичем Углическим, внуком Василковым, в лето же 6801 (1293) году» (*ЦЛ*. С. 548–549), в монастыре «клалися великих князей Оуглических княжны по преставлении своем, и княгини, и болярския дщери. И много было вкладных образов, и с низанными жемчюжными оглавии и ожерелиями» (*ЦЛ*. С. 199. УЛ. С. 98).

Здания описываются так: «А в нем церковь Богоявления Господня с пределом Иоанна Милостиваго, вторая церковь – Смоленския Пресвятыя Богородицы, теплая, и с пределом святаго Иоанна Златоустаго, и кельи инокинь, и притом и прочее монастырское строение: житницы, и хлебни, и столовые, и трапезные избы» (*ЦЛ*. С. 112). В другом варианте: «в нем же бысть храм во имя Богоявления Господня со пределы Знамения Пресвятыя Богородицы и Иоанна Милостиваго, тоже был весь древянн строением» (*ЦЛ*. С. 506).

По мнению авторов «летописцев», в этом монастыре была пострижена царица Мария Федоровна — мать царевича Димитрия: «И на самый праздник Введения Богородицы повеле той же Борис пострищи благоверную царицу Марию Федоровну матерь святаго царевича Димитрия, в монастыре девическом у Богоявления в городу» (*УЛ*. С. 53. *ЦЛ*. С. 103).

Богоявленская обитель была разграблена тушинцами в 1609 г., а игумения Анастасия (*ЦЛ*. С. 21; 548–549. *ЛТ*. С. 118), сестры и скрывшиеся в нем женщины были убиты и сожжены вместе с монастырскими зданиями (*УЛ*. С. 82; 98; 147–148; *ЦЛ*. С. 112; 164–165; 199). В огне погибли — по одной версии — 30 сестер, 200 девиц и 60 жен (*ЦЛ*. С. 21), по другой — 35 инокинь и 200 мирских (*ЦЛ*. С. 549).

После Смуты монастырь был возобновлен на старом месте. Здесь «вновь построены были церкви и кельи деревянные: церковь Богоявления Господня, шатровая на подклетах и с приделом Иоанна Милостивого; вторая церковь — Смоленские пресвятые Богородицы, теплая, и с приделом святых триех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго» (*УЛ*. С. 85). После произошедшего в 1660 г. пожара Богоявленская обитель была вынесена за пределы городской крепости, на Ростовскую дорогу, и поставлена близ острожного вала (*УЛ*. С. 85–88. *ЦЛ*. 172; 177–178; 506).

Суммируя эти противоречивые сведения, следует признать, что по данным, сообщаемым «летописцами», в Угличе одновременно существовали два Богоявленских монастыря – мужской (основанный князем Романом Владимировичем в заволжской части города) и женский (построенный князем Димитрием Борисовичем, находившийся в городской крепости). В Смутное время обе обители были разорены

и сожжены, монашествующие и укрывшиеся там горожане убиты. Впоследствии женский монастырь был возобновлен на прежнем месте, а в 1661 г. по причине возникшего в нем пожара перемещен на посад, где и находится в настоящее время.

Вот почти все, что предлагают нам «Угличские летописцы». Сочинителем их протографа считают старообрядца-беспоповца Григория Дмитриевича Серебренникова. Его многочисленные последователи-переписчики в дальнейшем на свой взгляд и вкус вносили в это произведение «дополнения» и «уточнения».

Писания Г. Д. Серебренникова послужили источником для критических и даже иронических высказываний со стороны его младших родственников, И. П. и В. И. Серебренниковых, которые также занимались местным краеведением. Как вспоминал Василий Иванович Серебренников, «Григорий Дмитриевич был замечателен наклонностью к авторству. Он немало написал всяких повествований о здешних монастырях и угодниках и оставил даже довольно обширное «Сказание о преславном и Богоспасаемом граде Угличе»... Но все, написанное им, крайне риторично и многословно, а в «Сказании» даже много противоречия в самих фактах. Видно, что старик, где что находил об Угличе, то и вносил безо всякой критики в свое «Сказание». Отец даже говаривал, что «дядя Григорий много врал и от себя». Но, как бы то ни было, а я, отчасти, пользовался трудами Григория Дмитриевича, когда, в былое время, писал статьи об Угличе для «Неоффициальной части» Ярославских губернских ведомостей»[2].

Если обратиться к достоверным письменным источникам, то картина будет совершенно иной. Мужской Богоявленский монастырь действительно существовал в Угличе до Смутного времени, но его возникновение не восходит ко времени ранее конца XVI в. Из грамоты царя Василия Шуйского Алексеевскому монастырю от 21 марта 1610 г. известно, что до разорения Углича летом 1609 г. Богоявленский монастырь уже имел источники содержания — две мельницы на реке Улейме и пашню «у Стретения Господня под городом». Из текста грамоты ясно, что он появился незадолго до Смуты и находился еще на стадии становления, когда «в прошлом де во 117-м году приходили де на Углеч воры литовские люди и посады и монастыри выжгли, и Богоявленской де монастырь, что строил внове старец Варсунофей, сожгли ж и братью (*а не сестер — А. Я.*) присекли»[3].

Монастырь располагался за Волгой, но в сохранившихся отрывках дозорных книг начала XVII в., где дается довольно полный обзор этой части города, о самой Богоявленской обители сведений нет. В описании церковных земель находившейся здесь городской Леонтьевской церкви упоминается Богоявленский ручей: «церковные земли по берегу на реке

[2] *Серебренников В. И.* Из моих воспоминаний. Углич, 2014. С. 15.
[3] *Шумаков С. А.* Угличские акты (1400–1749 гг.) М., 1899. С. 16.

на Волге вниз от Ивановского ручья да до Богоявленского три десятины пашни»[4]. Поэтому следует предположить, что он располагался вне пределов Углича, на левом берегу Волги между Покровским Паисиевым монастырем и городом, а упоминаемый в «летописцах» топоним «Богоявленская гора» позднее определял его местоположение.

По той же царской грамоте вотчины уничтоженной Богоявленской обители были отданы Алексеевскому монастырю «на свечи и на ладон», а «место, где стоял Богоявленской монастырь, пожаловали есмя, велели дати тому ж Олексеевскому монастырю на приезжей двор»[5]. Но было оговорено условие, что в случае восстановления обители, она должна устраиваться алексеевской братией: «а будет впредь хотя и быти на Углече Богоявленскому монастырю, и тот монастырь будет выставка ис того ж Олексеевсъского монастыря, а дати будет толко места, где поставить один монастырь»[6]. Престол Богоявления Господня из разоренного храма был перенесен в Алексеевский монастырь, где затем размещен в пристроенной к Алексеевской церкви каменной трапезе.

Документальных свидетельств существования в Угличе Богоявленского девичьего монастыря до Смутного времени совсем не находится. Самое ранее упоминание о нем относится к марту 1628 г., когда мать царя Михаила Федоровича – инокиня Марфа Ивановна — пожаловала в него Евангелие со следующей надписью: «Лета 7136 (1628), марта 31-го дня, сие святое евангелие напрестольное пожаловала дала Государыня великая старица инока Марфа Ивановна на Углеч в свое государынино богомолье в Богоявленский девич монастырь, что в кремле городе. И того монастыря игуменье с сестрами и с священниками, кто в том монастыре учнут жити, и им за государыню великую старицу иноку Марфу Ивановну Бога молить, и сей книги никому из Богоявленского монастыря в иной монастырь и к церквам по душам не отдати и не продати, ни заложити и ни которыми мерами от Богоявления Господня не похитити, а аще кто сие святое евангелие похитит, и он да восприимет в том суду на втором пришествии пред праведным Судиею»[7]. Февралем и ноябрем 1629 г. датируются две данные старицы Марфы Ивановны на вотчины, пожалованные Богоявленскому монастырю. В первой грамоте прямо говорится, что земельное пожалование предшествовало «прежней ... даче, к церковному и к монастырскому строению», поэтому можно утверждать, что девичий Богоявленский монастырь возникает в Угличе только в 1620-х гг. по ини-

---

[4] *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4. № 266. С. 270.

[5] *Шумаков* С. А. Угличские акты... С. 16–17.

[6] *Шумаков* С. А. Угличские акты... С. 17.

[7] *Серебренников В. И.* Богоявленский девичий монастырь в Угличе // ЯГВ. 1853. № 44. Ч.н. С. 457. *Исмарагда, игумения.* Угличский Богоявленский женский монастырь // ЯЕВ. 1873. № 10. Ч. н. С. 80.

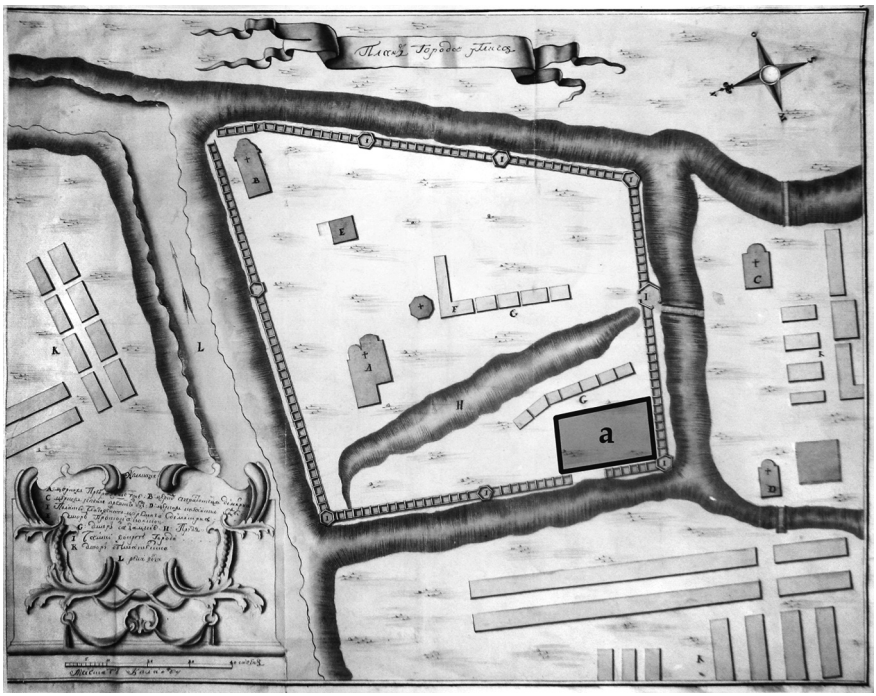


Рис. 1. План города Углича. 1751 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1803. Л. 292. Под литерой а) показано местоположение Богоявленского девичьего монастыря с 1620-х по начало 1660-х гг.

циативе матери царя, на что указывает словосочетание «учнут жити». В 1629 г. в нем не было даже настоятельницы, и ее функции исполняла старица Фекла[8]. В источниках начала XVII в. монастырь именуется как «Ново Девичий», что подчеркивает, его недавнее появление[9].

Место для устройства обители в городской крепости было предоставлено властями Алексеевского монастыря согласно грамоте 1610 г., где это условие было оговорено (рис. 1). Передача участка в крепости под устройство девичьего монастыря находит подтверждение в писцовой книге Углича 1674–1676 гг. В ней описывается «место порожнее, что был Богоявленский девичий монастырь», к тому времени уже находившийся

---

8 *Серебренников В. И.* Богоявленский девичий монастырь... // ЯГВ. 1853. № 45. Ч. н. С. 471.

9 Писцом одной из угличских грамот 1615/16 г. был «Новодевичья монастыря слушка Ондрей Михайлов сын» (*Шумаков* С. А. Угличские акты... С. 110), но, возможно, речь идет о московском Новодевичьем монастыре, чьи вотчины находились в Угличском уезде.

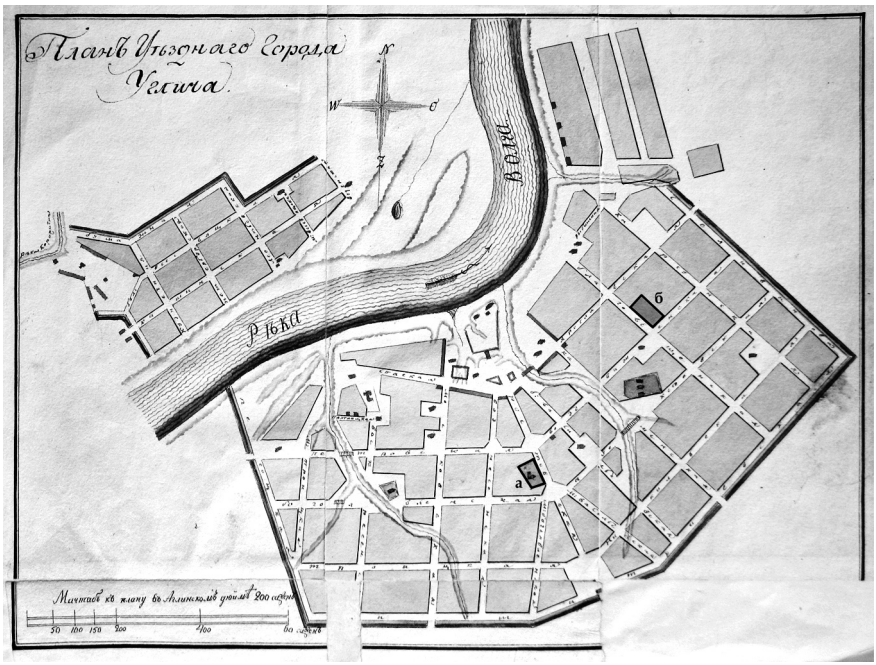


Рис. 2. План уездного города Углича. Начало XIX в. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Ярославская губерния. № 36. На плане показаны: а) местоположение Богоявленского монастыря после 1661 г.; б) участок некрополя церкви Афанасия и Кирилла

на посаде (рис. 2). С ним граничил двор Алексеевского монастыря, территория которого увеличилась за счет возврата участка, ранее предоставленного для постройки здесь Богоявленской обители: «покамест на том месте будет церковь строиться, и ту землю к церкви и монастырю отдать»[10].

Около 1626 г. в Алексеевском монастыре строится каменная церковь Богоявления Господня с трапезной и колокольней. Видимо, устройство престола было одним из неоговоренных в грамоте условий владения землями разоренного монастыря. Но уже в 1629–1630 гг., как видно из писцовой книги С. А. Давыдова и подъячего О. Трофимова, он значится во имя «Пречистыя Богородицы Одигитрия»[11]. Почему так быстро произошла смена посвящения церкви? Во второй половине 1620-х гг. в Угличе возникает Богоявленский девичий монастырь, поэтому власти Алексеевского монастыря должны были считаться с предписаниями царской грамоты 1610 г.

---

[10] ТЯГУАК. М., 1892. Кн. 2. С. 50.

[11] Писцовые книги Угличского уезда XVII века // ВДЮЛ. Ярославль 1887. Кн. 43. С. 219.

Воспоминания о Богоявленском престоле в Алексеевском монастыре, уже после упразднения Одигитриевского храма и постройки новой Успенской теплой церкви с трапезой, дожили до XIX в. благодаря тому, что еще в 1843 г. сохранялся «закладенный в стене церкви камень с высеченными на нем словами о построении Богоявленского придела»[12], перенесенный на стену трапезной XIX в. Любопытно, что сведения о Богоявленском престоле пережили его недолгое существование, тогда как предания об Одигитриевском престоле в Алексеевском монастыре полностью утратились.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. Содержащиеся в «летописцах» сведения о существовании Богоявленского девичьего монастыря до Смуты и пострижении в нем в 1591 г. царицы Марии Федоровны — матери царевича Димитрия — являются вымыслом и не подтверждаются другими источниками. Еще в 1886 г. это отметил в своей статье священник К. Ярославский[13].

Впрочем, если никакого Богоявленского девичьего монастыря до 1620-х гг. в Угличе не существовало, неубедительно и показание писателя-старообрядца рубежа XVIII–XIX вв. о его разорении в Смутное время и гибели игумении Анастасии, сестер «чистых девиц» и «жен». Но откуда же появились сведения о захоронении игумении Анастасии на городском посаде?

Тот же Г. Д. Серебренников в своем «летописце» приводит следующее сообщение: «И на Афонасьевском погосте, ... где и поныне явствует церковнаго погосту или приходу бывое преставленнопогребаемых древних времен християнских телес существуемое кладбище, яко же в древнейших временех достоблаженно похраненныя рабы Божия Анастасии преставленноя тело за 275 лет до сего году 7299 (1791)-го, в он же надгробная положенная над телом ея каменная белая цка поверх земли изыде с надписанием существуемаго преставления и погребения ея лето в 7024 (1516) году месеца майя 31 дня. И от сего лета по 7299 (1791) год так минуло 275 лет, и в июне в 3-м числе от земнаго пепла наяве таковая цка чюдесно изыде, освеняя место погребалное приснолежимаго блаженноя тело, идеже ныне христоименитии людие память ея молитвенным помяновением присно почитают.

---

[12] *Серебряников И.* Исторические сведения 1. Об Угличском Алексеевском монастыре // ЯГВ. 1848. № 49. Ч.н. С. 280–281. О времени постройки Успенской церкви с трапезной см. статью: *Бусева-Давыдова И. Л.* Успенская («Дивная») церковь Алексеевского монастыря в Угличе и ее место в истории русской архитектуры первой половины XVII в. // АН. М., 2003. Вып. 45. С. 50–56.

[13] *Ярославский К., свящ.* Об основании и месте первоначального существования Угличского Богоявленского женского монастыря // ЯЕВ. 1886. № 40-41. Ч. н. С. 630–640; 654–656. Впечатление от статьи К. Ярославского двойственное. Основываясь на достоверных фактах, в заключении он неожиданно приходит к выводам, которые никак им не соответствуют и представляют историю монастыря исключительно в канве местных «летописных» преданий. Вероятно, это произошло под давлением незыблемых стереотипов, сложившихся уже тогда в угличском краеведении.

(Зри. Что в лето ж 7024 (1516) году блаженноя рабы Божия Анастасии преставление и погребение бысть на оном погосте, и цка надгробная каменная белая ж со словами поверх земли изыде в лето 7299 (1791) году месеца июня в 3 день в 1 час пополудни, в день неделныи, то есть воскресныи, и бысть по тот год чюдесно возшедшия цки от преставления ея 275 лет, собственно ж по преставлении блаженноя; вернии и поныне поют понахиды)» (ЦЛ. С. 562).

Из многоречивого и запутанного повествования можно понять, что 3 июня 1791 г. на погосте бывшего Афанасьевского прихода «чюдесно изыде» из земли белокаменная надгробная плита. На ней сохранилась эпитафия, повествующая о погребении некой рабы Божией Анастасии, которая скончалась 31 мая 7024 (1516) г. Автор указывает ориентиры этого Афанасьевского погоста: «храм Благовещенский, невдаль состоит того Корсунскаго ж приходу, ко внутрь же вдашася в посадныя жительства и поблизь Афанасьевскаго бывшаго погосту» (ЦЛ. С. 560).

Эта часть посада довольно подробно описана в отрывке книг «письма и дозору Никиты Федоровича Панина да подъячего Наума Петрова 128-го году». В 1619/20 г. в местности, называемой Конюшни, находился «храм ружной, теплая церковь Флор и Лавр», а также «место церковное ружное Благовещение Пресвятые Богородицы... а священник убит от литовских людей». Кроме того «на Конюшнях же, близко Окишовы улицы, место церковное ружное Афанасия и Кирила... а священник убит в литовское разорение»[14]. Церковь Афанасия и Кирилла так и не была восстановлена после Смуты и в писцовой книге 1674–1676 гг. упоминается только «кладбище Афанасьевское у Ярославской дороги вдоль дватцать сажен, поперег пятнатцать сажен с третью»[15].

Рассказ о плите, «обретенной» в 1791 г., является одним из немногих достоверных свидетельств, содержащихся в писаниях литератора-старообрядца. Несомненно, Г. Д. Серебренников был свидетелем случая с плитой, которая была найдена на заброшенном погосте, и последующего суеверного почитания этой плиты среди отдельной части угличских обывателей (старообрядцев-беспоповцев, к которым он принадлежал). На то указывает, что «вернии и поныне поют понахиды», то есть суеверие открылось вскоре после появления плиты и развивалось еще при жизни автора. Заметим, что Г. Д. Серебренников, описывая событие 1791 г., не говорит, что плита принадлежала игуменье Богоявленского монастыря. Распространяемое старообрядцами в обывательской среде «смущение» осталось без внимания местных церковных и епархиальных властей и не было пресечено на раннем

[14] ВДЮЛ. Ярославль, 1889. Кн. 48. С. 79.
[15] ТЯГУАК. М., 1892. Кн. 2. С. 99.

этапе. Наоборот, служение панихид у плиты являлось одним из источников дохода приходского духовенства.

В дальнейшем почитание могилы прогрессировало и стало обрастать легендами, популярными, в том числе, и в среде приверженцев православной церкви. Факты его широкого распространения относятся уже ко второй половине XIX в.

Одним из первых о могиле сообщает Н. Ф. Лавров: «по преданию народному находится вблизи Флоровской церкви, именно саженях в 30 к ярославской дороге, могила игумении Анастасии, с сестрами, избитыми поляками. Полагают, что на сем месте был некогда девичий Богоявленский монастырь; в недавнее время даже камень с надписью свидетельствовал о сем. В настоящее время его нет. Были случаи, что священнослужители Флоровской церкви служили панихиды над могилою мучениц, по просьбе неизвестных и всегда больных, как заметно»[16]. Следовательно, в конце 1860-х гг. плиты с надписью на бывшем погосте уже не было.

Как видим, могила с плитой 1516 г., найденная в 1791 г., спустя полвека у обывателей трансформировалась в место захоронения игумении Анастасии с сестрами. Вероятно, это произошло из-за совпадения имени в эпитафии 1516 г. с именем игумении, убитой (по сведениям «летописцев») поляками.

В 1873 г. со ссылкой на «устное предание» сведения о могиле убитой игуменьи помещены в описании Богоявленского монастыря. Тогда место Афанасьевского кладбища уже было плотно застроено, и могила находилась «во дворе мещан Кривдиных»[17].

Как памятник Смутного времени – могилу «мученически убиенной в 1609 году, при нашествии на Углич поляков, игумении Анастасии с 35 сестрами», представили преосвященному Ионафану при обозрении им епархии в 1888 г. Она была «обнесена деревянным палисадом и на ней поставлен деревянный крест с медною иконою Богоматери и иконою пр. Феодосия Тотемского». Белокаменную плиту по причине того, «что посетители в память посещения отламывали от камня кусочки, и таким образом уничтожали его», перенесли в приходскую церковь Флора и Лавра и вставили там в подоконник. По свидетельству владелицы участка Кривдиной, почитание могилы происходило еще при жизни ее деда[18].

Несколько отличная от сложившейся ранее версия происхождения могилы приведена Л. Ф. Соловьевым: «От огня погиб и Богоявленский монастырь с игуменьей Анастасией, 35 сестрами, 200 юными девицами

---

[16] *Лавров Н. Ф.* Путеводитель по церквам г. Углича. Ярославль, 1869. С. 49.

[17] *Исмарагда, игумения.* Угличский Богоявленский... // ЯЕВ. 1873. Ч.н. № 10. С. 79–80. Прим.

[18] ЯЕВ. 1888. № 13. Ч.н. С. 193–194.

и 60 женщинами, — несчастные бросались в воду (Тело игуменьи Анастасии извлечено из воды и погребено на Благовещенской улице)»[19].

Как видим, появление могилы на Афанасьевском кладбище никаким образом не связано с разорением Богоявленского девичьего монастыря в Смутное время. До 1620-х гг. этого монастыря в Угличе не существовало, поэтому не было и игумении Анастасии. Находка в 1791 г. белокаменной плиты с именем некой Анастасии, умершей 31 мая 1516 г., на одном из бывших приходских кладбищ Углича случайна. Почитание могилы распространилось, видимо, вскоре после этого события в среде старообрядцев-беспоповцев, а позднее и между угличскими мещанами и многочисленными паломниками, посещавшими святыни города. К середине XIX в. это почитание, не без влияния «летописцев», оформилось в местную легенду о мученице-игуменье, которая неоднократно перерабатывалась и дополнялась новыми «фактами».

Даже принимая во внимание легендарность и фантастичность излагаемых «летописцами» сведений, общая канва повествования показывает время их создания — конец XVIII в. Эти подробности наслаиваются на картину общего состояния города этого времени — состав и материал построек, бывших в то время в приходах и монастырях Углича, следы древних кладбищ, еще не застроенных в ходе практической реализации регулярного плана города. Поэтому современные заметки Г. Д. Серебренникова об Афанасьевском кладбище и других средневековых маркерах Углича (конечно, без учета их легендарной подосновы) можно считать вполне достоверными.

Локализация могилы «игуменьи Анастасии» имеет для нас не церковно-каноническое, а скорее, археологическое значение и позволяет выявить один из элементов средневековой топографии Углича — участок некрополя погибшей в Смуту церкви Афанасия и Кирилла (рис. 2).

Сложнее с определением местоположения мужского Богоявленского монастыря, существовавшего в конце XVI в. и погибшего в 1609 г. Известно лишь то, что находился на левом берегу Волги, за границами тогдашнего города. На основании минимума сведений, содержащихся в достоверных письменных источниках можно предположить, что он помещался между Покровским Паисиевым монастырем и городской чертой.

В дальнейшем, базируясь на основании картографических материалов XVIII в. и комплексе документов XV–XVIII вв., можно будет сделать привязку других церковных топонимов средневекового Углича.

---

[19] *Соловьев Л. Ф.* Краткая история города Углича. СПб., 1895. С. 48.

Список литературы

Бусева-Давыдова И. Л. Успенская («Дивная») церковь Алексеевского монастыря в Угличе и ее место в истории русской архитектуры первой половины XVII в. // АН. М., 2003. Вып. 45. С. 50–56.

Выпись с писцовых книг писма и меры стольника Михайла Феодоровича Самарина да подъячева Михайла Русинова 132 и 133 и 134 (1674, 1675, 1676) годов // ТЯГУАК. М., 1892. Кн. 2. С. 30–298.

Исмарагда, игумения. Угличский Богоявленский женский монастырь // ЯЕВ. 1873. № 10. Ч. н. С. 79–85. № 11. Ч. н. С. 87–94. № 12. Ч. н. С. 95–102. № 13. Ч. н. С. 103–107.

Лавров Н. Ф. Путеводитель по церквам г. Углича. Ярославль: В Губернской типографии. 1869.

Липинский М. А. Писцовые книги Угличского уезда XVII века // ВДЮЛ. Ярославль, 1887. Кн. 41. С. 1–112. 1887. Кн. 42. С. 113–128. 1887. Кн. 43. С. 129–224. 1887. Кн. 44. С. 225–320. 1887. Кн. 45. С. 321–544. 1888. Кн. 46. С. 545–619.

Липинский М. А. Угличские акты XVII века // ВДЮЛ. Ярославль. 1889. Кн. 48. С. 1–80. 1889. Кн. 49. С. 81–128. 1890. Кн. 50. С. 129–160. 1890. Кн. 51. С. 161–184. 1890. Кн. 52. С. 185–218.

Обозрение Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Ионафаном, архиепископом Ярославским и Ростовским, церквей и монастырей в городах: Рыбинске, Мологе, Мышкине, Угличе и их уездах в продолжение 10–19 сентября 1887 года // ЯЕВ. 1888. № 13. Ч. н. С. 193–205.

Серебренников В. И. Богоявленский девичий монастырь в Угличе // ЯГВ. 1853. № 44. Ч. н. С. 456–461. № 45. С. 470–473.

Серебренников В. И. Из моих воспоминаний. Углич: Издание Угличского родословно-краеведческого общества им. Ф. Х. Кисселя. 2014.

Серебряников И. Об Угличском Алексеевском монастыре // ЯГВ. 1848. № 49. Ч.н. С. 277–283.

Соловьев Л. Ф. Краткая история города Углича. СПб: Типолитография и переплет С. М. Николаева. 1895.

Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Сергиев Посад Моск. губ.: 2-я типография А. И. Снегиревой. 1897. Вып. 4.

Угличский летописец (по списку Археографической комиссии. № 18) // ТЯГУАК. М., 1890. Вып. 1. С. 86–142. (*ЛТ*).

Угличский летописец (по списку Е. В. Барсова из собрания Ростовского музея) / отв. Ред. А. А. Севастьянова; подготовка текста Я. Е. Смирнов. Ярославль, 1996. (*УЛ*).

Царе-Углический летописец. Подготовка текста, послесловие и комментарии: И. В. Сагнак. Углич: Издание Угличского родословно-краеведческого общества им. Ф. Х. Кисселя, 2013. (Труды Угличского родословно-краеведческого общества им. Ф. Х. Кисселя. Вып. 6). (Письменные памятники древнего Углича. Кн. 4). (*ЦЛ*).

Шумаков С. А. Угличские акты (1400–1749 гг.) М: Университетская типография, 1899.

Ярославский К., священник. Об основании и месте первоначального существования Угличского Богоявленского женского монастыря // ЯЕВ. 1886. № 40. Ч. н. С. 630–640. № 41. Ч. н. С. 654–656.

Список сокращений

АКР – Археологическая карта России
АН – Архитектурное наследство
АН СССР – Академия наук СССР
АРГ – Акты Русского государства
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
ВА ОПИ ГИМ – Ведомственный архив Отдела письменных источников Государственного исторического музея
ВДЮЛ – Вестник Демидовского юридического лицея
ВЯ – Вопросы языкознания
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМЗРК – Государственный музей-запо-ведник «Ростовский Кремль»
ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ЗРАО – Записки русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКРЗ – История и культура Ростовской земли
КарНЦ – Карельский научный центр Российской академии наук
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КГИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЛГУ – ленинградский государственный университет
МАИ – Московский археологический институт
МАО – Московское археологическое общество
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАН – Национальная Академия наук
ННЗ – Новгород и Новгородская земля
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОРКРАМ ГМЗРК – Отдел редкой книги, рукописей и архивных материалов Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль»
ОРЯС – отдел русского языка и словесности Императорской Академии наук
ПВЛ – Повесть временных лет
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия
РА – Российская археология
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Москва
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИМ – Российский Исторический музей
РсФ ГАЯО – филиал Государственного архива Ярославской области в г. Ростове
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГПУ – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный музей
ТЯГУАК – Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
УГИАХМ – Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЯГВ – Ярославские губернские ведомости
ЯГИАХМ – Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости
ЯОО ВООПИК – Ярославское областное отделение Всероссийского Общества Охраны Памятников Истории и Культуры

Археология: история и перспективы:

Восьмая межрегиональная конференция

Сборник статей

Ответственный редактор Леонтьев А. Е.
Обложка и компьютерная верстка Т. Ю. Лахновой

Подписано в печать 05.10.2018.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «PeterburgC».
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер»
150008, Ярославль, ул. Клубная, 4-49
Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-39
kancler2007@yandex.ru